Н. Сладков

Силуэты на облаках

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгу вошли любимые рассказы автора про лес, природу, птиц и животных.

Книга дополнена фотографиями, сделанными автором.

- Николай Сладков
  -
    - Охотники заряжают патроны
    - Не бери в лес ружьё
    - Хочешь увидеть — стань невидимым
    - Шапка-невидимка
    - Шапка по моде
    - Что там, под шапкой?
    - Что полагается к фоторужью?
    - Зачем нужна записная книжка?
    - Что записывают в записную книжку?
    - Записная книжка
    - Зарядка кассеты
    - Что там, за снимком?
    - Первый шаг
  - * * *
    -
    - Деревья
    - Птицы
    - Старый знакомый
    - Заяц и полёвка
    - Лосёнок и лосиха
    - Заяц и Оляпка
    - Яблонька и Воробей
    - Лесное креслице
    - Нечеловеческие шаги
    - Новый голосок
    - Целая жизнь
    - Воробей и Синица
    - Крот и Филин
    - Соловей и лягушка
    - Бабочки
    - Следы и Солнце
    - Косачиный час
    - Лебединый берег
    - Соловей поёт
    - Задумчивый дятел

- Тень
- Лесной шум
- Веснушки
- Песни гремят
- Белая ночь
- И грустно и радостно
- Золотой дождь
- Весенние ручьи
- Оттаявшие происшествия
- Тёплая струйка
- Время
- Деревья скрипят
- Гнездо
- Дядя Витя?
- Кукушкины годы
- Крутые меры
- Белые страницы
- Справочное бюро
- Лесные пословицы и поговорки

○ * * *

-
- Глаз или ухо?
- Самоубийца
- Змеиный гипноз
- В лес по загадки
- Белкин мухомор
- Поющий ёж
- Тайна чёрного дятла
- Тайна вальдшнепа
- Синичка необыкновенная
- Дрозд и Сова
- Козодой
- Вороний сигнал
- Сорочий клад
- Вороний глаз
- Скворцы прилетели
- Огни на цветах
- Лиса и Заяц
- Журавль в небе
- Крылатая тень
- Какой заяц длины?
- Чеканчик
- Знахари
- Гриб-подгнездовик

- Не на ту ногу
- С днём рождения
- Чёрные страницы
- Лесные пословицы и поговорки
- Фотозагадки

○ * * *

-
- Топик и Катя
- Чайка
- На зарядку становись!
- Домашняя бабочка
- Карлуха
- Лишний гвоздь
- Сова, которую позабыли
- Дударь
- Тук-тук, я тут!
- Белка и Медведь
- Жадная сойка
- Они не видят тебя
- Они тебя видят
- Бабочкина дорожка
- Петь так петь!
- Заячий сон
- Силуэты на вершинах
- Силуэты на облаках
- Танец «косачек»
- В лисьей норе
- Своя песня
- Еловая каша
- Вежливая галка
- Почему зяблик — зяблик?
- Приёмыш
- Плясунья
- Чижик
- Без слов
- Тайна скворечника
- Пороша
- Кусок хлеба
- Паучок
- Пылесос
- Тук-тук!
- Соловьиный язычок
- Трясогузкины письма
- Сорочий поезд

- Волшебная полочка
- Заячий хоровод
- Плясуны
- Сногсшибательный душ
- Спать пора
- Берёста
- Айболитовцы
- Зазнайка
- Дежурный
- Шаги доверия
- Карапузики и долгоносики
- Петушок
- Ротозеи
- На дачу
- Соловья песня кормит
- О чём пела сорока?
- Фотозагадки
- Лесные пословицы и поговорки

○ * * *

-
- Белые фигурки
- Жар-птица
- Ледяные цветы
- Страшный невидимка
- Русалка
- Спортсмен
- Будьте знакомы
- Как медведь сам себя напугал
- Скатерть-самобранка
- О лешем
- Бабочки под землёй
- Песня из двух букв
- Лесные оборотни
- Ночные охотники
- Филипп и Федя
- Загадочный зверь
- Тетеревиные ноты
- Душегуб
- Три яичка
- Пищухин вальс
- Песенка подо льдом
- Поющее дерево
- Жабий король
- Звериная баня

- Весёлые старушки
- Отчего у лисы длинный хвост?
- Клад
- Крылатое дерево
- Лесные пословицы и поговорки

○ * * *

- Отчаянный путешественник
- Флажки на болоте
- Птичьи причёски
- Растерявшиеся перелески
- Единственная кочка
- Горячая пора
- Имена птиц
- В конце таинственного следа…
- Каменная перинка
- Лосиха
- Выеденное яйцо
- Третий
- Дятлово колечко
- Как кукует кукушка
- Бабочки и солнце
- Барабанщица
- Синичий запас
- Ягодознание
- Незваные гости
- Тонкое блюдо
- Медовый дождь
- Ивовый пир
- Любители цветов
- Лесные пословицы и поговорки
- Фотозагадки

○ * * *

- Подводные глаза
- Линь
- Голубое озеро
- Важный зверь
- Гости подводной поляны
- Пустота
- Рыцарь
- Наседка
- Рыбята
- Голубой рак

- Подводный закат
- Раки
- Коллега
- Умирающее озеро
- Лесные пословицы и поговорки

○ * * *

-
- Лес розово-серебристый
- Предсказатели
- Пыльные зайцы
- Поющий бархан
- Сам карусель
- Заячьи носогрейки
- Пустыня
- Синяя борода
- Пустыня ночью
- Хитрый удод
- Саксауловый лес
- Нахальные жильцы
- Варан собирает дань
- Смерть черепахи
- Песочное одеяльце
- Черепашья скала
- Сенокос
- Пугливый сверчок
- Хомяк работает головой
- Ящуркин нос
- Хвост торчком
- Поджаренная злость
- Змея, которая стоит
- Крикливый хвост
- Зимний гриб
- Рот с ушами
- Жара
- «Проклинающая солнце»
- Плата за страх
- Рубаху съел
- Телеграфный лес
- Глаза на песке
- Тревожные барабаны
- Лунная струйка
- Прогревание животов
- Сквозь землю
- Розовый мираж

- На жёлтой тропе
- Арчевник
- Сушёные камни
- Горы
- Сурки загорают
- Горное озеро
- Медведи кидают камни
- Бородач
- Джейраньи зеркальца
- Наблюдательная горка
- Огородники
- Чесальная горка
- Конь-великан
- Тетёрка
- Горная утка
- Трясучки
- Синяя птица
- Лесные тайнички
- Жужжало
- Соловьи и туман
- Вверх от ненастья
- Стоит и молчит
- По грибы
- Медвежья яблоня
- У костра
- Железный лес
- В ущелье боздагов
- Украшатель
- Красный каньон
- Лесные пословицы и поговорки

- notes
  - 1

Николай Сладков
Силуэты на облаках

Фотографии автора

Перед тобой книга, написанная Николаем Ивановичем Сладковым; в неё вошли любимые рассказы и фотографии автора, напечатанные ранее в сборниках: «Смелый фотоохотник» и «Под шапкой невидимкой».

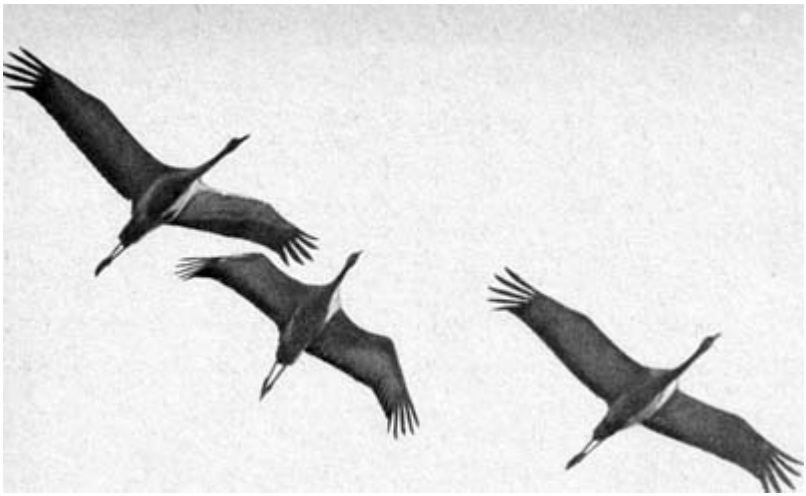
Многое ему досталось трудно. Были опасны: встреча с гюрзой, знакомство с играющим, а потом испугавшимся медведем, фотографирование птичьих гнёзд, примостившихся над бездонными пропастями. Да мало ли что ждёт натуралиста за каждым поворотом узкой тропы, в конце которой раскрывается тайна.

В книге есть и новые рассказы, они публикуются впервые, так же как и фотографии к ним.

Николай Иванович постоянно в пути, постоянно торопится

разведать неведомое, увидеть доселе невиданное. А если он дома, то он перелистывает записную книжку, рассматривает фотографии, вспоминает каждый свой шаг в мельчайших подробностях, обобщает, делает выводы. Ведь он такой писатель, который хочет не только, чтобы прочитали его книги, поверили ему, но ещё и сами пошли по неизведанным тропам и научились видеть необыкновенное в природе своими глазами.

Охотники заряжают патроны



Миллионы птиц возвращаются весной на родину. И каждая пичуга спешит. Гуси, бывает, кровяные мозоли под крыльями натирают!

Летят птицы через моря и горы, пробиваются сквозь туман и тучи. Хлещут их неистовые дожди, швыряют свирепые ветры. Днём и ночью рядом с ними холод и голод. А они летят и летят.

Птицы летят, а охотники заряжают патроны. Порох — пыж, дробь — пыж; вот и готов патрон, Ничего не знают о патроне птицы, но кто-то из них будет убит.

Патрон — гусь, патрон — утка, патрон — вальдшнеп. Где-то пока они ещё летят, торопятся в свои леса и болота, а патрон их уже ждёт, и судьба их уже решена.

Летят миллионы птиц. Заряжаются тысячи патронов., Ружья ещё молчат, а птицы уже падают и падают…

Охотник с ружьём выслеживает зверя. Выследил, высмотрел: вот он, зверь! Тут бы и рассмотреть его, Познакомиться с ним поближе. Но гремит выстрел — и встрече конец. *Ружьё у охотника не для добрых знакомств!*

А будь в руках у него не ружьё, а *фотоаппарат, то и не конец был бы встрече, а только начало*. Начало самого интересного: знакомства с живым существом.

Вы вдвоём: ты и зверь. Он не видит тебя. Он ведёт себя так, будто тебя и нет.

Ты и зверь…

Шорох листьев. Блики солнца. Всё так, как всегда. Без

насторожённых ушей, без страха в потемневших глазах, без оскаленных зубов и вздыбленной шерсти.

Не бери в лес ружьё…

Не бери в лес ружьё

В глубокой древности человек оттолкнул от себя диких зверей и птиц на расстояние вытянутой руки. А потом — на расстояние руки с палкой, А что ему было делать? Нужно было мясо, чтобы есть, и шкуры, чтоб одеваться.

С тех пор расстояние это растёт и растёт, всё дальше и дальше отодвигает человек от себя всё живое. На дальность броска камнем. На расстояние полёта стрелы.

А вот уж не подпускает к себе и на ружейный выстрел.

Но что-то противится в человеке такому разрыву. Что-то толкает его к сближению.

Страшных хищников больше нет. Шкуры и мясо даёт хозяйство. Зачем же нам враждовать с дикими животными?

Человек устраивает зоопарки, держит дикарей дома. Но всё это, конечно, не то. Клеточный зверь не похож на лесного. В клетке он сам не свой.

Человек идёт в лес. Но в лесу всё живое в ужасе шарахается от него.

Человеку обидно: в этом теперь он уже не виноват, виноваты только охотники., Это они приносят в лес страх. Это они увеличивают разрыв.

Если мы выкинем ружья, расстояние недоверчивости сократится. Оно совсем станет маленьким, если при встрече мы не станем поднимать палку или нагибаться за камнем. И мы снова обретём добрых соседей. А пока…

Хочешь увидеть — стань невидимым

Лесные жители — особые жители.

Можно жить с ними бок о бок и даже не догадываться об этом. Можно сталкиваться нос к носу — и ничего о них не узнать.

С ними не побудешь с глазу на глаз. И не поговоришь по душам. Они не любят выставлять себя напоказ и не любят чужого глаза. С ними так: хочешь увидеть — сам стань невидим.

Раздобудь себе *шапку-невидимку*.

Шапка-невидимка

Шапку-невидимку я сделал из четырёх палок и куска плотной материи. Не так-то уж это оказалось и трудно! Правда, вышла шапка не сказочной красоты, но зато сказочного свойства — настоящая *невидимка*.

Вот посмотрите: я тут, а меня и не видно! Это и есть как раз то, что и требуется от шапки. Тебя не видно, а ты видишь всё!

В *шапке* четыре окошка: вперёд, назад, вправо и влево. Стоит приподнять клапаны-занавески — и смотри на четыре стороны: хочешь на юг, хочешь на север, на запад или восток!

Звери и птицы тебя не видят и вытворяют, что только в головушку им придёт! Играют, дурачатся и дерутся. Поют, танцуют, работают. Моются, чистятся, загорают. Да мало ли что! Они ничего не боятся. Они ведь не видят, что там, под *шапкой!*

Шапка по моде

Шапку делай по моде. На какой цвет в твоём месте мода — такую и *шапку* шей. В пустыне все птицы и звери жёлтое носят — и ты шей *шапку* под цвет песка. На каменных россыпях пёстрое в моде — и *шапку* делай из лоскутов. Для леса хороша *шапка* пятнистая, в поле — зелёная, а на снегу — белая. Даже красную можно надеть — если снимаешь в цветущих маках.

Любой цвет подойдёт, лишь бы по птичье-звериной моде.

Что там, под шапкой?

Под *шапкой*, конечно, ты: ты ведь не голову прикрываешь ею, а сразу всего себя.

Должен быть под *шапкой-невидимкой* и пенёк-оборотень. Есть в лесу такие пеньки: — с виду пенёк пеньком, коряжка коряжкой, а повернёшь его так и сяк — он и обернётся тебе, то скамейкой, то креслицем. Это кстати: сидеть под *шапкой-невидимкой* много удобнее, чем стоять.

Скатерть-самобранку бери из дому: чай в термосе, бутерброд. Конфетку кисленькую — пососать. Время под *шапкой* тянется долго…

Но главное — не забудь фоторужьё.

И всё, что к нему полагается.

Что полагается к фоторужью?

Запасные кассеты с заряженной плёнкой (а вдруг повезёт — и от птиц и зверей отбоя не будет!).

Перезарядный мешок (а вдруг не повезёт — и пленку «заест»!).

Экспонометр (вдруг погода будет резко меняться: то темно, то светло).

Упор для руки. И ещё, — записную книжку.

Зачем нужна записная книжка?

Шапка-невидимка нужна, чтобы укрыться. Фоторужьё нужно, чтобы снимать.

Понятно, что записная книжка нужна, чтобы в неё записывать.

Что записывают в записную книжку?

Всё. Например, свои мысли. Подумай только: в голову тебе пришла мысль, а её некуда записать. Конечно, понадеешься на память и, конечно, всё позабудешь. И получится так, будто мысль в голову и не приходила. Но согласись: обидно иметь такую голову, в которую никогда не приходят мысли!

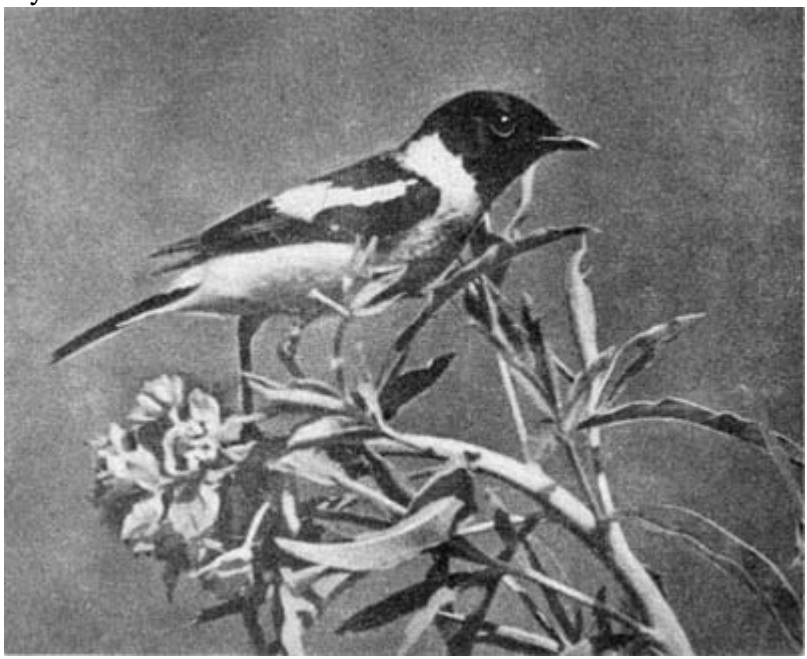
А если ты увидел что-нибудь такое, чего раньше никогда не видел? Или узнал, чего раньше не знал? Опять понадеешься на память, и опять память тебя подведёт. И опять случится, будто ты ничего не видел, ничего не слыхал а ничего не узнал. Спрашивается, зачем же ты тогда время терял?

Наблюдал — а наблюдений нет! Видел, слышал — а что? Узнавал — а что узнавал? Думал — а о чём?

Это уже не дело. Это уже несерьёзно.

Просто убийство времени. А время — это наша жизнь. Зачем же жизнь свою попусту сокращать?

Чтоб не случилась такая глупость, берите с собой записную книжку.



Записная книжка

Записная книжка — это «машина времени». Помните, была такая фантастическая машина, на которой можно было перенестись в будущее? И увидеть, например, себя стариком. Наверное, не очень-то это большое удовольствие — увидеть себя бородатым и лысым. Куда приятнее увидеть себя молодым. И вот тут-то пригодится записная книжка! Начинайте листать её от конца к началу: день назад, два назад, три назад. Пошло и поехало! Неделя назад, месяц назад, целый год! Ну-ка, ну-ка — перенесёмся на год назад. Посмотрим, что там было?

«Тёплый дождик с утра, днём проглянуло солнце. Скворец хромой носит в скворечник травинки и перья».

Ого! И сейчас скворец носит травинки и перья, всё тот же, хромой! Детей вывел, в Африку на зиму слетал и снова — домой вернулся. Здравствуй, земляк! Сейчас я ещё про тебя напишу.

Мелькают листочки в записной книжке, как спицы в колесе «машины времени». Листай, листай — молодей, молодей!

Перекладывай фотографии и переносись из холода в зной, из степей в леса, из пустынь в горы.

…Снова встречайся с птицами, зверями и насекомыми

…Сравнивай, вглядывайся, прикидывай, думай

…Радуйся и умней!

Зарядка кассеты

Чтобы зарядить кассету, нужно плёнку намотать на ролик, только-то и дела. Но для фотоохотника дело это совсем особое. Всё равно, что для охотника заряжание патронов. Или для рыбака наживление крючков. Или для художника подготовка красок, а для астронома — наведение телескопа. Что-то из всего этого получится?

Каждый оборот плёнки — это будущий кадр. А каждый будущий кадр — это будущая встреча. Новая встреча: с кем, где, когда? Пока неизвестно: встреча небывалая.

Оборот — встреча, оборот — знакомство, оборот — открытие!

Моток плёнки — это свиток будущих приключений. Пока их нет, но они непременно свершатся. Порукой тому заряженная плёнкой кассета: ведь должен же ты её заснять!

36 кадров, 36 новых встреч, 36 приключений… Бывает 36 огорчений, но бывает и 36 радостей!

Нет, зарядка кассеты — это не простое наматывание плёнки на ролик.

Что там, за снимком?

Можно увидеть то, чего вовсе на снимке нет.

Можно ведь просто читать, а можно и между строк. Можно за картиной увидеть художника. За звуками распознать краски, а за красками — звуки. Если, конечно, не просто глазеть, а видеть «мысленным взором».

Даже в самой простой фотографии скрыта капелька жизни.

А сколько всего ещё там, позади! Цвета: тона и полутона. Звуки: шорохи, шёпоты, всплески. Вспоминаешь и вздрагиваешь от страха. Или хлопаешь в ладоши от радости. И в жар тебя бросит и в холод. Бывает, рассердишься, пожалеешь, а то просто махнёшь рукой.

И всё это — глядя на снимок. А то и мимо него…

Первый шаг

Даже большое путешествие, как известно, начинается с первого шага за околицу. За околицей лужа, но она такая же голубая, как море. За околицей лопухи и крапива, но они такие же зелёные и непроходимые, как джунгли. И ветер за околицей тот же, что шумит над горами, пустынями и океанами. И то же солнце, что светит всему миру.

Чтобы переплыть океан на плоту, в первую очередь, как это ни странно, нужен совсем не плот. В первую очередь нужно желание. *Будет желание — найдутся и плот и океан*. Не будет желания — не помогут ни дюжина плотов, ни полдюжины океанов.

Первый шаг — самое важное. Кто шагнул за околицу — тот уже не сможет остановиться.

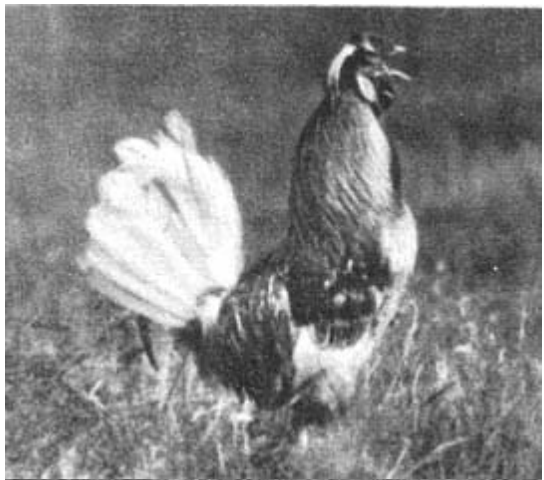
В лес пойдёшь — кого-нибудь да увидишь. А увидишь — узнать захочешь. Узнаешь — непременно полюбишь. А полюбишь — в обиду не дашь.

Уж так человек устроен: что любит, то и защищает. Все защитники природы по этой тропинке прошли. А если не веришь, попробуй-ка сам в лес сходить…

Просыпайся, вставай!

В лесу уже косач прокричал — дикий петух. Всех лесных жителей разбудил. В деревне домашний петух пропел — деревенских жителей разбудил. Сорока из леса в деревню новости на хвосте принесла.

Вставай, вставай — новый день на дворе! Новые встречи, новые дела, новые радости!



В настоящем лесу должен жить медведь. Лес без Медведя не лес, а так — дачное «лоно». Это какой-то легкомысленный лес. В нём уже не попутешествуешь, а только прогуляешься, и ночёвка в нём не серьёзное дело, а забава. Остаётся в нём только дышать да вздыхать. Не насторожит тебя треск сухого сучка, не напугает неожиданный шорох, не взволнует неясная тень. Лес без медведя — скучный лес.

Другое дело — лес, в котором живёт медведь.

В нём не хочется повышать голос, не хочется шагать напролом и бездумно глазеть по сторонам. В нём строже становится глаз, насторожённее ухо. Идёшь не спеша и слышишь торжественный гул вершин. Это шумит лес. Лес, в котором живёт медведь…

* * *

Когда долго сидишь под *шапкой-невидимкой*, а птица и зверь не показываются, становится скучно. Тогда в гости ко мне приходит Лесовичок. То в окошко вскарабкается, то снизу подлезет, то сверху спустится. Придёт, повозится в уголке и притихнет. Сидим вдвоём — время коротаем.

За *шапкой* ветер шумит, дождь барабанит, А под *шапкой* тепло, уютно и дремлется…

Я Лесовичка про лес расспрашиваю, он отвечает.

— И откуда ты только всё знаешь? — удивляюсь я.

— Уж дело моё такое, — отвечает. — Лесовичок ведь я!

Выбьет желудёвую трубочку о шершавую, как кора, ладонь и улыбнётся..

Вот раз спрашиваю его:

— Скажи, Лесовичок, почему горку, во-он ту, Козьей называют?

— Козы дикие там раньше жили.

— А озерко почему Гусиным зовут?

— Всё потому: гуси когда-то гнездились.

— И болото потому Куропачье?

— И болото. Куропатки на нём водились.

— А куда же теперь-то они подевались: козы, гуси да куропатки?

— Известно куда: охотники перевели.

— А жалко тебе их небось?

— Ещё бы не жалко! Бывало, лесом идёшь — на козу полюбуешься, на озере с гусями разговоришься, на болоте с куропатками пошутишь. А теперь? Ни поговорить, ни пошутить, ни полюбоваться. Скучно. Вот к тебе пришёл — не прогонишь?

— Мне что, сиди. Вдвоём веселей.

Сидим *вдвоём.* Время коротаем.

А за *шапкой* лес шумит. Осины лопочут, сосны басят, берёзы шепчутся.

— Слышишь? — вдруг спрашивает Лесовичок.

— Слышу, — говорю. — Осины лопочут.

— Нет, — отмахивается Лесовичок.

— Сосны, — говорю. — Сосны басят.

— Да не то! Не лопочут, не басят, а барабанят!

— Барабанят?

— Барабанят.

— Кто же это барабанит?

— То-то и оно! Это старые названия в сердце моё барабанят! Громко стучат и настойчиво, как дятлы! Неужто не слышишь?

Я прикладываю к уху ладонь — так и есть! Старые названия барабанят. Барабанят тревожно и громко.

— Может, и другие услышат? — спрашивает Лесовичок. — Что, им трудно ладонь приложить к уху, что ли?

Я киваю ему головой: может, и услышат, *может, не поленятся приложить к уху ладонь?!*

Деревья

Входишь в лес и гладишь ладонью деревья, будто старых друзей похлопываешь по спине. Стволы тёплые, как тело живое: чуть покачиваются, будто дышат…

А вершины гудят то грозно, то ласково. Листья лопочут зелёными язычками.

К стволу прислонишься, как к плечу друга. Плечо гладкое, скользкое — молодая берёзка. А то всё в пупырышках — это осина. Или изборождённое, изморщиненное, как кожа слона. Это кора дуба.

Всю жизнь с деревьями плечом к плечу. И хочется стиснуть ладонями их руки-ветви и крепко пожать.

Птицы

Улетят осенью птицы — пустынны станут леса. А вернутся весной — и снова жизнь переливается через вершины. И как удивительна эта жизнь, перелетающая на крыльях!

Шумное, пёстрое облако жизни кочует по нашей Земле. То оно тут, у нас, — и леса наши переполнены щебетом, свистом и писком. То оно где-то там, за морями и за горами, — и леса наши пусты и глухи. И мы тоскуем и ждём, мы ругаем себя, что не наслушались летом про запас птичьих песен и голосов. Но приходит пора, и волна жизни снова выплёскивается в наши леса.

Волны птиц — как в прилив и отлив: то накатятся, то отхлынут. И у живого этого моря тоже есть свои берега. Эти тучи живые, как настоящие тучи, то рассеиваются и редеют, подобно туману, то сгущаются и темнеют, как грозовые облака. А вдруг оно, это облако, однажды высохнет и испарится? Ведь рассеиваются же настоящие облака!

И мне становится жутко. Мы привыкли, что каждую весну сама собой накатывается волна. А вдруг однажды прилива не станет? Всели мы делаем, чтобы облако не редело? А вдруг мы что-то не поняли и не успели?

Кочуют над Землёй облака жизни. Чистое ли над ними небо? Приветлива ли под ними Земля?

Старый знакомый

Приятно встречать старых друзей. Даже в лесу. Но встречи в лесу случайны и мимолётны. Увидишь на миг зверя или птицу, и вот уже нету их. И только редко-редко, если здорово повезёт, встречаешь ты их вновь и вновь.

Я познакомился с дятлом. Шёл по тихой тропинке и вдруг услышал стук. На засохшей вершине сидел дятел и разбивал шишку. Прикрываясь толстой соседней сосной, я подкрался и, осторожно высунувшись, прицелился в него фоторужьём.

Дятел деловито стучал.

Иногда он переворачивал шишку, отдыхал или перебирал перышки на спине. На затылке у него было красное пятнышко.

С тех пор прошло пять осеней. И каждую осень я приходил по тихой тропинке к сухой сосне и встречал на ней знакомого дятла. На сосне у него «кузница», и он разбивает на ней шишки.

Он не очень меня боится и позволяет себя снимать.

В последний раз — в пятую осень — я не услышал на сушине знакомого стука. Я долго сидел на валежине, но всё было тихо. В слабой надежде я постучал ножом о пенёк: дятлы не любят, когда другие дятлы стучат на их участке. И сейчас же послышался шорох крыльев — и пёстрая птица прилепилась к дереву над головой. Здравствуй, дятел, я рад, что ты ещё жив! Дятел сорвал шишку — и прямиком на свою кузницу. Раздался знакомый стук. Так я снял его в пятый раз.

Заяц и полёвка

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листиков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями…

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зелёная, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься и наешься.

Лосёнок и лосиха

— Посмотри, мама, какие у меня ноги большие да длинные!
— Длинные, сынок, большие.
— Посмотри, мама, какие у меня уши широкие да большие!
— Широкие, сынок, большие.
— А отчего, мама, у меня такие ноги и уши большие?
— А оттого, сынок, что ты у меня ещё совсем маленький..

Заяц и Оляпка

— О-о-ох, Оляпка, никак купаться в полынье вздумал?!
— И плавать, и нырять!
— А замёрзнешь?
— У меня перо тёплое!
— А намокнешь?
— А у меня перо водоотталкивающее!
— А утонешь?
— А я плавать умею!
— А… а… а проголодаешься после купанья?
— А я для того и ныряю, чтоб водяным жучком закусить!

Яблонька и Воробей

— Слушай, Воробей, ты мужик умный, среди людей крутишься, не слыхал ли, что они про зайца русака говорят: хищный он зверь или нет?

— Ой, Яблонька, насмешила, ой, уморила! Какой же заяц хищник? С его крысиными зубами впору только кору глодать.

— Кору?! Ох, чуяло моё сердце: огложет он меня со всех сторон, хищник свирепый! Погубит, злодей!

Лесное креслице

Есть деревья в лесу, которые почему-то нравятся птицам: когда ни посмотришь — вечно на макушке птица сидит! То плиска болотная, то конёк лесной. То ворона серая, то косач чёрный. Одни песни поют, другие по сторонам глазеют.

Может, дерево это для них чем-то удобное? Ну, вроде как кресло для нас? Стоят вокруг нас стулья, табуретки, скамейки, и только одно уютное креслице. Так и хочется на него сесть! Вот и у птиц так: много вокруг разных деревьев, но одно лучше всех, и поётся на нём веселей, и удобней сидится.

Нечеловеческие шаги

Ранняя весна, вечер, глухое лесное болото. В светлом сыром сосняке снег ещё кое-где, а в тёплом ельнике на бугре уже сухо.

Я вхожу в густой ельник, как в тёмный сарай. Стою, молчу, слушаю.

Вокруг чёрные стволы елей, за ними холодный жёлтый закат. И удивительная тишина, когда слышишь удары сердца и собственное дыхание. Дрозд на еловой макушке высвистывает лениво и звонко. Свистнет, прислушается, а в ответ ему тишина…

И вдруг в этой прозрачной и затаившей дыхание тишине тяжёлые, грузные, нечеловеческие шаги! Всплески воды и позванивание льда. То-пы, то-пы, то-пы! Будто тяжело гружённая лошадь с трудом тянет по болоту воз. И сразу же, как удар, ошеломляющий грохочущий рык! Дрогнул лес, качнулась земля.

Тяжёлые шаги затихли: послышались лёгкие, суматошные, торопливые.

Шажки лёгкие догоняли тяжёлые. Топ-топ-шлёп — и остановка, топ-топ-шлёп — и тишина. Торопливым шажкам нелегко было догнать неторопливые и тяжёлые.

Я прислонился спиной к стволу.

Под ёлками стало совсем темно, и только мутно белело между чёрных стволов болото.

Зверь рыкнул опять — как из пушки грохнул. И опять охнул лес и качнулась земля.

Я не выдумываю: лес вправду дрогнул, земля вправду качнулась! Лютый рык — как удар молота, как раскат грома, как взрыв! Но не страх порождал он, а уважение к его необузданной силище, к этой чугунной глотке, извергающейся, как вулкан.

Лёгкие шажки заторопились, заторопились: зачмокал мох, захрустел ледок, заплескала вода.

Я давно уже понял, что это медведи: дитё и мама.

Дитё не поспевает, — отстаёт, а мама чует меня, сердится и волнуется.

Мама предупреждает меня, что медвежонок тут не один, что она близко, что лучше его не тронь.

Я хорошо её понял: предупреждает она убедительно…

Тяжёлых шагов не слышно: медведица ждёт. А лёгонькие спешат, спешат. Вот взвизг тихий: медвежонка шлёпнули — не отставай! Вот шаги грузные и лёгкие зашагали рядом: то-пы, то-пы! Шлёп-шлёп-шлёп! Всё дальше, всё тише. И смолкли.

И опять тишина.

Дрозд кончил свистеть. Лунные пятна легли на стволы.

В чёрных лужах вспыхнули звёзды.

Каждая лужа — как распахнутое в ночное небо окно.

Жутковато шагать в эти окна прямо на звёзды. Не спеша я бреду к своему костру. Сладко сжимается сердце.

А в ушах гудит и гудит могучий зов леса.

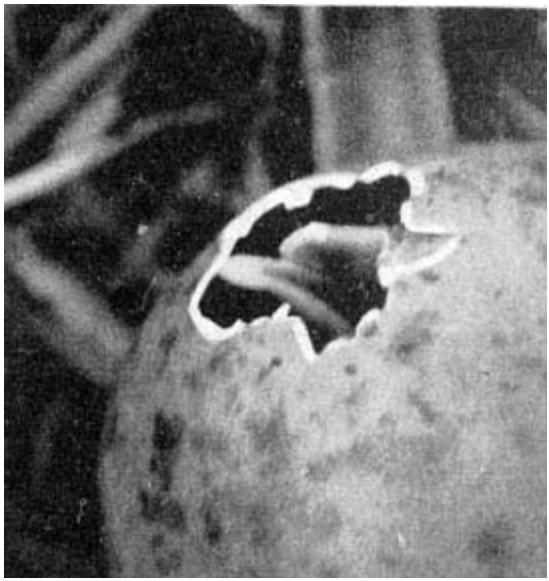
Новый голосок

Три яичка лежали в гнезде чайки: два неподвижно, а третье шевелилось. Третьему не терпелось, оно даже посвистывало! Будь его воля, оно бы так и выскочило из гнезда и, как колобок, покатилось бы по бережку!

Возилось яичко, возилось и стало тихонько похрустывать. Выкрошилась на тупом конце дырочка. И в дырочку, как в оконце, высунулся птичий нос.

Птичий нос — это и рот. Рот открылся от удивления. Ещё бы: стало вдруг в яйце светло и свежо! Глухие доселе звуки зазвучали властно и громко. Незнакомый мир ворвался в уютное и скрытое жилище птенца. И чайчонок на миг оробел: может, не стоит совать свой нос в этот неведомый мир?

Но солнце грело ласково, глаза привыкли к яркому свету. Качались зелёные травинки, плескали ленивые волны.



Чайчонок упёрся лапками в пол, а головой в потолок, нажал, и скорлупа расселась. Чайчонок так испугался, что громко, во всё горло крикнул: «Мама!»

Так в нашем мире одной чайкой стало больше. В хоре голосов, голосищ и голосишек зазвучал новый голосок. Был он робок и тих, как писк комара. Но он звучал, и его слышали все.

Чайчонок встал на дрожащие ножки, поёрзал шерстинками крыльев и смело шагнул вперёд: вода так вода!

Минует ли он грозных щук и выдр? Или путь его оборвётся на клыках первой же хитрой лисы?

Крылья матери-чайки распластались над ним, как руки, готовые прикрыть от невзгод.

Покатил в жизнь пушистенький колобок.

Целая жизнь

Прилетел на скворечник скворец. На ноге колечко — знакомый! Шестой год он живёт у меня в скворечнике.

Каждую весну он прилетает на скворечник, осматривает его со всех сторон, забирается внутрь, долго там шуршит и ворочается. Потом садится на крышу и негромко поёт. Не громко, но с наслаждением: трещит, пощёлкивает и высвистывает. Даже взвизгивает от удовольствия, как разыгравшийся поросёнок. Клюв золотой в небо, глаза закатывает, крылышками разводит. А сам то петухом, то ягнёнком, то кошкой мяукнет, то собачонкой протявкает. Соскучился на чужбине по дому…

Потом со скворчихой чистят скворечник, птенцов выводят. Вместе растят, вместе на выгоны улетят с ними.

Осенью, перед отлётом, скворец прилетал на скворечник один. Есть у скворцов такое правило: прилетать перед отлётом к гнезду. Посидеть в тишине, перышки на солнце почистить, помурлыкать под нос. А потом — на юг. В страны дальние, земли чужие, за синий горизонт.

Но чуть весна — мой скворец тут как тут! На скворечнике сидит, песни поёт, крылышками разводит. И колечко на лапке блестит.

И так вот уже шесть лет…

Шесть раз я говорил ему весной «здравствуй» и пять раз осенью сказал «до свиданья».

И стал замечать, что скворец мой постарел.

В первую весну, помню, он весь от песен дрожал! Перья на горлышке дыбом. Весь блестит, будто маслом намазанный.

В шестую весну смотрю — и глазам не верю. Сидит в летке, чуть только нос высунул. Поёт нехотя: свистнет и помолчит, свистнет и помолчит. Будто сам себя слушает. Других птиц не передразнивает, голоса их позабыл, что ли.

Свистел, свистел, пригрелся на солнышке — и задремал. И это в разгар пения! Голову свесил, носом «клюет» и глаза закрыл. Никогда такого с ним не бывало.

В шестую осень только раз к пустому скворечнику привел. Посидел, помолчал, колечко на лапке потрогал.

— До свиданья! — сказал я ему. В шестой раз сказал «до свиданья».

Прошла зима. Опять прилетел скворец на скворечник, но не тот, не мой, без кольца. Может, сосед его, может, сын. Молодой, горластый и непоседливый. И блестит, будто маслом намазанный!

А старик не вернулся. Где-то ветер перья его разнёс? Прощай, старый скворец, — в последний раз. Здравствуй, молодой, — в первый!

Воробей и Синица

— Что, Синица, перья носом перебираешь — чистишь их, что ли?

— Не чищу, Воробей, пересчитываю. С осени три тысячи было, сейчас две тысячи пятьсот осталось. Полтысячи перьев за зиму потеряла!

— Эка беда — полтыщи за зиму! Я весной за одну драку по полсотне теряю. Чего их жалеть: были бы кости целы, перья вырастут.

Крот и Филин

— Слушай, Филин, неужели ты меня целиком проглотить можешь?

— Могу, Крот, могу. Я такой.

— Неужто и зайчонка протолкнёшь?

— И зайчонка протолкну.

— Ну, а ежа? Хи-хи…

— И ежа проглочу.

— Ишь ты! А как же колючки?

— Колючки выплюну.

— Смотри, какой молодец! А Медведь на ежа даже сесть боится…

Соловей и лягушка

Журчал в кустах ручеёк. Жила в ручье лягушка. А в кустах — соловей.

Только солнце садилось на лес — лягушка и соловей начинали петь. Лягушка урчала и квакала, а соловей щёлкал и свистел.

Конечно, соловей не лягушка. Ему, наверное, было противно слушать её, поэтому он свистел и щёлкал всё громче и громче.

Но и лягушка не соловей она, наверное, боялась, что её из за свиста не слышно, и тоже всё громче квакала и урчала.

До того раззадорятся гул и стон!

Соловей раскат за раскатом — только листики вздрагивают.

Лягушка надрывается — даже рябь по воде.

А ты стоишь и слушаешь, хоть и грызут тебя комары.

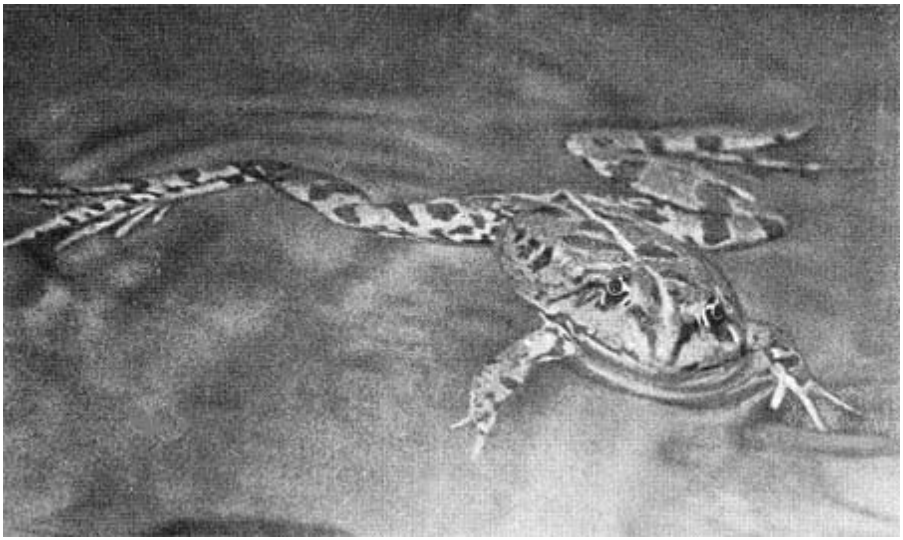
Все на лягушку сердились: не даёт соловья толком послушать! И в ладоши хлопали, и камни в ручей бросали. А ей хоть бы что.

Но вдруг она замолчала. Наверное, её уж сожрал. Толстенный пятнистый уж жил в этом ручье.

Все очень обрадовались: вот теперь-то мы послушаем голосистого соловья!

Вечер за вечером опускается на тугай, и тишь, и покой, а соловей всё никак не распоётся. Посвистит, пощёлкает — и умолкнет.

И всё как-то вполсилы, лениво и нехотя. И как-то небрежно, с помарками, кое-как. Ни листик от свиста не дрогнет, ни сердце. Наверное, спорить ему стало не с кем — он и размяк. Худо стал петь: дрябло, сонно и вяло. Хоть снова лягушку в ручей подбрасывай!



Бабочки

Бабочки тогда только живут, когда хорошо живётся. Чуть только им плохо холодно, ветрено, сыро — они обмирают. Впадают и особый сон: ничего не видят, не слышат, не чувствуют. И тогда всё плохое и неприятное проходит мимо, будто и вовсе его нет. Нет в жизни бабочек дней тяжёлых и пасмурных — только светлые, тёплые, солнечные. Потому-то так беззаботно и весело порхают они над лугом.

Следы и Солнце

Зимой, когда Солнце стояло низко над горизонтом, оно было равнодушно к Следам на снегу. Иногда даже ласкало их, оттеняя синью и посыпая блёстками.

А теперь, когда поднялось высоко, прямо осатанело. Тереть не может Следов: стирает, портит и искажает.

— Мы запечатлели всё, что в лесу произошло! — говорят следы.

— А я всё сотру! — ярится Солнце.

И стирает, как резинкой с бумаги.

— Мы отпечатали каждый коготок и пальчик! — сообщают Следы. Мы всё по правде!

— По правде? — сердится Солнце. — А я всё искажу — сами себя не у узнаете!

И топит следы и плющит, растягивает вкривь и вкось. Идёт спор. Как в песенке:

— А мы просо сеяли, сеяли!
— А мы просо вытопчем, вытопчем!

С каждым днём следы всё слабее и хуже, всё расплывчатее и неопределённее. Солнце берёт верх. Солнце высоко стоит.

Косачиный час

Если на всём свете вдруг бы остановились часы — знаете, куда бы я пошёл? Я пошёл бы на ток и узнал время у косачей! У косачей нет часов. Но время они знают. Точно знают, хоть и определяют его на глазок.

Мы тоже чувствуем время. Кто привык завтракать, обедать и ужинать в одни и те же часы, тот эти часы не пропустит. Живот ему время подскажет: как под ложечкой засосёт — так и пора!

Косачам время подсказывает глаз. Темень в лесу ещё тьмущая, в деревне только первые петухи орут, а у косачей подъём на крыло. Что-то увидели их глаза в тёмном небе: пора на ток песни петь. Солнце ещё глубоко за краем земли, а косачи знают — пора! Пришёл их косачиный час.

Четыре весны я ходил на ток, четыре весны отмечал первую песню. И вот что у меня получилось. Беру первое попавшееся число — 29 апреля. В этот день в 1962 году первый косач запел на току в 3 часа 31 минуту, в 1963 году — в 3 часа 35 минут, а в 1964 — в 3 часа 30 минут, в 1965 в 3 часа 34 минуты. Четыре года — и чуть ли не минута в минуту!

И вот пятая весна 29 апреля. Я под *шапкой*: проверяю часы косачей. Обычная весенняя ночь, привычный весенний рассвет. Всё как всегда. Носятся в темноте, скрипя крыльями, чибисы. Бекас жужжит над головой, словно муха, попавшая в паутину. 3 часа 30 минут: сейчас запоёт косач! А косач не поёт… Три часа сорок минут, а косачи молчат! Что же случилось? Но вот, наконец, знакомое бульканье, будто кто-то горло полощет — запел. С опозданием на 20 минут!

Наверное, это молодой косач, объясняю я сам себе, опыта у

него ещё нет. Или лодырь — проспал положенный час. Да и не просто ведь столько лет из утра в утро точно угадывать время! Разок можно и ошибиться! Подумаешь — 20 минут!

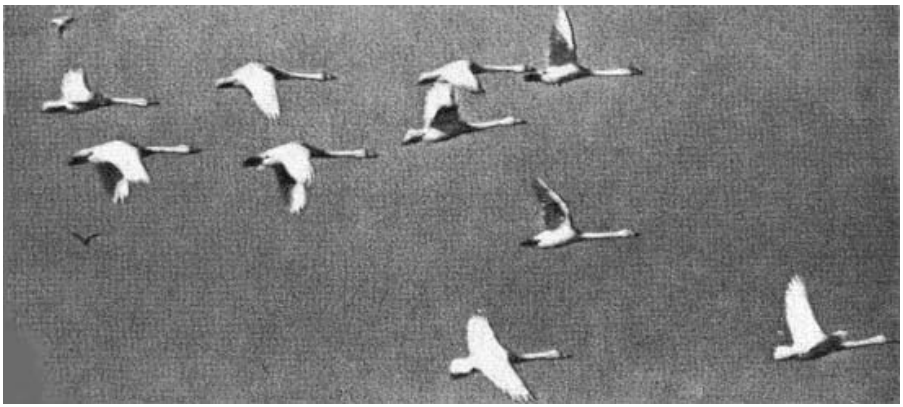
Дома, греясь горячим чаем, я говорил:

— Заржавела пружина в косачиных часах! На двадцать минут отстали.

И только сказал — слышу радио! «Говорит Москва. С добрым утром, товарищи! Московское время шесть часов». А на моих — двадцать минут седьмого…

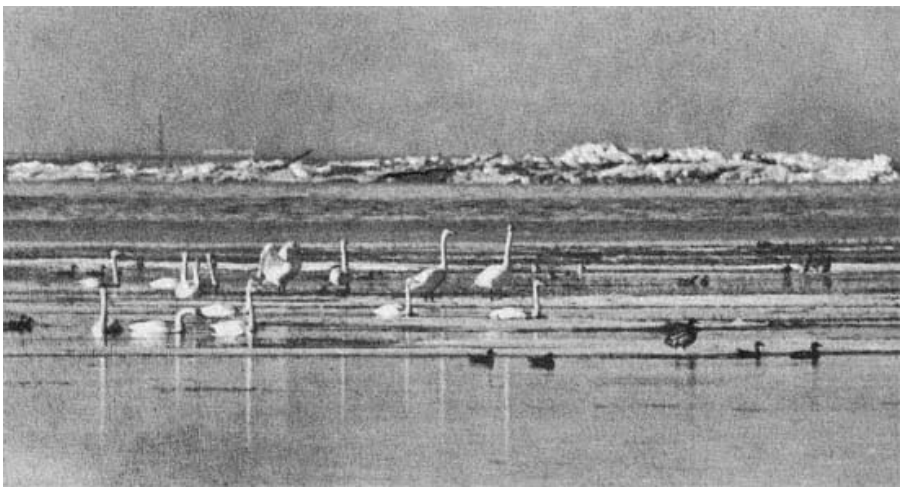
Мои часы подвели: стальные, удароустойчивые и водонепроницаемые! А косачиные — нежные, невидимые, непонятные! — работают точно. Из весны в весну, из утра в утро. Теперь я спокоен: что бы там ни случилось, вовремя кончится ночь, вовремя запоют косачи, вовремя поднимется солнце.

Лебединый берег



Лебеди раздражённо кивали головами: они сердились, что на них смотрел человек. Это были лебеди-кликуны, белые, как морская пена, с тонкими строгими шеями и литыми золотыми клювами.

Тут и там видны в небе белые косяки: напряжённо вытянутые шеи, мерные взмахи крыльев. С неба, с воды, со льдин звучат неумолчные лебединые голоса. В них тонет всё: звон утиных крыльев, ленивый гогот гусей, заунывные высвисты кроншнепов и плач чибисов.



Несколько лебедей сплылись клюв в клюв, разом вытянули шеи вверх, раскрыли клювы и затрубили. Белые крылья хлещут по воде, вздымая каскады брызг. Это знаменитый танец лебедей и лебединая песня. Лебеди встречают весну.

Где этот край непуганых птиц: в далёкой тундре или на берегах Ледовитого океана?

Да нет, это на конечной… трамвайной остановке в

Ленинграде!

Есть там болотце, прильнувшее к берегу Финского залива.

Каждую весну там останавливаются на отдых стаи уток и лебедей. Так было испокон веков, так есть и сейчас. И очень бы хотелось, чтобы так осталось и на будущее. Ведь нет больше на земле городов, где бы дикие лебеди встречались на конечной остановке трамвая. Да и на всей-то земле осталось не так уж много этих чудесных птиц. Мы обязаны сохранить лебединый бережок. Пусть на плане нашего города останется это зелёное пятнышко.

Соловей поёт

Соловей поёт, а вокруг все думают, думают.

Сосед-соловей думает: «Лучше нос к нему не совать, а то хвост выщиплет или в макушку клюнет!»

Соловьиха думает: «Раз поёт — значит, место для гнезда облюбовал! Слетать посмотреть, что ли?»

Птицелов думает: «Хорошо поёт, шельмец! Пора западню готовить!»

Прохожий думает: «Вот и ещё одна зима позади…»

А соловей поёт и поёт.

А все вокруг думают, думают…

Задумчивый дятел

Было лето и нет, — загудел над лесами ветер. Солнце теперь появляется только вдруг; и тогда всё просияет! Блеснёт вода, блеснут склонённые травы — и воздух заструится блескучими паутинками.

В тёмном лесу сыро сейчас, а над лесом солнце и ветер. И чёрные ели, как вышки, торчат из багрового и золотого. И на каждой вышке белый сверкающий флаг — прицепились летучие паутинки.

На елях таких любит осенью сидеть дятел. Всё лето возился он в чапыге — сейчас захотел на простор.

С еловой вышки далеко видно. Над головой небо и облака горизонт как лиловое колесо.

А внизу, а внизу — даже в глазах рябит! И жёлтое там, как янтарная смола, и багряное, как закат, и зелёное, как предрассветное небо.

Всё лето дятел носом стучал: в барабан бил, дупло дол бил, личинок выстукивал.

С рассвета до темноты, от зелёной зари до красной, некогда и вокруг посмотреть было. Всё заботы, заботы, заботы.

И вот сам себе голова.

Нет больше суеты у гнезда. Дятлята выросли и разлетелись.

Хорошо теперь просто так посидеть, вокруг посмотреть, послушать писк золотых паутинок.

Ветер уносит лето. Внизу уже осень. А вверху небо и облака. Далёкие-далёкие, как воспоминания…

Тень

Удивительная в лесу тишина: лес отдыхает. Солнечные зайчики сидят смирно. Подмигивает ленивая паутинка.

Хорошо идти по такому лесу от поляны к поляне: в каждой, как в зелёной чаше, свой тёплый настой. На одной медовый — цветёт лиловый вереск, на другой грибной, на третьей настой на вялом листе.

Идёшь и из каждой чаши отпиваешь глоток, пока голова не закружится!

На поляне с брусничным настоем стоял медвежонок. Он был один и делал то, что хотел. Делал он что-то очень странное. То вдруг взмахивал головой, а лапишками и носом тыкался в землю. То переваливался через тощий задок и скреб землю когтишками. Он явно что-то ловил и никак не мог поймать.

Долго он гик перекатывался, хватал, кусал и сердился. А я всё смотрел и ничего не понимал.

И вдруг понял: медвежонок ловит свою тень! Этот дурень ещё не соображал, что тень — это тень и поймать её нельзя. Он видел: рядом шевелится тёмное, бросался на тёмное и скалил зубы. Но тень — это тень.

Даже старый матёрый медведь не очень-то верит своим глазам.

Вот и медвежонок: понюхает тень — не пахнет. Наклонит ухо к земле — не шуршит. Стукнет лапой — сдачи не даёт. Значит, её и нет!

Пошагал медвежонок прочь, а тень за ним. Вот это да!

Надо сесть, всё не спеша обдумать. Стал приседать медвежонок на задок. Вот приседает — и раз! — наткнулся на острый сучок! Подскочил, а оглянуться нельзя: тень перед носом тоже скакнула. Кто её знает, чего замышляет?

Поёрзал, поёрзал и стал опять приседать. Сел. На сучок. Как подскочит!

Да и на сучок ли? Это мне со стороны видно, что вправду сучок, а медвежонок и оглянуться боится. Может, это чёрное, без вкуса, без запаха, так кусает?

Шерсть на мишкиной холке встала торчком. Даже клыки показал. Пятиться стал. Попятился и… опять напоролся на сук!

Заорал Медвежонок басом и, как заяц, упрыгал в кусты.

И вот тихо на поляне, нет никого, будто никогда и не было. Убежал медвежонок, ускакала тень. Остался один сучок.

И опять полянка как зелёная чаша с брусничным настоем. Отпей и дальше шагай.

Лесной шум

У каждого дерева свой вид. Сосна стройная, берёза кудрявая, ива развесистая. Дуб могучий, осина трепетная. Ель величавая.

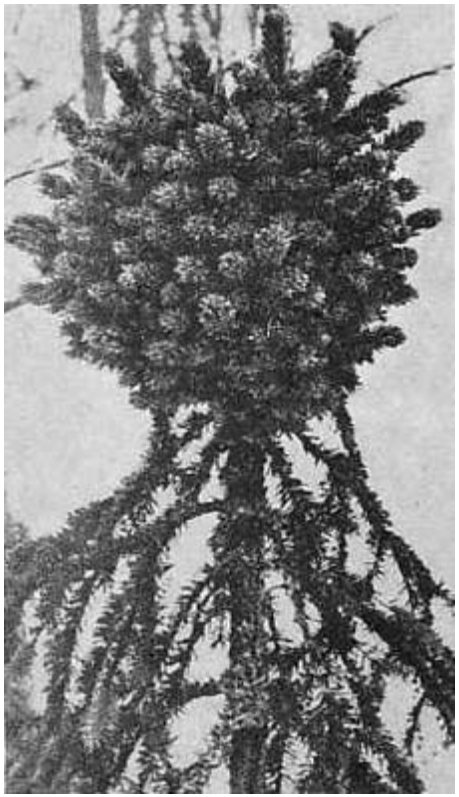
Но лес — это тысячи тысяч деревьев. И встречаются в лесу деревья удивительные, на свою родню непохожие.

С давних времён из нас, сосен, мачты для кораблей делали. Так и называли у нас — сосны мачтовые. Ещё из нас дранку кололи. Положено нам потому быть прямыми, как стрелы, и смолистыми. А я не хочу быть мачтой, не хочу быть дранкой — хочу быть лесной лирой…

— Горькие мы, осины, горькие сиротины: всю жизнь трепещем от страха. Протянем же друг другу руки, встанем вдвоём против ветра!

У всех ёлок макушка пикой, а у этой вдруг макушка с завивкой.

Причёска «ведьмина метла».



Сварливые соседки — всю жизнь «на ножах». Всю жизнь сучки в бок и взаимные шпильки. Вместе тесно, а врозь скучно. Ель скрипит, осина лопочет обе вздыхают и охают, а помириться не могут.

Шумит лес разными голосами. Тысячи деревьев, тысячи разных историй.

Веснушки

На всех снежных полях рыжие пятна — проталины. Это апрельские веснушки.

День ото дня их всё больше и больше. Не успеешь и глазом моргнуть, как все эти маленькие веснушки сольются в одну большую весну.

Всю долгую зиму в лесу и полях пахло снегом. Сейчас оттаяли новые запахи. Где ползком, а где на лёгких струйках ветра понеслись они над землёй.

Чёрные пласты оттаявшем пашни, как чёрные гряды волн, пахнут землёй и ветром. В лесу пахнет прелыми листьями и нагретой корой.

Запахи сочатся отовсюду: из оттаявшей земли, сквозь первую зелёную щетинку травы, сквозь первые цветы, похожие на брызги солнца. Струйками стекают с первых клейких листочков берёз, капают вместе с берёзовым соком.

По их невидимым пахучим тропинкам торопятся к цветам первые пчёлы и мчатся первые бабочки. Зайчишки так и шмыгают носами — чуют зелёную травку!

И сам не удержишься, сунешь нос в ивовые барашки. И станет твой нос жёлтым от липкой пыльцы.

Быстрые лесные ручьи впитали в себя запахи мхов, старой травы, лежалых листьев, тяжёлых берёзовых капель — и понесли по земле.

Запахов всё больше и больше; они всё гуще и слаще.

И станет скоро весь воздух в лесу — сплошной запах. И даже первая зелёная дымка над берёзами покажется не цветом, а запахом.

Веснушки-проталинки слились в весну.

Песни гремят

Грянул весёлый майский гром — всему живому языки развязал. Хлынули потоки звуков и затопили лес. Загремел в лесу май!

Зазвучало всё, что может звучать.

Бормочут хмурые молчаливые совы. Трусливые зайцы покрикивают бесстрашно и громко.

Кукушки охрипли от крика; днём и ночью кричат. У самых крикливых уже вместо «ку-ку» получается «хы-хо!»

Дятлы исступлённо бьют в звонкие сучки-барабаны.

Полон лес криков, свистов, стуков и песен. Одни песенки прилетели в лес вместе с перелётными птицами из дальних стран. Другие родились здесь же в лесу. Встретились песенки после долгой разлуки и от радости звенят от зари до зари.

А в нагретой парной чащобе, где сердито бубнит ручей, где золотые ивы загляделись в воду, где черёмуха перекинула с берега на берег трепетные мосты, пропищал первый комар. И белые бубенчики первых ландышей прозвенели чуть слышно…

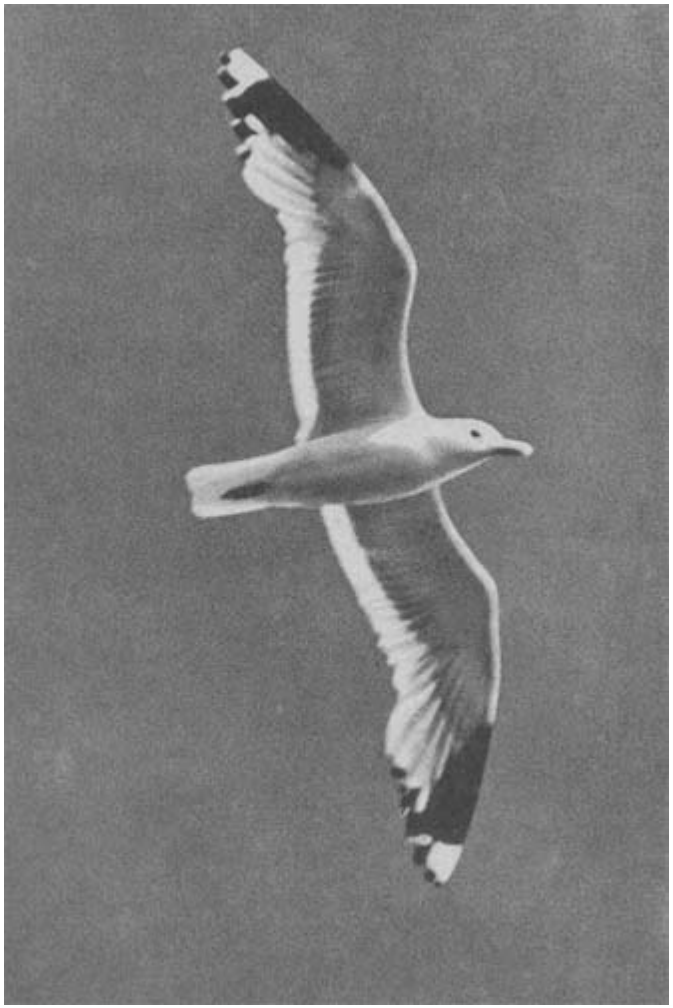
Давно пронеслась гроза, но на берёзах с листка на листик, как со ступеньки на ступеньку, прыгают озорные дождевые капли. Повисают на кончике, дрожа от страха, и, сверкнув отчаянно, прыгают в лужу.

А в лужах лягушки ворочаются и блаженно ур-р-р-чат.

Даже перезимовавшие на земле скрюченные листья сухие ожили: то шмыгают и шуршат по земле, как мыши, то вспархивают, как табунки быстрых птиц.

Звуки со всех сторон: с полей и лесов, с неба, с воды, из-под земли.

Гремит по земле май!!



Белая ночь

Пришёл июнь и оставил от ночи один тёмный час. Недовольно забубнили совы: «Для чего нам день?» Зато дневным птицам радость: ночь-то короче воробьиного носа! Вот она, пора белых ночей!

Птичка-зарянка поёт на еловой пике: одним глазком вечернюю провожает, другим утреннюю встречает.

Всё тайное стало явным. Всё невидимое — видимым.

Видно, как спят, смежив лепестки, цветы дневные. Как просыпаются в тёмной чаще ночные цветы, как испуганно приоткрывают они лепестки-ресницы и зачарованно поворачивают головки за плывущей луной.

Видно, как слетаются ночные бабочки-бражники к нашей северной орхидее — ночной красавице любке. Ведь только ночью открываются ее цветы и пахнут только ночью.

Ночной ёжик семенит по тропинке. Ночная летучая мышь порхает над головой. Ночная кукушка годы считает. Козодой, прищурив сумеречные глаза, урчит заунывно и долго.

Туман повис над рекой; сонно чмокают мокрыми губами ленивые рыбы. Тростники вглядываются в черноту — но не дрогнет даже их отражение.

Всё призрачно и невесомо: видно и не видно, слышно и не слышно. И деревья стоят по пояс в тумане, дыхание затая.

На землю оседает белый пух тополей: как иней, как ночная пороша. И даже падающая хвоинка тревожит чуткую тишину.

А звёзды тускнеют, не успев разгореться. А заря разгорается, не успев потускнеть.

И снова зарянки славят зарю.

И грустно и радостно

Сыплет осенний нудный дождь. До листика вымокли кусты и деревья. Лес притих и насупился.

И вдруг осеннюю тишину нарушает ярое, прямо весеннее бормотание тетерева!

Певчий дрозд откликнулся — просвистел свою песню. Затенькала птичка-капелька — пеночка теньковка.

И на опушке, и в глубине леса послышались птичьи голоса. Это прощальные песни птиц. Но и в прощальных песнях слышится радость.

Странный в сентябре лес — в нём рядом весна и осень.

Жёлтый лист и зелёная травинка.

Поблёкшие травы и зацветающие цветы. Сверкающий иней и бабочки. Тёплое солнце и холодный ветер. Увядание и расцвет. Песни и тишина. И грустно и радостно!

Золотой дождь

Всё лето листья подставляли солнцу свои ладошки и щёчки, спинки и животики. И до того налились и пропитались солнцем, что к осени сами стали как солнышки — багряными и золотыми.

Налились, отяжелели — и потекли.

Полетели иволгами по ветру. Запрыгали белками по сучкам. Понеслись куницами по земле. Зашумел в лесу золотой дождь.

Капля по листику щёлкнет — сорвётся лист. Синицы на ветке завозятся — брызнут листья по сторонам. Ветер вдруг налетит — закружится пёстрый смерч. А если тяжёлый косач с лёту вломится в ветви — хлынет сверкающий водопад.

По колено в листьях деревья стоят.

Ёлочки листьями украсились. Папоротники под листьями пригрелись. Грибы под листьями спрятались.

Листья шуршат, скребутся, лопочут. Листья летят, скачут, плывут. Листья качаются на паутинках. Листья вверху, внизу и вокруг.

Шумит золотой дождь.

Весенние ручьи

Весенние ручьи говорят, говорят…

У каждого ручья свой голос. Один чуть шепчет, а другой звонко кричит. И каждый о своём.

Сидел я на пне у лесного ручья. Сидел и слушал. Сперва просто так бубнил ручей. А потом заговорил:

— Я лесной ручей, из лесного снега рождён. Топтали этот снег лоси да волки, зайцы-беляки по снегу прыгали, тетерева и рябчики под снегом спали. Теперь все следы растаяли, в звонкие капельки превратились. Столько за зиму всяких историй произошло — за всю весну не перескажешь. Расскажешь — не перескажешь, расскажешь — не перескажешь.

Перебрался я к полевому ручью. Слышу, и полевой поёт:

— Зень-зень-зень! Зиме конец, конец зиме… Я ручей полевой, из полевых снегов рождён. Топтали снег зайцы-русаки да серые куропатки. Рыжая лиса мышковала — полёвок ловила. Все события на снегу отпечатались. А теперь следы растаяли, в певучие капельки обратились. Столько событий: рассказать — не рассказать, рассказать — не рассказать…

Бегут, торопятся в речку ручьи разные: лесные, полевые, болотные, дорожные, деревенские, огородные. И у каждого свои рассказы: что было, что случилось, что надолго запомнилось. Говорят, говорят, говорят…

Хочешь лесные, полевые и болотные тайны узнать, — сядь у речки на бережок.

Может, чего и услышишь.

Оттаявшие происшествия

Всё, что случилось зимой в лесу, — всё скрыл снег. Злодейство ли, доброе ли дело — всё погребено в сугробах: снегом укрыто, метелью заглажено. Ни памяти, ни следа.

Но пришла оттепель, и всё вышло наружу. Всё, что копилось, всё, что скрывалось, выступило напоказ. Оттаяли хвоинки, прутики, листики, кусочки коры. Везде под кузницами дятлов грудами лежат шишки.

Вот перья вороны, которую в конце зимы разорвал ястреб. Вот подснежные спаленки-лунки рябчиков и тетеревов. В них они спали в самую глухую зимнюю пору. Тут снеговые тоннели крота: ишь ты, он и в снегу искал червяков!

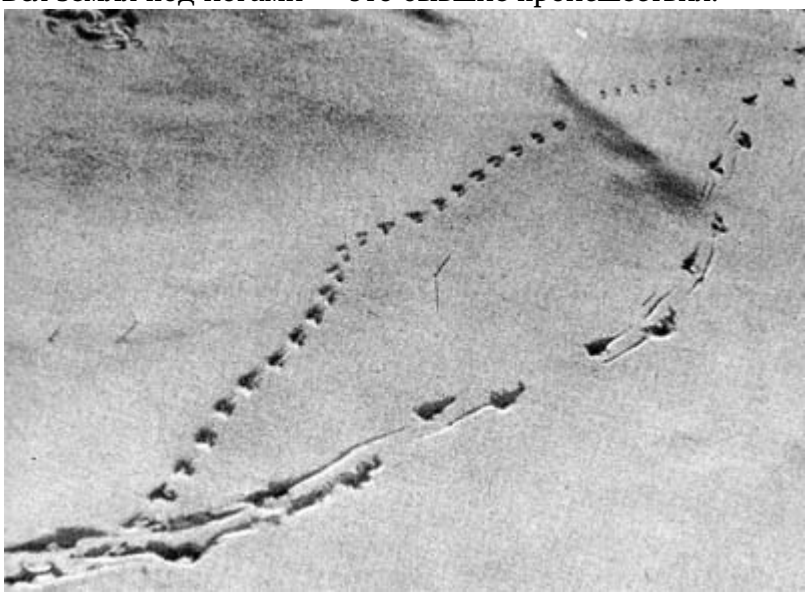
Шишки, сброшенные клестами и оглоданные белками. Подстриженные зайцами ивы.

А вот землеройка, задушенная и брошенная лаской. Вот хвостик белки-летяги — остатки обеда куницы.

Будто листаешь прочитанную книгу и рассматриваешь картинки.

Ветер и солнце долистают белую книгу. Скоро покажется и обложка — земля. Тогда все зимние происшествия встретятся, соединятся и растворятся в тысячах и тысячах других, скопившихся на земле за долгие-долгие годы.

Вся земля под ногами — это бывшие происшествия.



Тёплая струйка

Зима — тяжёлое время. Даже могучие звери прячутся в берлоги и норы. Трудно представить, что где-то сейчас в тайничках под снегом лежат окоченевшие бабочки. Бывало, чуть ветер, чуть дождь, а они уже сникли. И пыльца на крылышках сбилась и потускнела.

Но они есть, они ждут; ждут весну и тепло.

Бабочка крапивница зимовала в стогу. Солнце нагрело стог, и заструилось от него тепло. К теплу, на припёк, и выползла неловкая и сонная бабочка. Подкрылышко одно отпало, другое оббилось, стёрлась пыльца. Нелегко зимовать в стогу.

Крапивница отогрелась и затрепетала от нетерпения. Качнулся ветерок, она вспорхнула и понеслась.

И вдруг её обдало жгучим морозом; вокруг стога ещё лежали снега. Лес и луга в снегу: один стог оттаял и высох. Крапивница сникла и опустилась на снег.

Хорош мартовский снег: в гранях и блёстках, с весенней голубизной. И крапивница на нём как первый цветок.

Но кому красиво, а крапивнице — смерть. Уже окоченела совсем, когда тёплая струйка ветра от нагретого стога протянулась и к ней; она встрепенулась, вспорхнула и понеслась по тёплой струе, как по знакомой дорожке. Струйка-тропинка привела её к стогу. Каждый солнечный день теперь вылетает крапивница полетать. Смело носится над заснеженным полем. Но далеко не улетает. Текут от стога нагретые струйки, колышутся за ним, как невидимые ленты. Крапивница чувствует их тепло, они для неё — как дорожки к жизни.

Всё выше солнце, всё жарче стог, всё длиннее тёплые струи-дорожки. Всё дальше и дальше отлетает по ним от стога крапивница. Пока однажды не долетит до первой большой проталины. Там и останется весну встречать.

Время

Никогда я раньше не думал о времени. Идёт оно неслышно, течёт невидно. Час за часом день за днём. Смотришь, уж и суббота, а там воскресенье. Ну и хорошо, что суббота и воскресенье!

Смотреть на часы или заглядывать в календарь — это ещё не значит понимать время.

Думать о времени меня научили… мыши и дятлы.

Встречаю я их в лесу весь год. Вся их жизнь на моих глазах.

У птиц и зверюшек тоже есть свои причуды. Вот мышь полёвка. Эта до невозможности чистоплотная. Моется после еды и перед едой, моется перед сном и после сна. Зевнёт — помоется, чихнёт — помоется, почешется — помоется. После игры моется, после драки моется. В жару моется, в холод моется. Вымоется и помоется.

Или летучая мышь. Эта любит поспать. Всю зиму спит беспробудно — сразу полгода! Потом от восхода до заката спит. А по ночам как повезёт: чуть дождь — спит, ветер — спит, холодно — спит. Выспится и дремлет.

Ну, а дятлы — едоки. Уткнутся носом в дерево и долбят. Зима ли, лето — долбят. С зари до зари. В вёдро и в непогоду. Круглый год; как только носы не сломают!

Одни моются, другие спят, третьи едят. Час за часом, день за днём. Так незаметно, а если прикинуть? И выйдет, что полёвка полжизни моется, дятел три четверти жизни долбит, а летучая мышь живёт только двадцатую часть своей мышиной жизни — остальное время спит!

Заставили меня мыши время считать. А вдруг и я только и делаю, что сплю да долблю. И очень просто!

Деревья скрипят

Каждое скрипучее дерево на свой лад скрипит. Интересно слушать в лесу этот скрип. Раньше, бывало, я все ночёвки свои только под скрипучими деревьями и устраивал. Солнце за лес — начинаешь прислушиваться. Как услышу — скрипит! — тут и рюкзак сбрасываю.

Валежник собираешь — оно скрипит, рогульки для котелка вырубаешь — скрипит, лапник стелешь — всё скрипит, скрипит…

И за треском костра слышен скрип и за бульканьем чая. Сквозь дремоту, всю ночь — скрип да скрип. К утру уже знаешь, почему скрипит.

То растут два дерева тесно, упёрлись друг в друга сучьями, одно другое отталкивает, отпихивает — вот и скрипит.

Бывает, ветер повалит одно другому на плечи — тоже оба скрипят.

Иное на вид живо-здорово, да сердцевина трухлява: чуть ветерок — скрипит. А то снег зимой в дугу скрючит — за всё лето распрямиться не может. Стоит гнутое, голова лохматая в землю уткнута, — тоже скрипит.

Наслушался я по лесам скрипа. Ни рощи нет, ни бора и ни дубравы, где бы дерево не скрипело. И каждое по-особому. И каждое о своём…

Гнездо

Дрозд в развилку берёзы положил первый пучок сухой травы. Положил, расправил клювом и задумался.

Вот он — торжественный миг, когда всё позади и всё впереди. Позади зимовка в чужих южных лесах, тяжёлый далёкий перелёт. Впереди гнездо, птенцы, труды и тревоги.

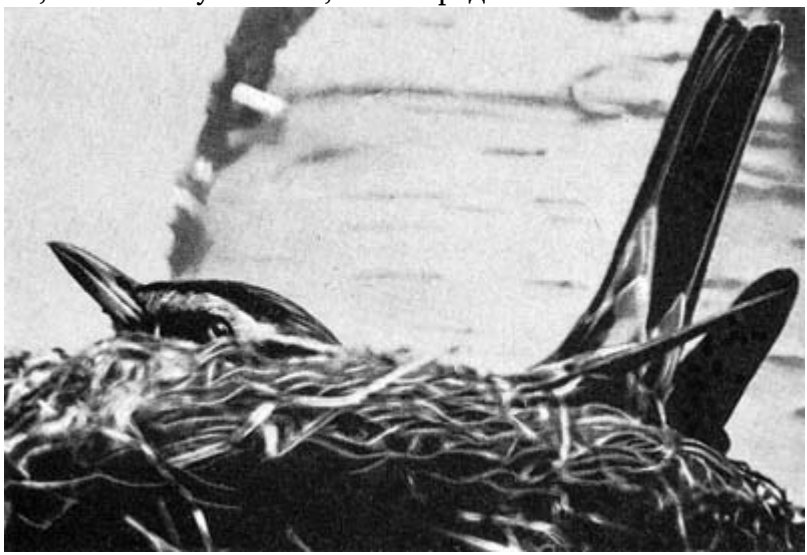
Развилка берёзы и пучок травы как начало новой жизни.

Что ни день, то выше гнездо и шире. Однажды дроздиха села в него и осталась сидеть. Она вся утонула в гнезде, снаружи торчали нос да хвост.

Но дроздиха видела и слышала всё.

Тянулись по синему небу облака, а по зелёной земле ползли их тени. Прошагал на ногах-ходулях лось. Неуклюже проковылял заяц. Пеночка-весничка, пушистая, как вербный барашек, поёт и поёт про весну.

Берёза баюкает птичий дом. И на страже его — хвост и нос. Торчат как два часовых. Раз торчат, — значит, всё хорошо. Значит, тихо в лесу. Значит, всё впереди!



Дядя Витя?

Среди диких горных садов из яблонь, груш, абрикосов живёт удивительная красная птичка. Жить бы ей без забот в этакой благодати, а она места себе не находит. Нужен ей, видите ли, какой-то неведомый дядя Витя!

Только войдёшь в дикий сад, а красная птичка к тебе с вопросом: «Дядя Витя? Дядя Витя?» Ясным таким звонким разборчивым свистом: «Дядя Витя?»

— Нет, — отвечаю. — Я дядя Коля!

А птичка не отстаёт: «Ты Витю видел? Ты Витю видел?»

— Не видел! — сержусь я. — И видеть его не хочу!

А птичка своё: «Витю видел — куда пошёл?»

И никуда от птичек не деться. Уйдёшь от одной — на пути другая встречает. Тоже спрашивает: «Дядя Витя? Ты Витю видел?»

С утра до вечера по всему дикому саду разыскивают красные птички неуловимого таинственного дядю Витю и никак не могут найти. Всё встречных расспрашивают, а те и сами не знают.

Кукушкины годы

Для песни кукушке нужен звонкий лесок: чтобы голос стал упруг и звучист. Есть в лесу такие уголки: всё там звенит — и птицы и ветер.

Любят кукушки чужие годы считать. Уж и дроздам надоест свистеть, утонут кусты в ночном тумане, а они всё кричат да кричат.

Стоим мы в звонком борке, и над нами кричит кукушка. Сидит она на чёрной сосне, над которой дрожит звезда. Сидит и кланяется зелёной заре: чуть приподнятый хвост, чуть обвислые крылья и набухшее толстое горло. Это умелый крикун. Сосновый борок подхватывает крик, делает его громче и мчит к заре за зубчатую полосу леса. А оттуда — из далека-далека! — отвечает ему другая кукушка. «Ку-ку» да «ку-ку» — и складно, и ладно, и точно в такт.

Наш стро́ит «ку-ку-ку!» — и другой строит. Наш крикнет вдруг «хо!» — и чужой откликнется «хо!» И не собьётся, не перепутает, не опередит. Такое у них согласие, такой ритм, — слушал бы до утра.

Уж много звёзд над чёрной сосной. Затухла заря. Не видно стало, зато слышно-то как! Все другие кукушки умолкли, а наша

кричит: уж больно соперник упрям, не одолеть никак!

Давно мы со счёта сбились, давно разгадали тайну ответного крика. Вторит нашей кукушке не соперник, а лесное далёкое эхо, перекликается она сама с собой, сама себя, хочет перекричать.

И годы падают в лес, как весомые чистые капли. Кукушкины годы — звонкие, как борок, чистые, как заря, и долгие, как лесное тягучее эхо.

Жить бы да слушать, слушать да жить!

Крутые меры

У пеночки-зарнички клюв до того маленький, что только комар в нём и поместится. Сразу много еды в клюве не принесёшь. А птенцов в гнезде пять. И у каждого рот — кулёк! Сколько в него ни суй, всё равно мало. Одному комара отдашь — другие голодные. На всех разделишь — все голодные. Как разинут свои кульки: «Мне, мне, мне!»

Вот пеночка и хитрит. Одному в рот комара сунет, а другому пустой клюв. Вроде успокоительной соски! Так и бьётся одна с пятью: кто комара глотает, кто соску дёргает.

Скоро птенцы оперились, пора из гнезда прыгать. А им неохота! В гнезде и тепло, и уютно, и сытно. А в сырых да холодных кустах ещё неизвестно что.

— Ах так! — рассердилась пеночка. И улетела.

Конечно, это я сказал за неё «ах так». Может, я и не точно перевёл её выкрик. Но только она и в самом деле вдруг перестала выманивать птенцов из гнезда, пискнула и улетела.

Сперва птенцы даже обрадовались: никто не беспокоит. Но скоро проголодались и дружно заёрзали. «Эй, кто тут нас должен кормить?»

Муха у гнезда покрутилась — птенцы так к ней шеи и вытянули. Но муха сама в рот не лезет. Бабочка у гнезда запорхала — птенцы ей навстречу рты разинули, словно «ура» прокричали! Заглянула в гнездо птичка-чечевичка — и у неё стали клянчить: «Дай же чего-нибудь, дай!» Но никому до них дела нет.

Стали тогда друг у друга выпрашивать. Только один пошевелится — все к нему с раскрытыми ртами. А у того у самого рот до ушей и даже трясётся от нетерпения.

И вот, когда уже не знали, у кого и просить, появилась мама-пеночка с гусеницей. С зелёной, как леденец. Не успела она и позвать, как птенцы наперегонки стали выпрыгивать из гнезда ей навстречу! Ни холод, ни сырость уже нипочём: «Мне, мне, мне!»

Проучила пеночка упрямых птенцов. А что ей было делать? Одна она, и в клюве только один комар помещается. А их пятеро, и каждый ростом уже с неё!

Вечером вся семейка собралась на одной ветке. Прижались друг к другу, сытые и довольные. Даже соски не просят!

Белые страницы

Исписаны синим по белому. Пишутся чаще ночью, а читаются по утрам. Хочешь читать — не очки надевай на нос, а лыжи на ноги. Да по строчке бегом.

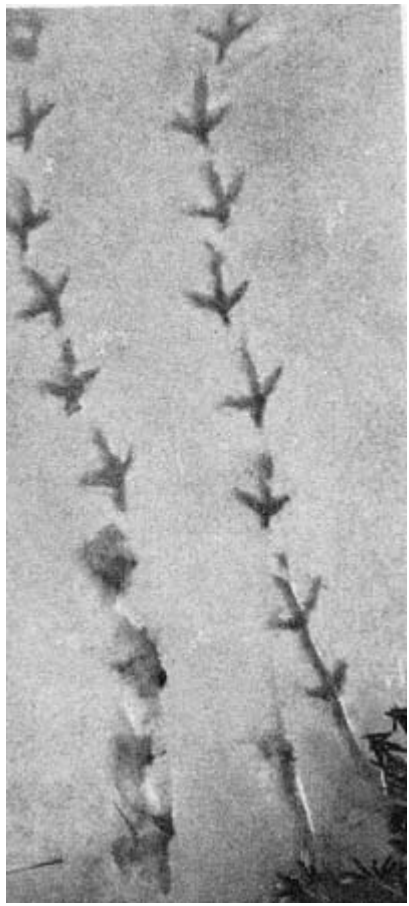
Тянется, тянется строчка, и вдруг норка — точка. Сорока хвостом поставила знак восклицательный. Мышь многоточие настрочила. Воробей двоеточия наскакал. Всё читается без запинки.

Справочное бюро

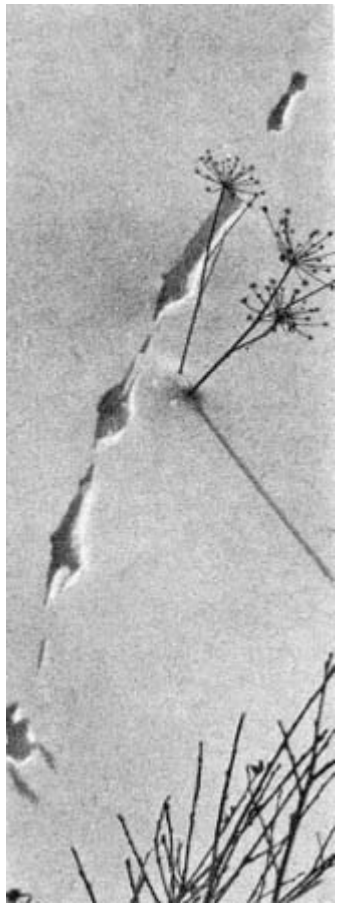
Справочное бюро для тех, кто плохо разбирается в следах на снегу. Если вам встретятся в лесу следы, похожие на эти, то знайте (фото помещены в порядке перечисления).

Этот след можно встретить только в глухом лесу. Он тянется по чаще, по окраинам болот, среди густых молодых ёлочек. Это след осторожной лесной кошки — рыси.

Тут пробежал заяц-беляк (слева), а рядом проскакала куница.



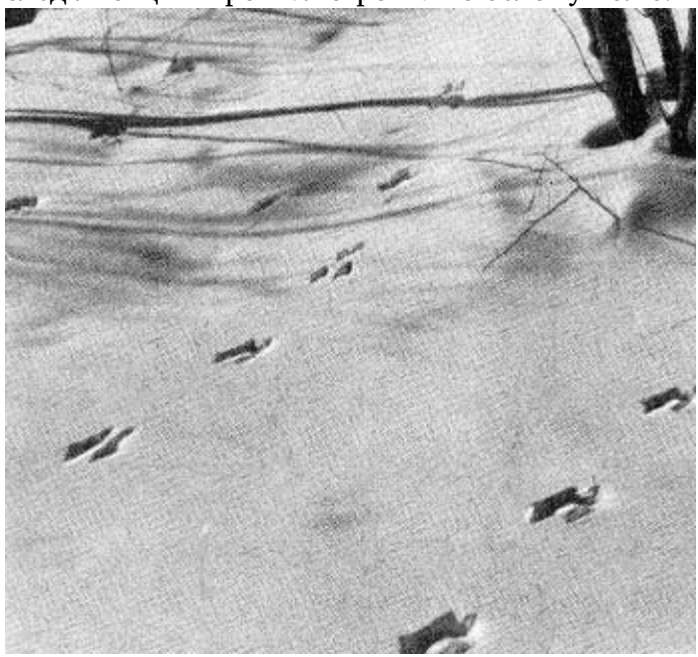
Вот это следы двух тетеревов. Они похожи на куриные, но поменьше.



Это следы горностая по глубокому снегу.

А это — зайца-беляка.

Это след лисицы — ровная строчка по белому полю.



А это следы белки. К весне белки чаще спускаются на снег и бегают сразу по две и по три вместе. Тогда следы их тянутся рядом.

Лесные пословицы и поговорки

Спрятался паучок под грибной шляпкой и… попал в рассол!

Рыжая лисица, чёрная лисица — всё равно лисица!

Против сотни воробьев довольно одного ястреба.

Громче всех сойка кричит, да редко права бывает.

Лучше слушать одного соловья, чем сотню воробьев.

Не оттого галка чёрная, что в трубе гнездится.

Паук тем и жив, что сети плетёт.

Красота мухомора мух не радует.

Раззадорится воробей, так и кота не боится.

Может, потому лягушка земноводная, что не поймёт, где лучше?

* * *

— Сознайся, Лесовичок, в приметы веришь небось?

— Верю, верю! Мне без примет ни попить, ни поесть. Ни зиму перезимовать, ни лето пролетовать. «Зелена трава — недалече вода», «Коли грачи прямо на гнёзда прилетели, дружная весна будет». Да всё не перескажешь. А что, у вас, у людей, тоже приметы есть?

— Есть и у нас.

— Ну-ка, ну-ка!

— «Сыч на дому кричит — к отъезду».

— Ха-ха-ха!

— «Летучая мышь в окно залетит — к беде».

— Ха-ха-ха!

— «Заяц мечется по деревне — к пожару».

— Ха-ха-ха!

— Чего ты, Лесовичок, так развеселился?

— Ха-ха-ха!

— Ну, хватит, хватит. Ещё заболеешь…

— Ох, уморил! Вот так приметы! Да это же совам на смех — одни суеверия! И до чего ж вы, люди, нас, лесных жителей, плохо знаете. Чего только на наши бедные головы не напридумывали! Ну объясни ты мне, мил человек, за что вы, к примеру, зайца косым зовёте? Только и слышишь: «заяц косой», «заяц косой». И говорят, и пишут, и рисуют. А ведь он, заяц-то, вовсе и не косой! И не был косым никогда. И серым не был. «Трусишка зайка серенький». И трусишкой не был. Это медведь с перепугу околеть может, а заяц — никогда!

— Что делать, Лесовичок! Нам в детстве сказали, а мы повторяем. Серый так серый, косой так косой.

— Сказали, сказали… А свои глаза для чего?

— Так ведь не всякий зайца своими глазами видел.

— Ты-то вот разглядел? Ну и другим расскажи какие они, язык небось не отвалится.

— Да разве рассказом рассказ перешибёшь?

— А ты напиши.

— И написанного написанным не исправишь.

— Ну, нарисуй тогда.

— А кто поверит? Нарисовать что хочешь можно…

Заёрзал Лесовичок на коряжке, бородёнку в кулачок зажал. И ехидно так спрашивает:

— А это у тебя в руках что за штуковина?

Как я сам не догадался! Фотография — это же сама правда. Снимку все поверят!

— Ну вот, — говорит Лесовичок, — теперь как только кто скажет, что заяц косой, так ты ему сразу снимок под нос: «Пожалуйста, убедитесь!» Надо же как-то с вашими людскими суевериями бороться. Ну, по рукам?

— По рукам!

Глаз или ухо?

«Я это видел» надёжней звучит, чем «я это слышал». Слышали мы, что ежи яблоки на колючках таскают, что от жаб бородавки на руках бывают, что летучие мыши будто бы кровь пьют, что птицы-козодои коз доят. Все слыхали, а никто не видел!

Можно услышать и ещё кое-что.

«Что вы, что вы, чайка никогда не сядет на дерево!» «Живёт в наших лесах косуля. Косая она, вот её и назвали „косулей“».

А теперь посмотрите: какая же она косая?

Самоубийца

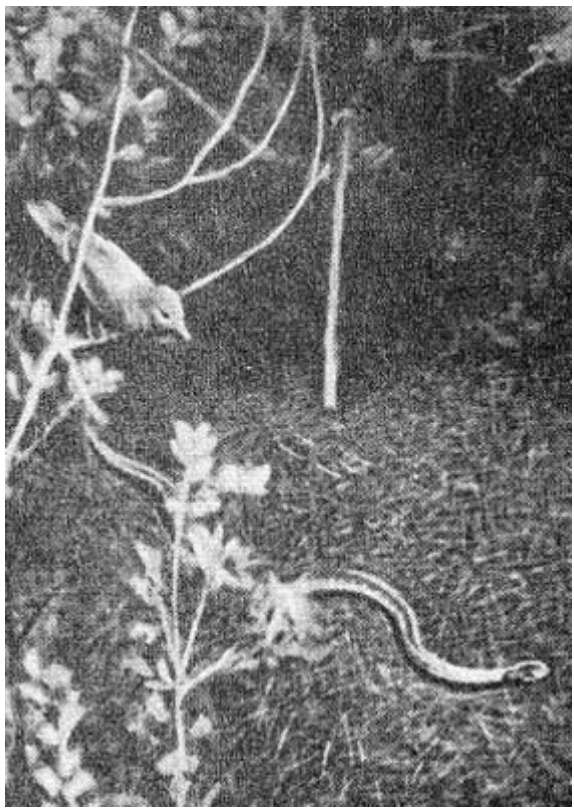
Ходит слух, что у птиц и зверей бывают самоубийства. Находили фазанов, дроздов, бурундуков, которые висели, защемив головку в рогульке сучка. Я нашёл повесившегося сорочонка. Но как только я увидел его, я понял, что это просто несчастный случай: выскакивая из гнезда, он попал головой в рогульку и невольно повис.

Змеиный гипноз

На кусте отчаянно металась и кричала весничка. А под кустом ползала, извиваясь, гадюка. Глазки у гадюки посверкивали как стёклышки, язычок трепетал у стиснутых губ сердито и раздражённо.

Весничка, как привязанная, перепархивала за змеёй: куда та, туда и она. Вертелась с криком над самой её головой.

«Вот он, змеиный гипноз!» — подумал я. Но тут же, на нижней ветке куста, увидел двух птенчиков веснички. И понял, почему так отчаянно и безрассудно кидалась птичка на ядовитую змею.



В лес по загадки

Ходят в лес по ягоды, по грибы, по орехи. А что, если отправиться в лес по загадки?

Интересно собирать ягоды, грибы и орехи, а загадки ещё интересней искать. Что там — грибы или ягоды? Найдёшь, соберёшь и успокоишься. А уж коли загадки разыщешь — покой потеряешь!

Как загадку нашёл — так отгадку ей подавай. Значит, снова в лес иди, отгадку ищи. Пока отгадку ищешь — две новых загадки по пути найдёшь. И пошло-поехало — конца-краю не видно!

Грибы, съешь, ягоды съешь — на том и конец.

Загадку разгадаешь — только начало…

Ходил и я в лес по грибы, и по ягоды, и по орехи. И так просто ходил — низачем. Ходил и по загадки. Простые загадки сам разгадал. А вот скопились у меня загадки особые — неразгаданные. Вот их-то я вам и предлагаю.

Белкин мухомор

Зима для зверей — время суровое. Все к ней готовятся. Медведь и барсук сало нагуливают, бурундук орехи кедровые запасает, белка — грибы. И всё, казалось бы, тут понятно и просто: и сало, и грибы, и орехи ой как зимой пригодятся!

Просто совсем, да не со всеми!

Вот, например, белка. Сушит она осенью на сучках грибы: сыроежки, опята, моховики. Грибы всё хорошие и съедобные. Но вот среди хороших и съедобных находишь вдруг… мухомор! Наткнут на сучок — красный, в белую крапинку. Для чего белке мухомор ядовитый?

Может, молодые белки по незнанию мухоморы сушат? Может, когда поумнеют, их не едят? Может, сухой мухомор становится неядовитым? А может, мухомор сушёный для них что-то вроде лекарства?

Много разных предположений, а точной отгадки нет. Вот бы всё разузнать и проверить!

Поющий ёж

Ёжик — закадычный друг детства. Все его знают, все его любят, все его находили. Знаменит он своими колючками и тем, что непременно убежит, как бы его ни берегли.

У каждого юнната был свой ёж. И уж о нём-то, кажется, всё известно. Любит молоко, ловит мышей и лягушек, смело вступает в бой с гадюкой. При тревоге сворачивается в колючий шар, если трогать — грозно пыхтит и поддаёт иголками. А если не трогать, то скоро высунет из колючек свой мокрый нос, пошмыгает им и выставит глаз. Нет никого — покатится колобком.

Ну, а если домой взять да приласкать, он скоро и сворачиваться перестанет. И иголки его в одну сторону лягут — хоть гладь, как котёнка. Станет совсем домашним, этакий топотун-хлопотун.

И вот оказывается, что у этого знакомого всем зверька тоже тайна есть.

Говорил мне один лесник, человек наблюдательный и правдивый, что ёж, будто бы, весною… поёт! Да не как там нибудь, а по-настоящему, чем-то похоже на птицу.

Сам я поющего ежа не слыхал. Но рассказы об этом слышал не раз. Непременно бы надо проверить. Может, из вас кто слышал ежиное пение? Тогда расскажите нам.

Тайна чёрного дятла

Чёрный дятел-желна — большой дятел, с ворону. А носище у него — что твоё долото. Дерево рубит — только щепки летят. И не малые: то с карандаш, а то и с пенал.

Однажды желна за два лета целую лесную сторожку в щепки разбил. Что и говорить, дятлов нос — инструмент завидный. Бывает, в свежем дереве дыру в два кулака и глубиной по локоть пробьёт. Да и не в какой-нибудь там рыхлой осине, а в узловатой ёлке, да у самого корня: топором стукнешь — топор отскакивает! Не дятел прямо, а лесоруб.

Если о дятле просто по дырам судить, то получится, что желна лесу враг. Но если к дырам внимательно приглядеться, то поймёшь, что не враг он лесу, а друг. Лесу друг и первый леснику помощник. Потому что дыры желна выбивает только в больных и заражённых деревьях. Заглянешь в дыру и непременно увидишь в глубине либо загнившую сердцевину, либо ходы муравьёв-дровосеков. И хоть на вид дерево свежее и здоровое, а никуда уже не годится. Надо его скорей на дрова рубить, пока оно само не сгнило и соседей не заразило.

Настоящие лесники ценят желну. Он как безошибочный указатель. Ни один человеческий глаз не разглядит ещё, что

дерево заболело, а желна уже нашёл его и пометил. И не просто пометит, а раздолбит в самом больном месте: вытащит личинок и переловит муравьев. И не было ещё случая, чтобы желна ошибся и повредил здоровое дерево.

Лесники к деревьям и присматриваются, и выстукивают их, а отличить наверняка заболевшее от здорового так и не могут. А желна прицепится, раза два стукнет — и будто на рентгене просветит! А бывает, что до больного места сантиметров двадцать сквозь здоровую древесину добирается!

Это и есть загадка желны.

Про грифа говорят, что он на метр под землю видит. Про желну можно сказать, что он «видит» сквозь дерево.

Тайна вальдшнепа

Своими глазами видел — один раз в жизни — как вальдшнепиха несла по воздуху вальдшнепёнка. Она стиснула его с боков лапками, прижала к грудке и несла его меж ветвей осин. Вальдшнепёнок уже был большой, она его еле тащила. Казалось, летит тяжёлая, неуклюжая птица… с двумя головами!

Разглядеть такое непросто. Вальдшнеп — птица стремительная, любит густые заросли. Поэтому редко кто такое видел. И вот те, кто не видел, не верят. Не может быть, заявляют они, только звери способны своих детёнышей переносить, да и то в зубах, а не в лапах. Птицам такое не по уму, не по силам!

И верно: ни одна птица птенцов своих в лапах не переносит. Крохали иногда носят в клювах. Чомга на спине катает. А вот чтобы в лапах — никто.

Никто… кроме вальдшнепа! Это уж я своими глазами видал.

Давайте, наконец, решим этот спор: переносит или не переносит? А решить его мы сможем только тогда, когда многие это увидят. Только знайте: это не просто. Было бы просто, давно бы всё было решено.

Синичка необыкновенная

Звонкоголосую и белощёкую нашу синицу называют большой или обыкновенной. Что большая, я с этим согласен: она больше других синиц: пухляков, московок, лазоревок. Но что она обыкновенная, с этим я не могу согласиться!

Она поразила меня с первой же встречи. А было это давным-давно. Она попалась в мой западок. Я взял её в руку, и она… умерла! Только что была живая и резвая, щипала с вывертами за пальцы — и вот умерла. Я растерянно разжал руку. Синичка неподвижно лежала на раскрытой ладони вверх лапками, и глаза затянулись белым: Я подержал её, подержал — и положил на пенёк. И только руку отвёл — синичка вскрикнула и улетела!

Какая же она обыкновенная, если такая необыкновенная обманщица! Захочет — умрёт, захочет — воскреснет.

Потом я узнал, что многие птицы впадают в какое-то странное оцепенение, если их положить спинкой вниз. Но у синички это получается лучше всех и часто спасает её от неволи,

Дрозд и Сова

— Слушай, объясни ты мне, как сову от филина отличить?

— Это смотря какую сову…

— Какую сову… Обыкновенную!

— Такой совы не бывает. Бывает сова-сипуха, сова-неясыть серая, сова ястребиная, сова болотная, сова полярная, сова ушастая…

— Ну вот ты — какая сова?

— Я-то? Я неясыть длиннохвостая.

— Ну вот как тебя от филина отличить?

— Это смотря от какого филина… Бывает филин тёмный — лесной, бывает филин светлый — пустынный, а ещё рыбный филин бывает…

— Тьфу ты, нечисть ночная! До того всё запутали, что и сами, поди, не разберётесь, кто у вас кто!

— Хо-хо-хо-хо! Бу!

Козодой

— Что за птица?

— Козодой.

— Козодой? Она коз доит?

Каждый так непременно спросит. А как же иначе: мухолов мух ловит, мухомор мух морит, осоед ест ос. Значит, козодой коз доит!

А козодой не доит. И не доил никогда. И молока в рот не брал. Всё на него навыдумывали. Всё потому, что любит он над стадом кружить.

Вечером, когда гонят коз доить, кружит над ними козодой. Не молочка ли парного захотел, — вон рот-то какой большой!

И верно, рот у козодоя необыкновенный. Не рот, а сачок. Клювик маленький, а рот разинет — страшно прямо. Таким ртом без труда можно всё молоко высосать.

Но не зря у него рот сачком! Ловит им козодой ночных жуков, бабочек, комаров. Козы вспугивают их из травы, а он и рад. Помногу ловит. Ловкий у него рот.

Молока не пьёт. Коз не доит. И всё равно козодой! Козодой так козодой! Синица вон тоже не синяя, заяц совсем не косой, а глухарь не глухой. Бывает, и люди ошибаются.

Вороний сигнал

Какое дело воронам до рыб? Какое дело рыбам до ворон?

А рыбакам — тем до всего дело. Назначили рыбаки ворон в сторожа — рыбу караулить. Давно замечено, что нельзя доверять козлу капусту, а коту сметану. Но рыбаки рыбу воронам доверили. Дошлые эти рыбаки.

В подлёдном мире сейчас темно — чёрная там зима. Холодно и душно. Сонные рыбы лениво шевелятся и разевают рты. Им нечем дышать. Запас кислорода подходит к концу; свежему воздуху не просочиться под лёд. Того и гляди начнётся рыбий замор. Гляди… а кто же будет глядеть?

Сторожа-рыбака, что ли, к каждой проруби сажать?

А сажать надо. Прозеваешь начало замора — останешься летом без рыбы.

Выручают рыбаков вороны. Рыбы, когда начнут задыхаться, собираются к прорубям и высовывают из воды губы. Вороны сейчас же всё замечают, поднимают крик и слетаются к прорубям со всех сторон. Знают рыбаки: коли кружит над прорубью вороньё, — значит, пришла беда. Хватают они ломы, топоры,

пешни и спешат спасать рыбу. Рубят большие проруби, чтобы в них, как в широко раскрытые окна, ворвался свежий и чистый воздух. По первому вороньему сигналу все спешат, как один.

Зорок вороний глаз. Сторожа это надёжные и бесплатные. Им можно рыбу доверить. Они не проворонят!

Сорочий клад

Клад я нашёл там, где кладу и должно быть, — в папоротнике. В сказках клад скрывается под цветущим папоротником. Мой папоротник не цвёл, да и не может папоротник цвести, но клад под ним сказочный. На чёрной земле под зелёной замшелой корягой лежали драгоценные камни, золото и серебро.

Когда солнце пробивалось сквозь резные листья, то золото становилось золотистее золота, серебро — серебристее серебра, а драгоценные камни горели ярче радуги. Несмотря на то, что это было совсем и не золото, вовсе не серебро и тем более не драгоценные камни. На чёрной земле под корягой лежали цветные стекляшки, «золотые» и «серебряные» бумажки от конфет. Лежали пуговицы, бусины, разноцветные камешки. И даже железный перочинный нож.

Это, конечно же, был чей-то клад. Какого-то жителя леса.

У жителей леса бывает гнездо или нора, где они растят детей. Бывает спальня, где они спят. Бывает, наконец, кладовая, где хранятся запасы еды. Но у них не бывает потайных сундуков с украшениями и безделушками.

Кому понадобился этот хлам: ни съесть его, ни выпить, ни сделать подстилку.

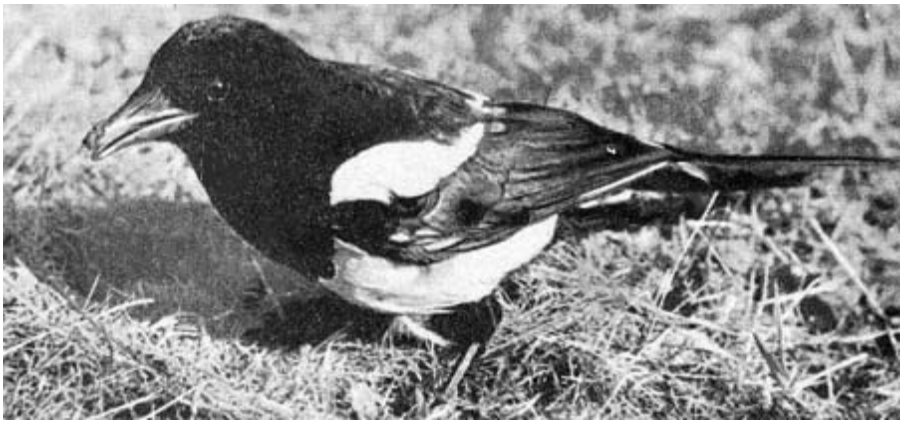
Но кто-то живёт в этом овраге, кому дороги яркие никудышки.

Ночью никто не пришёл. Мерцали в кустах гнилушки, уныло скулили комары да перешёптывались листья осины. Днём проползла змея — чёрная, с красным глазом. Потом послышался шум и выскочила сорока! В клюве она держала ложку. Знакомая ручная сорока. Она жила у соседей. Вот чей это тайник.

Ни гнездо, ни спальня, ни кладовая, — а шкатулка с яркими безделушками!

Я попробовал взять — она подняла крик.

Тогда я взял только ножик и ложку. Остальное оставил сороке. Мне стекляшек не нужно. Но зачем всё это ей?



Вороний глаз

Боятся птицы человечьего глаза. Я сам проверял. Стоит посмотреть на птичье гнездо — и кончено: птица яйца и птенцов унесёт, а гнездо бросит.

Я фотографировал птичьи гнёзда. Сегодня сниму — завтра гнездо пустое. До чего доходило: снимал птенцов в отсутствие стариков. И всё равно старики узнавали, что я на их птенцов глядел! К утру в гнезде ни птенцов, ни яиц.

Наметились три загадки. Как птицы узнают, что я их гнездо видел? Куда переносят своих птенцов? И, главное, почему боятся человеческого глаза? Что это за глаз такой роковой?

Но разгадка на три загадки получилась одна.

Человеческий глаз совсем ни при чём.

Виноватым оказался вороний глаз.

Пока я копошился в кустах, наводя аппарат на гнездо, за мной следила ворона. Слышала ворона тревожные крики птиц. И только я уходил, она летела в кусты. Не напрасно ведь тревожилась птичка, когда в кустах копошился человек.

Вот помятая трава, вот пригнутые ветви, а вот и гнездо.

Пяток птенцов вороне на один глоток.

Так чаще всего и бывает. Найдут люди гнездо, поднимут шум, траву и ветки вокруг помнут и погнут. Птичек-родителей растревожат. А ворона в сторонке сидит и всё замечает.

Страшен для птичек вороний глаз.

А человеческий тем виноват, что ворону вовремя не замечает.

Скворцы прилетели

Скворцы прилетели!

Это такое же радостное известие, как «прилетели грачи», «прилетели жаворонки». Радостное потому, что вместе с грачами, скворцами и жаворонками летит к нам весна — лучшая пора года. Весна, за весной лето — радости-то сколько!

Скворцы прилетели!

Но сейчас не весна, сейчас осень — где же можно услышать такие слова?

Можно услышать: мне довелось. Но сказаны они были не радостным, а печальным-печальным голосом.

— Скворцы прилетели, — сказал человек тихо и задумчиво. — Значит, впереди осень, слякоть и холод. Значит, ветры, дожди и туманы. Значит, прощай, красное лето, здравствуй, зима.

Да, не весна, а зима! Потому что скворцы, те самые скворцы, что когда-то принесли к нам с юга весну, сейчас несут от нас на юг осень. В рощах, скверах и парках на берегу Чёрного моря появляются они осенью густыми стаями; все сразу обращают на них внимание.

Скворцы прилетели… Нет, не радостное это там событие! Ведь за скворцами надвигается зима. Так по-разному могут звучать одни и те же слова! Видно, не в словах дело, а в том, что за ними таится.

Огни на цветах

Всю жизнь можно прожить и ни разу этого не увидеть. Но уж если увидишь — надолго запомнишь.

Я видел только однажды. Вечер был тёплый и тихий. Краешек солнца ещё светился над лесом, но в кустах уже густели первые сумерки.

Вдруг на опушке леса, где уже смутно белели цветы, я заметил лёгкое голубое свечение. Было оно зыбкое, неуловимое, будто блики и отсветы невидимого огня. Будто над каждым цветком парило крохотное облачко света.

Светились цветы. Светились недолго. Я стал трогать лепестки и бутоны — они были влажными и холодными.

Всё это было так неожиданно и неправдоподобно, что я никому не рассказал. А потом узнал, что и другие видели что-то подобное. Случаи такие даже описаны. Но почему вдруг цветы начинают светиться, пока никому неизвестно.

Лиса и Заяц

— Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ноги?

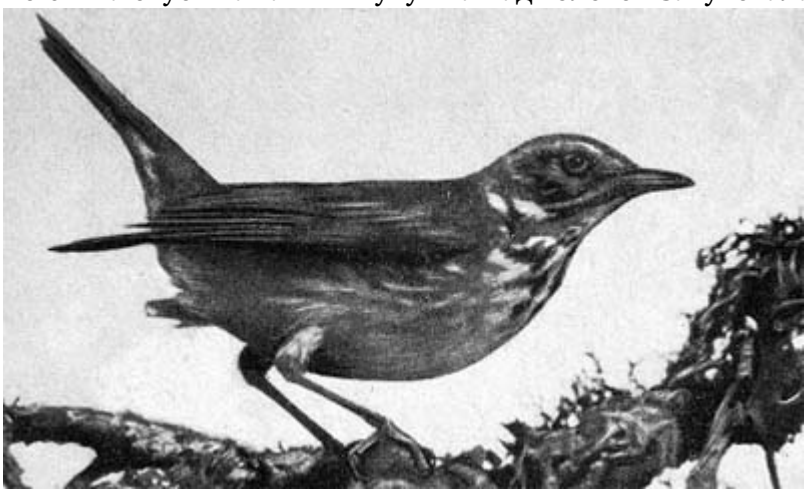
— А всё потому, Лисонька, что уж очень у тебя тихие шаги да уж очень острые зубы!

Журавль в небе

Выследил я синицу. До чего ж хороша! Сидит и перышки чистит. Не спешу, любуюсь в видоискатель. Можно считать, что синица у меня в руках. Осталось только нажать на спуск. Вдруг, слышу, дрозд!

Дрозд осторожнее синицы, выследить его труднее. Синица, решаю, от меня никуда не уйдёт, сниму-ка я сначала дрозда.

Подтаился к дрозду, вижу его белую бровь и хвост торчком. Только бы на спуск нажать — кукушка над головой закуковала!



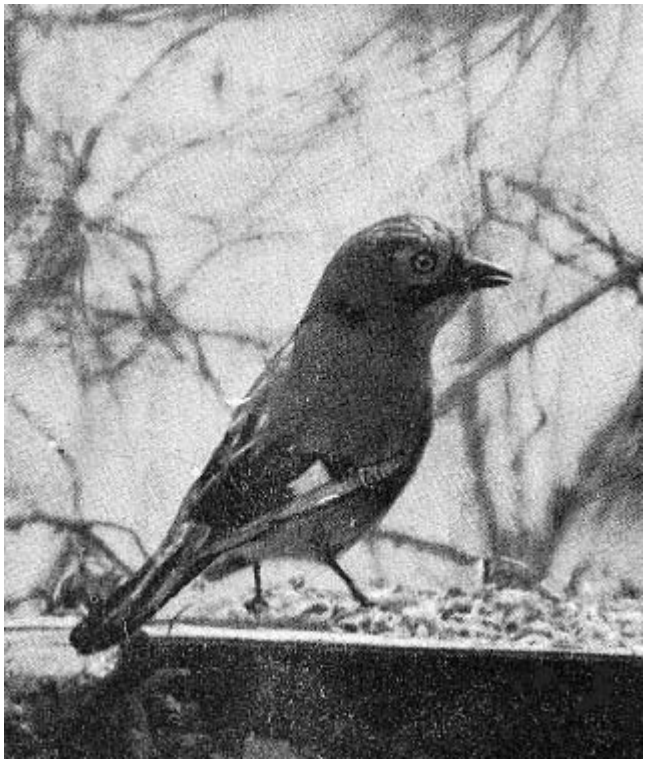
Кукушка вам не дрозд, не синица, её близко редко увидишь. Просто мне повезло. Стал на кукушку аппарат наводить.

Хорошо кукует: приседает, кланяется. Грудка полосатая, будто в тельняшке. И только бы снять — сойка прилетела. Меня не видит, в лапках что-то зажала и клюёт. А хохол, а голубое пятнышко на крыле! Куда кукушке до неё.

Навожу на сойку и никак навести не могу: до того вертлявая. То хвост вижу, то нос, то крыло. Э, была не была — хвост так хвост! У сойки и хвост хорош. Потянул за спуск, да и замер: услыхал над головой журавля!

Вот он летит, не спеша машет крыльями, высматривает укромное болото. Вот это добыча, это не кукушка и сойка!

Выскочил из кустов — журавля прикрыла берёза. Берёзу обежал, а журавль уж за ёлкой — За ёлку забежал — а журавль уж далеко. Не поймёшь: журавль или синица. Точка в небе. Какой толк точку снимать?



Пока за журавлём прыгал, всех птиц распугал. Ни сойки с голубым крылом, ни кукушки в полосатой тельняшке. Ни дрозда белобрового, ни белощёкой синицы.

До чего ж синица была хороша!

Не то что журавль в небе!

Крылатая тень

Он появляется там, где случилось несчастье. Медленно тянет он в вышине, а за ним по земле ползёт его тёмная тень.

Ночью накатывал ветер тяжёлые валы, утром на берегу задыхались рыбы. Над берегом медленно плыла тёмная птица.

Днём мчались по шоссе машины, давя неосторожных лягушек и змей. И над шоссе пролетала мрачная птица.

Вечером торопились на юг перелётные птицы. Налетали в сумерках на невидимые провода и падали вниз с перебитыми крыльями. А чуть свет вдоль проводов летел он — чёрный коршун.

Где беда — там и он.

На берегу, на шоссе, под проводами ждёт богатая добыча. Он знает, где искать!

Всегда он появлялся вовремя. Он не тронет здоровых и сильных: зачем рисковать? Он хватает малых и слабых. Безошибочно узнаёт больных и неловких. Подбирает раненых и убитых. Если надо, он умеет терпеливо ждать.

Как его ненавидят!

Его гонят все, кто может. Слабые собираются в стайки и мстят. С криком, с клевками бросаются на него ласточки и трясогузки. Им помогают соколки и вороны. Ведь когда-то и они станут старыми и слабыми — придёт их черёд.

Вот опять он тянется над лесом: большой, неуклюжий, трусливый. Куда торопится его чёрная тень? Кому его крылья сегодня закроют солнце?

Какой заяц длины?

Какой заяц длины? Ну, это для кого как. Для человека невелик зверь — с берёзовое поленце. А вот для лисы заяц длиной километра в два! Потому что для лисы заяц начинается не тогда, когда она его схватит, а когда учует по следу. Короткий след — два-три прыжка — и заяц невелик.

А если заяц успел наследить да напетлять, то становится он длиннее самого длинного зверя на земле. Такому верзиле не просто в лесу схорониться.

Зайцу от этого очень невесело: живи в вечном страхе, жирок лишний не нагуляй.

И вот изо всех сил старается заяц стать короче. След свой в болоте топит, надвое свой след рвёт — всё себя укорачивает. Только и думает, как бы от своего следа ускакать, спрятаться, как бы его разорвать, укоротить или утопить.

Мечта заячья — стать, наконец, самим собой, с берёзовое поленце.

Жизнь у зайца особая. Всем от дождя и метели радости мало, а зайцу они на пользу: след смывают и заметают. И хуже нет, когда погода тихая да тёплая: след горячий, запах долго держится. В какую б густель ни забился — нет покоя; может, лиса за два километра позади — тебя сейчас уже за хвост держит!

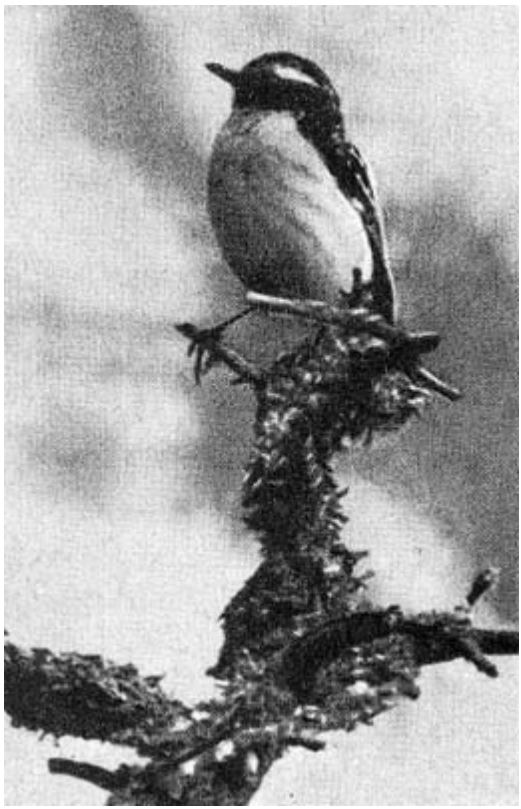
Так что вот, трудно сказать, какой заяц длины. Который похитрей — покороче, поглупее — подлиннее. В тихую погоду и умный вытягивается, в метель да ливень — и глупый укорачивается.

Что ни день — длина у зайца другая.

И очень редко, когда уж здорово ему повезёт, бывает заяц той длины — с берёзовое поленце, каким человек его знает.

Знают про это все, у кого нос лучше глаз работает. Волки знают. Лисицы знают. Знайте и вы.

Чеканчик



— Пора луга косить — чекан косу чеканит? Чекан — это луговая птичка. Птичка как птичка, вострый носок, быстрый глазок, белая бровка. Чеканит — это кричит:

— Чек-чек! Чек! Чек-чек!

Будто в далёкой деревне косарь косу отбивает, косить собирается.

— Чек-чек! Чек-чек!

За это и назван чеканом.

Живёт чекан в лугах тихо и малозаметно.

Поднимаются травы, наливаются колоски: тучнеют луга. Люди на лугах бывают всё чаще. Ходят, смотрят, прикидывают: не пора ли косить? И к этому-то времени у чеканчиков из гнёзд вылетают птенцы. Птенцы как птенцы: кургузый хвосток, глупый глазок. А брови из пуха.

Начинаются у чеканов тревоги, чеканят они целый день. Всем теперь слышны и видны.

— Чек-чек! Чек! Чек-чек! — будто косу отбивают.

— Пора! — люди говорят. — Время косы отбивать! В самый

раз: налились травы, затучнели луга. Чекан зачеканил!

Знахари

Хорошее место для гнезда выбрали себе скворцы — в щели под крышей. Крыша земляная, и на ней, как на полянке, зелёная травка.

От дождя и ветра скворчата укрыты надёжно. Да вот беда — развелись в гнезде птичьи блохи.

Скворцы — птички опрятные. Они любят купаться и чистить свои перышки клювом. Даже скворчата, как подрастут, в гнезде не пачкают, а высовывают для этого из гнезда свои куцые хвостишки.

Блохи кусали скворчат. Скворчата бились в тесном гнезде, как рыбы в сачке. Один скворчонок даже вывалился из гнезда, и его схватила кошка.

Но однажды утром, выйдя из домика, я увидел, что зелёная земляная крыша стала голубой… На ней густо поднялась какая-то голубоватая трава. В голубой траве сидели скворцы. Защемив травинку жёлтым клювом, они сердито трясли головками и изо всех сил упирались в землю ножками.

С пучком травы в клюве скворцы залетали в щель под крышей и выстилали своё гнездо. И тут уж не скворчата, а блохи начали выскакивать из гнезда! Да так быстро, будто начался в гнезде пожар.

Скоро блох в гнезде не осталось ни одной. Скворчата успокоились и перестали биться. Потом запросили есть и — такие чистюли! — снова стали показывать из щели свои куцые хвостишки.

Я сорвал листик голубой травы и размял его в пальцах. В нос ударил такой резкий запах, что я чихнул. Горькая полынь?

Оказывается, что полынь для блох — похуже, чем дым для комаров.

Ай-да скворцы-знахари!

Гриб-подгнездовик

Обыкновенный горный конёк свил на земле гнёздышко, отложил в него яички и сел высиживать. И вот тут начались события необыкновенные! Чувствует конёк, что гнездо его кто-то снизу потихонечку приподнимает? Толчки — словно от землетрясения.

Конёк сидит, терпит. А гнездо под ним приподнимается, приподнимается и уже набок переворачивается!

Не стерпел тут и терпеливый конёк. Соскочил с гнезда и бегом! А гнездо уже на боку, а гнездо уже вверх дном — как перевёрнутое лукошко. А рядом вылез из земли… гриб! Толстоногий и толстолобый. По виду гриб-подосиновик, а по делам — подгнездовик.

Не на ту ногу

В горах медведь из берлоги выходит ещё по снегу. И тут-то вот, по его чётким следам, видно, до чего же он, медведь, косолапый! Даже удивительно, как это он на ходу сам себе на лапы не наступает?

Охотники говорят, что медведь спросонок чувяки не на ту лапу надел. Вот и косолапит по снегу: левый чувяк на правой лапе, а правый — на левой. Все это видят, а он и не замечает!

С днём рождения

Малый подорлик, перед тем как вылупятся птенцы у него в гнезде, приносит им подарок. Так уж и знают все: раз подорлик в гнездо лягушку принёс, — значит, вот-вот вылупятся орлята! Наверное, подорлик подслушивает, о чём его орлята ещё в яичках пищат. Они у него перед вылуплением перепискиваются. А как всё выслушает — так и спешит за подарком. Хоть он и хищный, а тоже орлят своих любит. Знает, что мягонькая лягушка для малышей орлят всё равно что для нас с вами конфетка! И только-только малыши из яйца, а он уж с лягушкой тут как тут. Поздравляет орлят с рождением.

Чёрные страницы

Трудно читать: написано чёрным по чёрному. Строчки размыты, слова неразборчивы. Записи — как телеграммы. «Перебежал дорогу барсук». «Вальдшнеп тыкал клюв в грязь». Вот совсем короткая запись: несколько точек и бороздок. А перевод у записи длинный: «Прилетел в эту лужу ночью плавунец из реки, охотился на бабочек, упавших в воду».

Лесные пословицы и поговорки

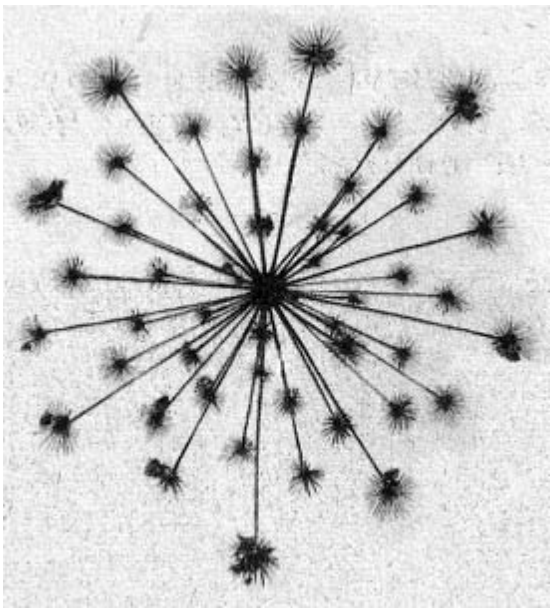
Рыбу дождём не напугаешь.
Ласковое у ласка имя, да характер крут.
Не надейся, карась, что щука зубы меняет.
Случается, что и рак краснеет.
Мелкие у хорька зубы, да острые.
Не лез бы камыш в болото, кабы не любил воду.
Для дятла длинный язык — не порок.
Невидный соловей, да слышный.
Любит кукушка чужие годы считать.
Дятлу без носа, как волку без ног.

Фотозагадки

Загадки принято другим загадывать, а я их сам себе загадал. Да такие, что и разгадать не могу.

Есть у фотоохотников заповедь: каждому снимку — своя этикетка. Снял и запиши: что, где, когда? В памяти всё не удержишь. Но если бы все выполняли добрые советы!

Я не записал и теперь сам ничего не разберу. Не только где и когда, не пойму даже и что снимал. Смотрю на снимки и развожу руками.



1). Фото 1.

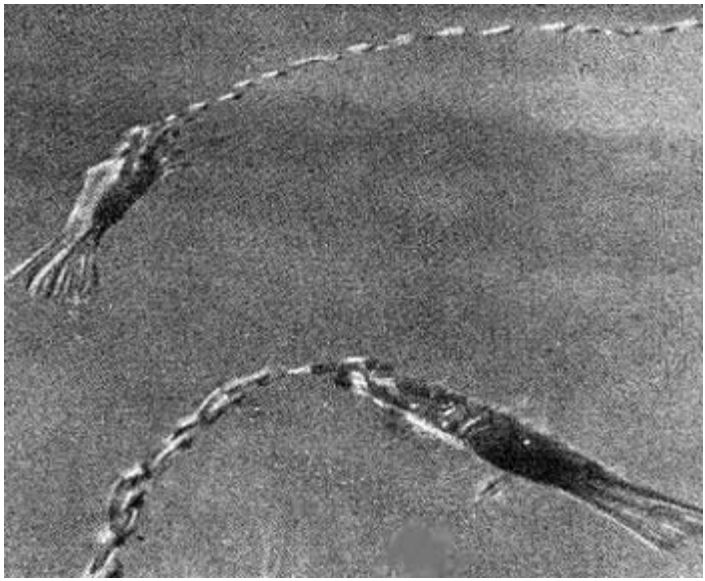
Прутья истлевшего зонтика или чертёж колеса? А может быть, не зонт и не колесо, а что-то совсем другое?

2). Фото 2.

Помню наполовину: снимал кору дерева, но вот какого, — забыл. Ольха, клён, дуб? Ясень, ёлка, тополь? Хоть убей, — не помню!

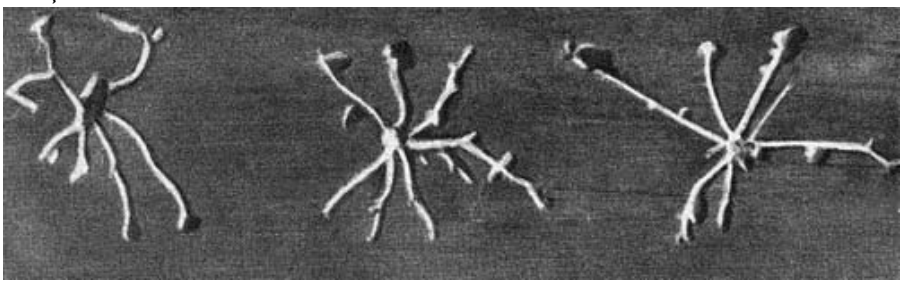
3). Фото 3.

Это, наверное, листья? Но, может быть, и трава? Похоже и на птичьи перья… Поди вот теперь разберись!



4). Фото 4.

Пожалуй, это следы на снегу. Только кто наследил? Зверь или птица?



5). Фото 5.

Что это: китайские буквы или окаменевшие следы ископаемой первоптицы? Но ни то, ни другое я никогда не снимал. Так что же всё-таки это такое?

* * *

Сидим с Лесовичком под *шапкой*, помалкиваем. Вдруг в «окошко» — бельчонок!

Я пошевелился — он не испугался. Я руку протянул — он пальцы обнюхал. Корочкой угостил — взял. Будто всю жизнь из рук ел!

Я удивляюсь, а Лесовичок посмеивается.

— Твой, что ли, приручённый? — спрашиваю.

— Нет, друг мой приятель, не мой и не приручённый. Самый что ни на есть лесной и дикий. Это загадка леса. Я давно голову над нею ломаю.

Бельчонок в углу корочку зубрит, Лесовичок рассказывает:

— Появляются вдруг в звериных семьях необыкновенные зверята — совсем не боятся человека! Сами в дома забегают, сами навстречу бегут, угощение из рук берут без боязни. Братья и сестры их дики, злобны, пугливы, а эти будто в избе выросли. И кажется мне, что ищут они с человеком дружбы, сами в друзья набиваются. Только вы, люди, никак этого не поймёте. Знаешь

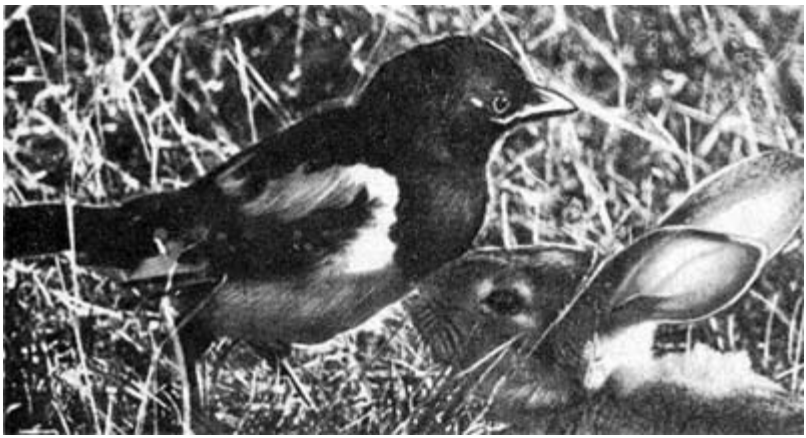
небось, что бывает, когда забежит в село белка, куница или заяц… Они к вам с дружбой, а вы за ними гоняться. Доверчивых ловите, остаются одни злобные и пугливые. Но лес опять к вам своих посланцев шлёт, лес всё надеется: а вдруг люди поймут и отбросят палку? Вот и этот бельчонок — посланец лесной.

Бельчонок не слушал нас, он корку зубрил. Но весь вид его говорил: «Ну поймайте меня, посадите в клетку — дело ваше. Но в другом выводке появится опять такой же доверчивый, он снова к вам прибежит. И до тех пор будут бегать, пока вам не станет стыдно».

— Звери надеются на человека, — говорил Лесовичок. — При большой беде к человеку бегут. Лоси от волков забегают в посёлки, куропатки в голод залетают на задворки, даже мелкие птички, спасаясь от ястреба, кидаются человеку в ноги. Такую доверчивость ценить бы надо!

Сказал и на меня посмотрел. И так посмотрел, что я невольно протянул бельчонку вторую корочку.

Топик и Катя



Дикого сорочонка назвали Катей, а крольчонка домашнего — Топиком. Посадили домашнего Топика и дикую Катю вместе.

Катя сразу же клюнула Топика в глаз, а он стукнул её лапой. Но скоро они подружились и зажили душа в душу: душа птичья и душа звериная. Стали две сироты друг у друга учиться.

Топик стрижёт травинки, и Катя, на него глядя, начинает травинки щипать. Ногами упирается, головой трясёт — тянет изо всех своих птенцовых сил. Топик нору роет — Катя рядом крутится, тычет носом в землю, помогает рыть.

Зато когда Катя забирается на грядку с густым мокрым салатом и начинает в нём купаться — трепыхаться и подскакивать — к ней на обучение ковыляет Топик. Но ученик он ленивый: сырость ему не нравится, купаться он не любит, и поэтому он просто начинает салат грызть.

Катя же научила Топика воровать с грядок землянику. Глядя на неё, и он стал объедать спелые ягоды. Но тут мы брали веник и прогоняли обоих.

Очень любили Катя и Топик играть в догонялки. Для начала Катя взбиралась Топику на спину и начинала долбить в макушку и щипать за уши. Когда терпение у Топика лопалось, он вскакивал и пытался удрать. Со всех своих двух ног, с отчаянным криком, помогая куцыми крыльями, пускалась вдогонку Катя. Начиналась беготня и возня.

Однажды, гоняясь за Топиком, Катя вдруг взлетела. Так Топик научил Катю летать. А сам потом научился от неё таким прыжкам, что никакие собаки стали ему не страшны.

Так вот и жили Катя и Топ. Днём играли, ночью спали на огороде. Топик в укропе, а Катя на грядке с луком. И так

пропахли укропом и луком, что даже собаки, глядя на них, чихали.

Чайка

Я спросил у Моряка:
— Какая птица на земле самая прекрасная?
— Чайка! — не задумываясь, ответил Моряк.
Я спросил у Рыбовода:
— Какая птица самая отвратительная?
— Чайка! — ответил мне Рыбовод.
С тех пор я никого больше не спрашиваю, сам смотрю.

На зарядку становись!

Утро начинается с зарядки. Я включаю радио и выхожу во двор. Катя скачет за мной вдогонку. В окно несётся: «Поставьте ноги на ширину плеч. Первое упражнение — *потягивание*. Начали: раз-два, раз-два! Очень хорошо!»

Ещё бы не хорошо: солнце и ветер!

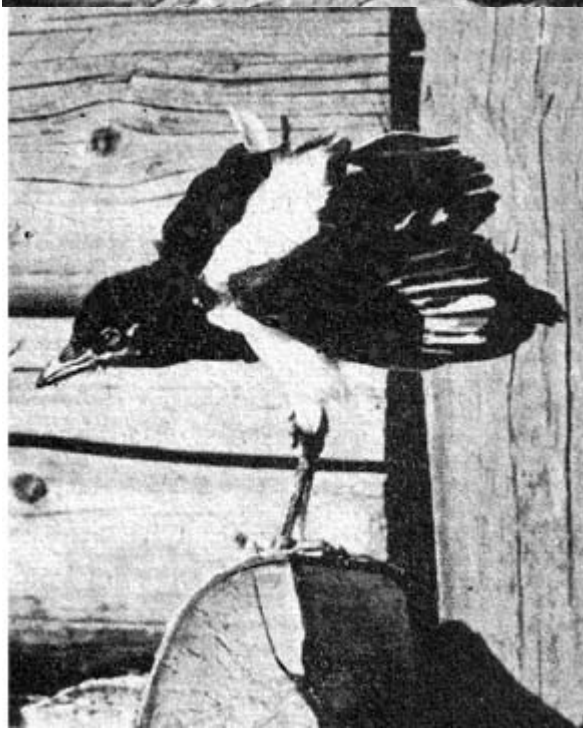
«Новое упражнение — *приседание*. Присесть. Встать! Присесть! Встать!»

Катя приседает, но вставать ей не хочется. Она насмешливо смотрит на меня, удивляясь моему послушанию.

А в окно: «Последнее упражнение — *дыхательное*. Начали. Дышите глубже, глубже! Так, хорошо! Руки в стороны! Очень хорошо!»

Катя дышит старательно. И вот долгожданное: «Зарядка окончена, переходите к водным процедурам!» Катя не переходит, а перелетает к тазу с водой. Окунаться, плескаться, купаться она очень любит.

После купания мы снова вместе. Мы сохнем и загораем. Я спрашиваю Катю о том и о сём. Она что-то бормочет, лопочет, стрекочет. Катя торопится: впереди день, полный событий и приключений. Вот Катя не выдержала и понеслась. Сейчас не выдержу и я.

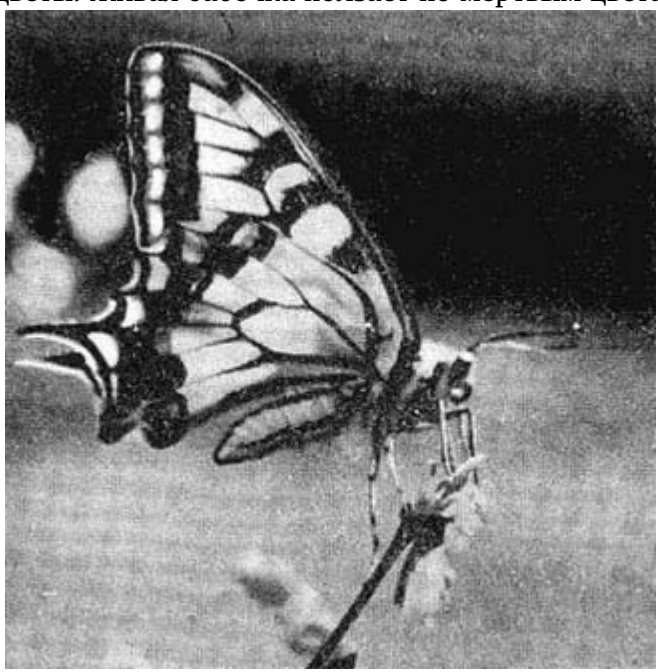


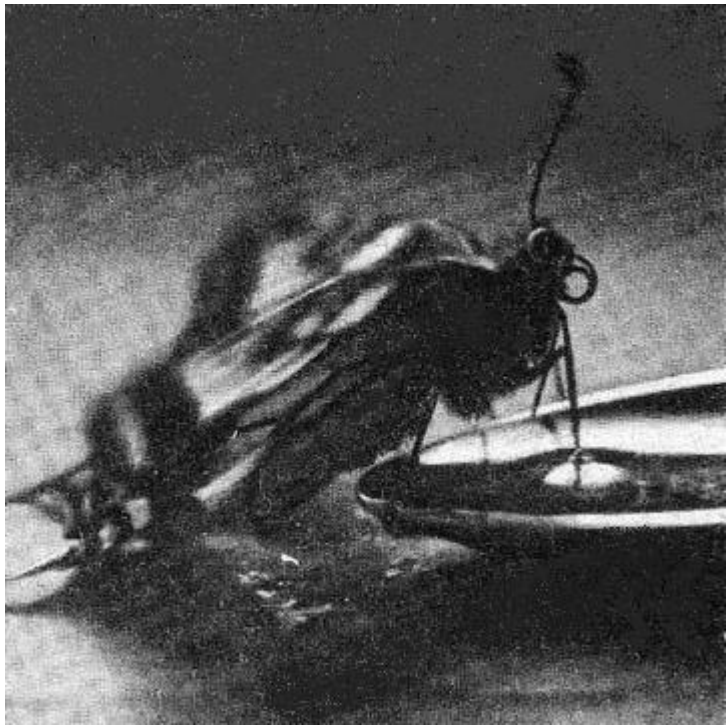
Домашняя бабочка

Ночью в коробке вдруг зашуршало. И выползло из коробки что-то усатое и мохнатое. А на спине сложенный веерок из жёлтой бумаги. Но как я обрадовался этому уродцу!

Я посадил его на абажур, и он неподвижно повис вниз спиной. Сложенный гармошкою веерок стал отвисать и распрямляться. У меня на глазах безобразный мохнатый червяк превращался в прекрасную бабочку. Наверное, так вот лягушка превращалась в царевну!

Всю зиму куколки пролежали мертво и неподвижно, словно камешки. Они терпеливо ждали весну, как ждут её семена в земле. Но комнатное тепло обмануло: «семена проросли» раньше срока. И вот по окну ползает бабочка. А за окном зима. А на окне ледяные цветы. Живая бабочка ползает по мёртвым цветам.





Она порхает по комнате. Садится на эстамп с маками. Развернув спиральку тоненького хоботка, пьёт из ложечки сладкую воду. Опять садится на абажур, подставив крылышки жаркому «солнцу».

Я смотрю на неё и думаю: а почему бы не держать дома бабочек, как держим мы певчих птиц? Они порадуют цветом. И если это не вредные бабочки, весной их, как птиц, можно выпустить в поле.

Есть ведь и певчие насекомые: сверчки и цикады. Цикады поют в спичечном коробке и даже в неплотно стиснутом кулаке. А сверчки пустыни поют прямо как птицы.

Завести бы дома красивых жуков: бронзовок, жужелиц, оленей и носорогов. А сколько можно приручить диких растений! Ландыши, папоротники, кувшинки. А перелеска, а росянка? А волчье лыко, медвежье ухо, вороний глаз! А почему бы не развести в горшках прекрасные мухоморы, огромные грибы-зонтики или гроздья опят?

На дворе будет зима, а у вас на подоконнике — лето. Папоротники высунут из земли зелёные кулачки. Ландыши вывесят восковые бубенчики. Раскроется чудо-цветок белой кувшинки. И запорхает первая бабочка. И запоёт первый сверчок.

… и чего только не напридумываешь, глядя на бабочку, пьющую из ложечки чай с вареньем!

Карлуха

Карлуха — воронёнок. Живёт он во дворе. Тут он делает всё, что хочет. А больше всего он хочет — прятать.

Прячет всё, что только в клюв попадёт. Корка попадёт — корку спрячет, кожура от колбасы — кожуру, камешек — камешек. Прячет он так. Шагает и по сторонам смотрит, а как высмотрит местечко укромное — тык в него носом! Положит и сверху травой прикроет. Оглядится — никто не видел? — и опять пошагает. Ещё что-нибудь прятать.

Раз он пуговицу прятал. Сунул её в самую густую траву. Ромашки там росли, колокольчики, колоски разные и метёлки. Стал пуговицу травой прикрывать. Пригнул колосок, а колосок распрямился. Метёлочку пригнул — и метёлочка выпрямилась. Ромашку наклонил — и ромашка поднялась. Колокольчик согнул — и колокольчик поднялся! Старался-старался, прятал-прятал, а пуговица сверху лежит. Вот она. У всех на виду. Любая сорока украдёт.

Растерялся Карлуха. Даже крикнул от удивления. Забрал свою пуговицу и на новое место пошагал прятать.

Сунул в траву, колосок пригнул — а тот распрямился. Колокольчик нагнул — а тот поднялся!

А сороки уже близко в кустах тарахтят, прямо как спички в коробке. Вот-вот пуговицу увидят. Скорей запихнул Карлуха её под кирпич. Побежал, щепочку принёс, заткнул дырочку. Моху нащипал — все щёлочки законопатил. Камешек сбоку привалил. И для верности ещё и сам сверху на кирпич сел.

А сороки нахальные всё равно тарахтят! Уж наверное, замышляют что-то.

Карлуха сердится. Ромашку сорвал, лапой прижал, клювом лепестки ощипывает — так и летят во все стороны. А мне со стороны кажется, что он на ромашке гадает: украдут — не украдут, украдут — не украдут?

И всё-таки пуговицу ту сороки у Карлухи украли.

Лишний гвоздь

До сих пор не могу забыть, как мотал его, бедолагу, ветер! Он всё повыше сесть норовил — на самую высокую «свечку» самой высокой сосны. А там, наверху, ветер; вот и мотало его вместе с веткой, да так, что у меня внизу голова кружилась, на него глядя. Но он упорно сидел, вцепившись в мохнатую «свечечку» коготками, и, запрокинув клюв в небо, изо всех силёнок выкрикивал своё «крути-верти, крути-верти!».

Ему очень важно, чтоб песня его была слышна как можно дальше. Пусть все слышат, что здесь поёт он — пеструх-мухолов. Что есть у него на примете уютный дом, о чём он всем и спешит объявить. Впрочем, не всем… Ну к чему ему, например, франт горихвост, который только и умеет трясти красным хвостом? Или скворец, который его передразнивает? Не для них он на самую высокую «свечку» взлетает и песни свои выкрикивает.

Он знает, кто его должен услышать. Для неё он и поёт. Для неё он на ветру мотается, под дождём мокнет. «Подумаешь, беда какая — на дожде вымокну, на ветру просохну!»

И вот она его услыхала. Она — круглоглазенькая пеструшка. Пеструх встретил её по всем правилам мухоловкиного гостеприимства. С песенкой подлетел к дуплянке — посмотрите, пожалуйста! Первый туда впорхнул, повозился внутри — ах, какие удобства! Высунулся, повертел носом по сторонам — что за вид из дупла! Рядом с пеструшкой сел — залетайте, убедитесь сами!

Пеструшка была недоверчива. Пять дупел уже проверила, и ни одно не годится. Послушаешь свистунов этих, так не дупло они отыскали, а дворец. А проверишь — старая развалюшка. В бока сквозняк, на голову дождь. Ему-то что, а ей яички высиживать, птенцов растить.

Пеструшка впорхнула в дуплянку, долго чем-то шуршала, высунулась, повертела недовольно носом и улетела.

Пеструх в отчаянии кинулся вслед — да где там! Не понравилась пеструшке чем-то его дуплянка. Может, в ней щели, может, соседи не приглянулись — скворец и горихвост. У пеструшек мерка своя; главное, чтоб дом надёжный, а потом уж звонкие «крути-верти». Не для капризов, а для птенцов…

Полетел пеструх снова на свою «свечку», снова стал петь, запрокинув клюв в небо. И снова его ветер мотал и дождик мочил.

Прилетали к нему ещё пеструшки, но ни одной не понравился домик. Так и остался пеструх один.

Ах, как вышло нехорошо! Ведь я во всём виноват, а не он! Ведь это я повесил плохую дуплянку. Ну что мне стоило вбить в неё для крепости лишний гвоздь!

Сова, которую позабыли

У знакомого моего жила сова-сплюшка. Она так долго жила у него, что стала совсем ручной. Больше всего любила она сидеть неподвижно и дремать. Если её сажали на раму картины, она сидела на раме. Сажали на этажерку — сидела на этажерке.

Незнакомые люди часто принимали её за чучело. Да что незнакомые, даже свои, стирая пыль с вещиц на этажерке, часто машинально обтирали тряпочкой и её…

Сплюшка умудрялась спокойно сидеть на руле мотоцикла или велосипеда — и тогда все принимали её за тряпичный «талисман», который так любят вешать на руль мотоциклисты и велосипедисты.

Брали её с собой и в лес, когда выезжали за город. Сажали на сучок, но она не оживлялась и на сучке. Сидела и дремала, полузакрыв влажные свои глаза.

Она забыла лес. Она всё позабыла. Сидела и ждала, когда её угостят.

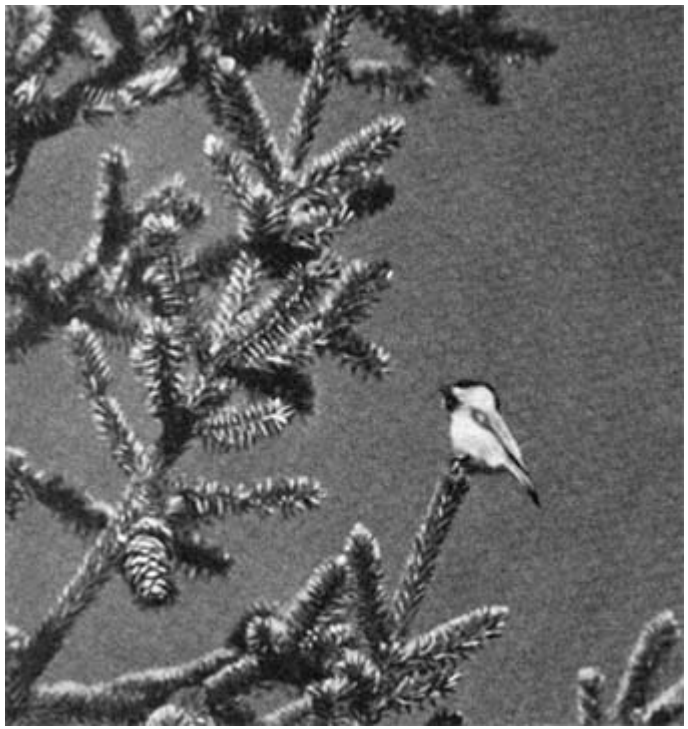
А сколько раз её где-нибудь забывали! Приедут домой, спохватятся, а сплюшки-то и нет! Вернутся в лес — сидит сплюшка там, где её забыли!

Вот такой она стала ручной и домашней.

Однажды её опять забыли. И забыли, где позабыли. Поездили, поискали — да и махнули рукой. А она, может, и сейчас ещё там сидит.

Дударь

Есть у пухляков выдающиеся певцы — дудари. Песенку их отличишь сразу: свистовая, звонкая, чуть печальная. Вот дударь дудит…



Тук-тук, я тут!

Я по дереву тук-тук, а он тут как тут! С лёту к сосне прилип и выставил любопытный нос: кто тут стучит?

Синее небо над ним, зелёные волны над головой перекатываются. А внизу тихо и солнце печёт.

Я стучу потихоньку, а из-за дерева то дятлов нос, то дятлов глаз. «Ты, дурень, зачем прилетел?» — спрашиваю я его. Удивляется дурень: «Как зачем? Раз тук-тук — значит, родичи тут! Только вот что-то не вижу».

Манит его родной стукоток. Давно ли ещё все вместе стучали, в прятки-пятнашки играли, весело перекликались. Только и слышно было: «Тук-тук, я тут! Тук-тук, вы там? Тук-тук, все тут!»

И вот лету конец — начало самостоятельной жизни. Каждый сам по себе, каждый сам за себя. Не до пряток, не до пятнашек: лес суровый вокруг. И каждому надо в этом лесу свою ёлку с шишками найти.

Но шапка-то на затылке совсем ещё детская, красная-красная. Вспоминается ему беззаботное времечко: «Тук-тук, я тут! Тук-тук, вы там? Тук-тук, все тут!»

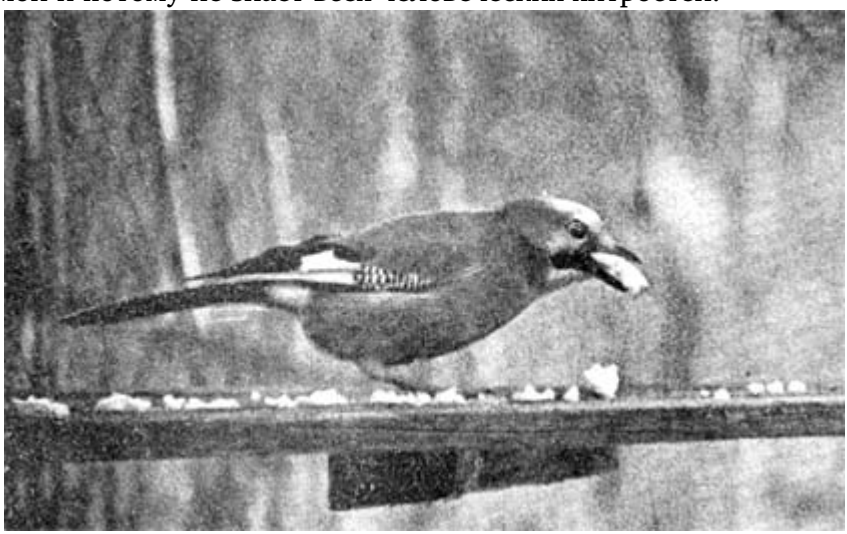
Вслушивается, вслушивается, вглядывается, вглядывается: а вдруг свои, а вдруг позовут? Всё выглядывает, всё надеется. Я только тук-тук, а он тут как тут!

Белка и Медведь

— Ау, Медведь! Ты чего по ночам делаешь?
— Я-то? Да ем.
— А днём?
— И днём ем.
— А утром?
— Тоже ем.
— Ну, а вечером?
— И вечером ем.
— А когда же ты не ешь?
— Да когда сыт бываю.
— А когда же ты сыт бываешь?
— А никогда…

Жадная сойка

Зимой самая добычливая охота с фоторужьём — у жилья. «Добыл» я тут и сороку, и ворону, и галку. Но никак не давалась мне сойка. И не потому, что очень уж осторожна: осторожна и пуглива она в лесу — что правда, то правда. А у жилья она куда глупее сорок, ворон и галок. Эти к человеку весь год приглядываются, доверяют только тем, кто внимания на них не обращает. А сойка — вольная птица. У жилья она бывает только зимой и потому не знает всех человеческих хитростей.



На прикормку сойка летит доверчиво и жадно. Но из-за этой-то жадности и трудно её снять. Вдруг появится, стукнет коготками жёсткими по деревянной доске, кинется к куску, взмахнёт широкими крыльями — и уже в воздухе. Спрячет кусок в лесу — за вторым летит. Опять стук коготков, быстрый взмах крыльев — в глазах рябит: рыжее, белое, чёрное! От леса к дому, от дома к лесу, кусок за куском, туда-сюда — ни навести не успеть, ни снять.

И вдруг — удача! Помогла та самая соечья жадность, которая до сих пор так мешала. Жадность и… три картошки.

Положил я на стол картошки: одна другой меньше. Сам залез под шапку-невидимку. Вот стук коготков, быстрый взмах крыльев: сойка хватает крайнюю маленькую картошку. Схватила, выпрямилась — сейчас улетит! Но — чудо! — сойка не улетела, сойка растерялась! Сойку одолела жадность: она бросила маленькую картошку, схватила побольше. А рядом-то лежит ещё больше! Бросает среднюю и хватает самую большую. Теперь скорей в лес. Но жадность, жадность! Сойка склоняет шею, ёрзает

клювом по доскам, исхитряется прихватить к большой картошине ещё и маленькую. А я успеваю её снять.

Теперь-то я знаю, что делать!

С помощью разных картошин я стану командовать жадной сойкой как захочу. И даже не разных, а двух одинаковых. Да, да, совсем одинаковых, только обязательно двух!

На столе две одинаковых картошки. Стук коготков — и сойка хватает одну. Но кажется завистливому глазу, что рядом больше кусок. Отброшена первая, в клюве вторая. Нет, вторая, вроде, полегче. Брошена вторая, скорей за первую!

А я снимаю, снимаю, снимаю…

А соечий глаз горит, горит. То первая картошина в клюве, то снова вторая. То вторая, то снова первая. А я снимаю, снимаю, снимаю…

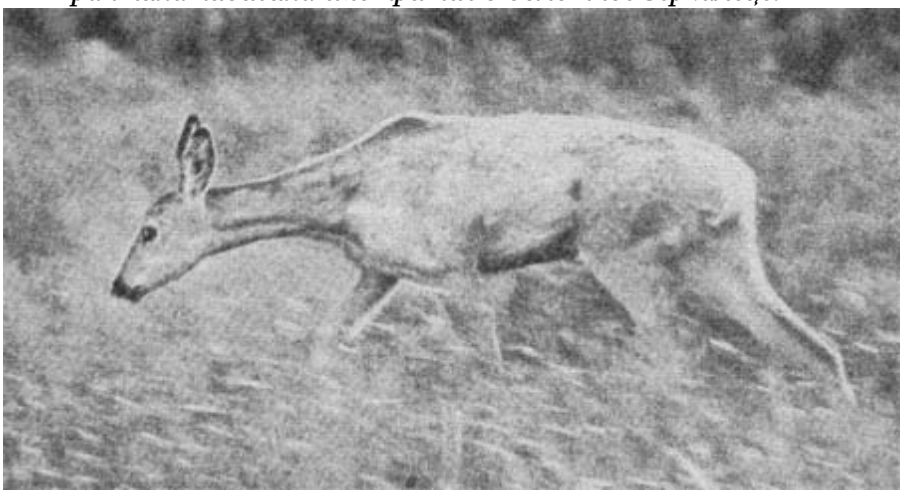
И глаза мои тоже горят, и жадность одолевает. Давно снята сойка, а я всё снимаю, снимаю, снимаю…

Они не видят тебя

Хочешь увидеть — стань невидим. И тогда увидишь зверей такими, какими бывают они только наедине с лесом. А на это посмотреть стоит. Без страха зверь становится самим собой. Становится самим собой и перестаёт быть… «зверем»!

Можно увидеть, как целуются на поляне олени.

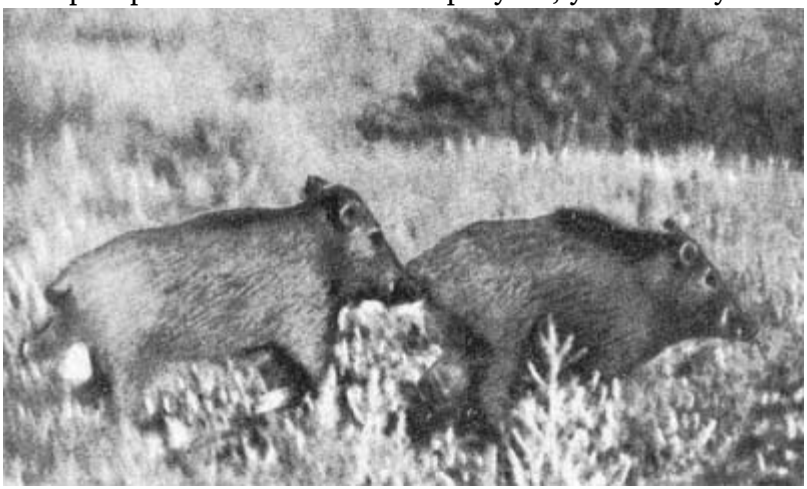
Франтиха чибисиха смотрится в болотное зеркальце.



Спокойно пасётся на поляне косуля.

Они тебя видят

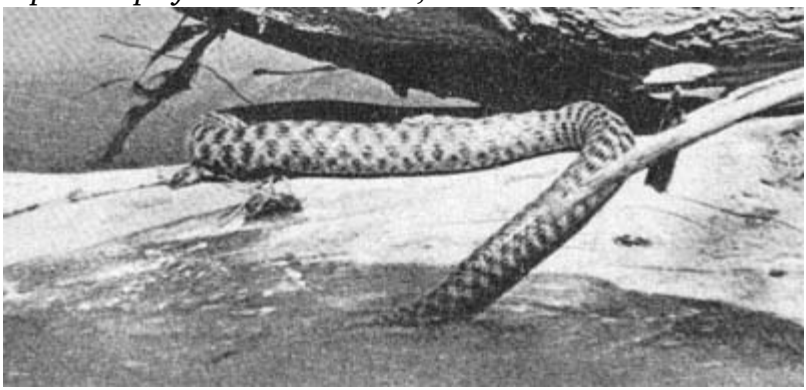
Зверь, когда увидит охотника, становится сам не свой. Шерсть поднимается дыбом. Глаза наливаются страхом. А у птиц от ужаса раскрываются клювы. Все прячутся, убегают и улетают.



Удирают без оглядки даже свирепые кабаны.

Белка затаилась на сучке.

Чёрный коршун кидается ввысь, в облака.



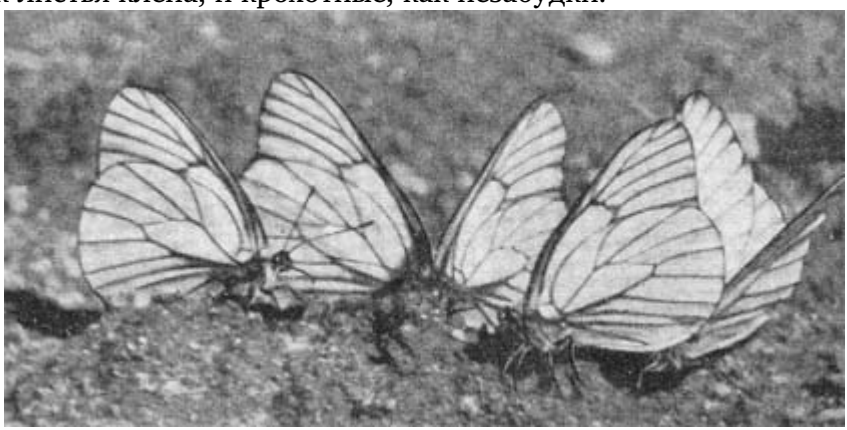
Даже безобидный водяной уж прячется за корягу.

До чего же приятно, когда тебе доверяют. И до чего же обидно пугалом быть!

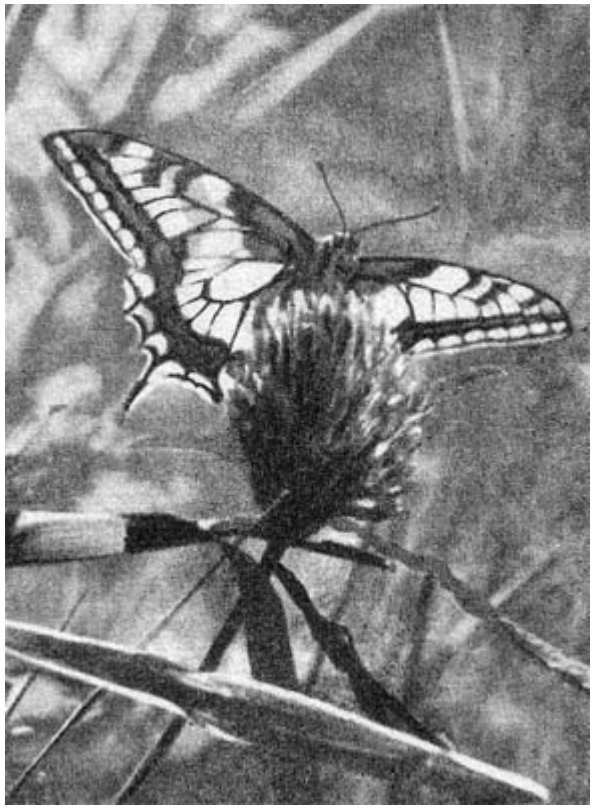
Бабочкина дорожка

Сквозь мокрые от росы травяные джунгли тянется сухая каменная дорожка. Кусты и трава набухли водой: куст за день — как из ведра обольёт, в траву шагни — и до пояса мокрый. А дорожку солнце уже просушило: идёшь — только камешки под ногами позвякивают.

Ночью ползали по дорожке огромные чёрные слизни, всю дорожку разрисовали блестящими слюдяными полосками. Сейчас слизни уползли в тёмные мокрые заросли. А оттуда, к теплу, солнцу и сухости, прилетели пёстрые бабочки. Разноцветные камешки, разноцветные бабочки. Белые, жёлтые, голубые. Бурые, красные, рыжие. В полоску, с пятнами, в крапинку. Большущие, как листья клёна, и крохотные, как незабудки.



Я иду, а они взлетают над головой и сейчас же опускаются сзади. Живая пёстрая лента взлетает волной и, перемахнув через голову, обрушивается на камни. И кажется, будто брызги летят, — это крохотные голубянки взлетают вверх.



Обратно я иду в полдень. Мокрые джунгли уже просохли. Везде раскрылись цветы. И бабочки разлетелись.

Петь так петь!

Не зря певчих птиц певчими назвали. Знали, что делали.

Вот жаворонок хотя бы: там, где он, сам воздух поёт! Каждая струйка ветра пропитана песней. Кружит над полем, кружит — и всё поёт да поёт.

Певчие птицы поют старательно, серьёзно, самозабвенно. Песня для них не шутка. Песней они утверждают себя. «Что могут сказать о тебе другие, если сам ты о себе ничего не можешь сказать?» Вот птицы и говорят о себе песней.

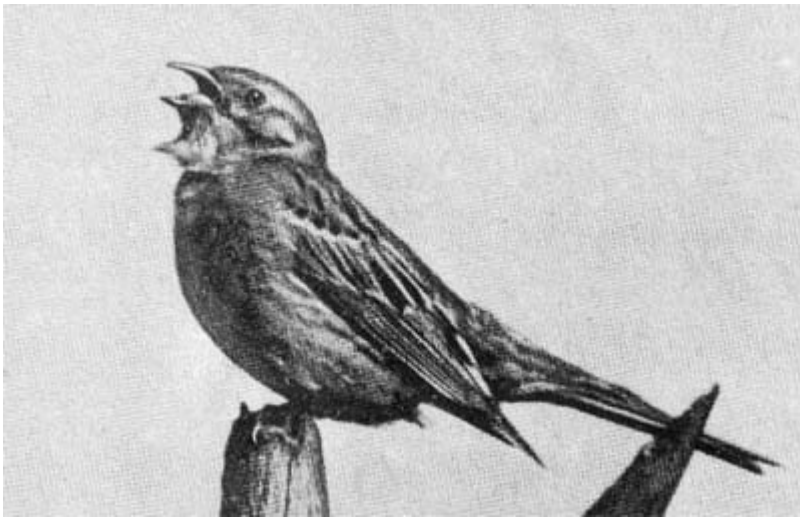
«Я пою — значит, я тут, я весел, я существую!»

«Я пою — значит, я занял место под солнцем, нашёл уголок для гнезда, значит, я не бездомный бродяга!»

«Я пою, я жду, — прилетай!»

Это просто и ясно, но всё это надо повторять и повторять.

И они повторяют. Зяблик в рассветный час может спеть 300 песен. Натощак: не пьёт и не ест! А потом, подкрепившись жучком или мухой, споёт до вечера ещё песенок тысячи две с половиной.



Пуще зяблика заливается лесной конёк: от зари до зари успевает спеть песен три тысячи восемьсот! И не охрипнет, и горлышко не прополощет. И так всё лето поёт.

Тысячи тысяч песен гремят по лесам. Тысячи тысяч в полях. Над болотом, над лугом, в степи.

Заячий сон

Под кустом тамариска, в холодке и тени, — заяц. Ушки на спине, пухлый подбородочек на лапках. Спит.

Будь я зайцем, я бы не смог так спокойно дремать. Тут и лиса, и орёл, и волк!

Заяц дремлет, притенив ореховые глаза свои очень длинными, чуть изогнутыми ресницами.

От меня до зайца — ногой достать. Он проспал мой подход. Я разглядываю спящего зверька. На боках войлок — ещё линяет. На ухе налился клещ. Лапы и хвост мокрые и в грязи.

Вдруг усы у зайца зашевелились, носик смешно зашмыгал, изогнутые ресницы медленно приподнялись.

Я замер. Но заяц почуял недоброе. Ушки взлетели торчком, лапки задние напряглись, как два взведённых курка. А глаза полезли на лоб!

Прекрасные, ореховые, с искоркой золотой заячьи глаза вздулись, как детские резиновые шарики! Заяц стал похож на сову. Глаза налились тёмным страхом, они прямо разбухли от ужаса: вот-вот как две набрякших слезы перельются через край и капнут в траву!

Я не дышал. Я не моргал. Так я перепугался за зайца.

А заяц вдруг успокоился. Расслабился и опустился на землю. Поёрзал, угнездился и задремал. И посветлевшие глаза его снова осенили ресницы. Так и казалось, что он сейчас скажет: «Уф, и примерещится же такое!»

Меня, неподвижного, он просто принял за пень.

Шаг за шагом я стал отходить от уснувшего зайца. Пятился, пятился — и ушёл. То-то он удивится, когда проснётся снова!

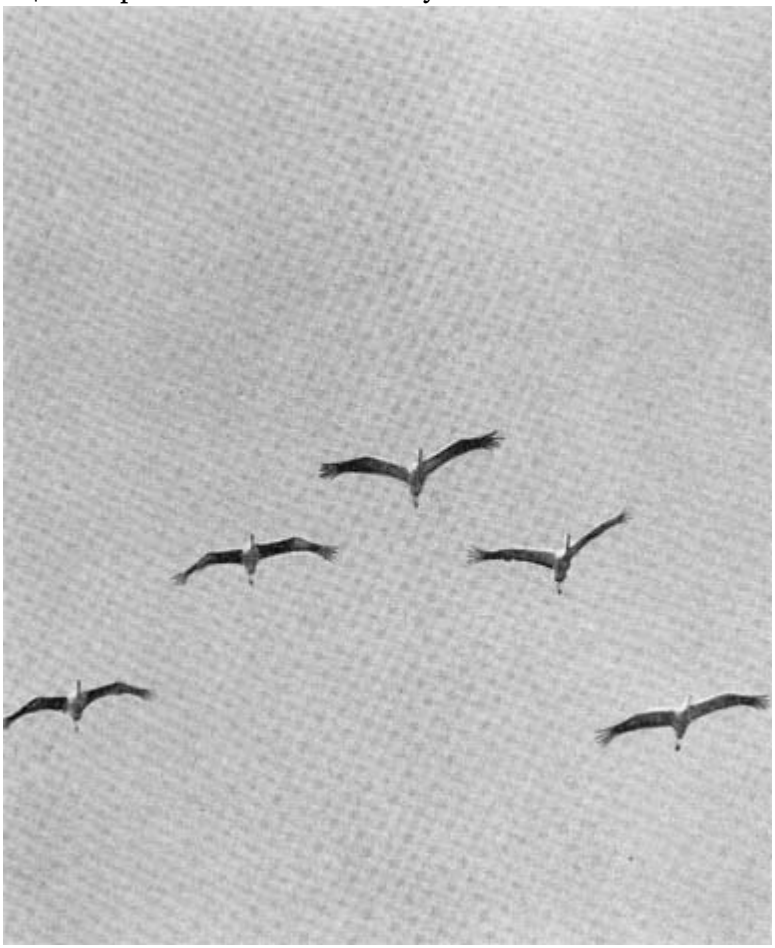
Силуэты на вершинах

Весной каждая птица старается себя показать. И потому каждая спешит сесть как можно выше. Что ни ёлка — то с птичкой на самом торчке. Как только ветром не сдует, как только голова не закружится!

Тетерев-косач.

Силуэты на облаках

Под самыми облаками проносятся птицы. То медленно, то стремительно; в одиночку и стаями, россыпью, клином и вереницей. Чёрные безымянные силуэты и белые облака.

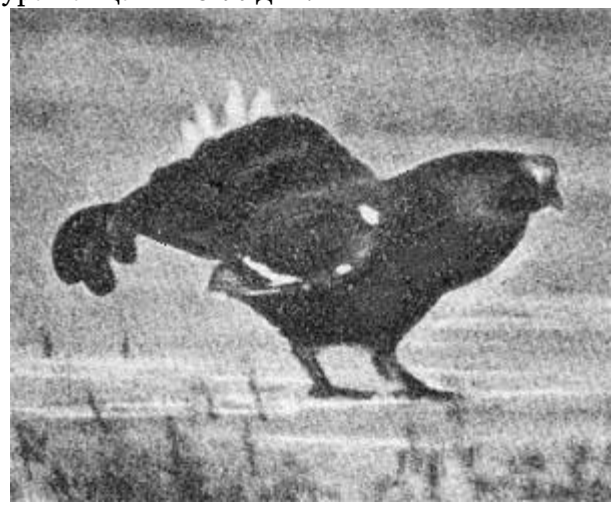


Летят журавли.

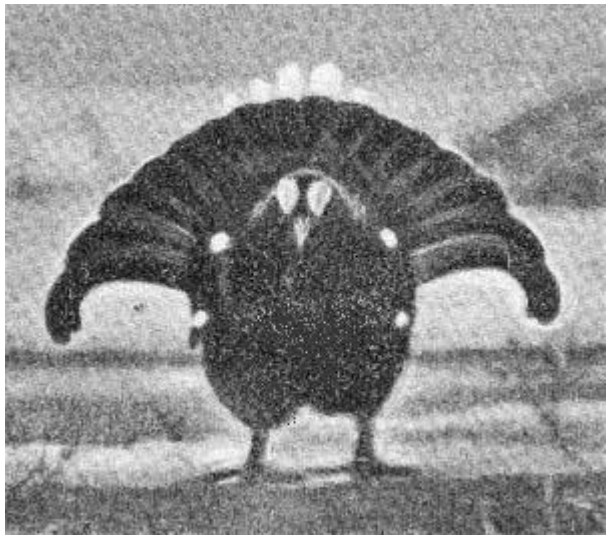
Танец «косачек»

Танец «косачок» отплясывают косачи на току. В танце шесть главных фигур: «огля́ды», «верту́ши», «подскоки с хлопушами», «подскоки с повертушами», «наскоки» и «побегу́ши».

Всё происходит так. Ещё в темноте слетаются на ток косачи. В темноте и петь начинают. Но общее оживление у них на восходе. Покажется красное солнце, и каждый осмотрится: кто тут ещё на току? Ага — на каждой кочке по косачу! А слева? А справа? А позади? Других посмотрим, себя покажем. Это и есть первая фигура танца — «огляды».



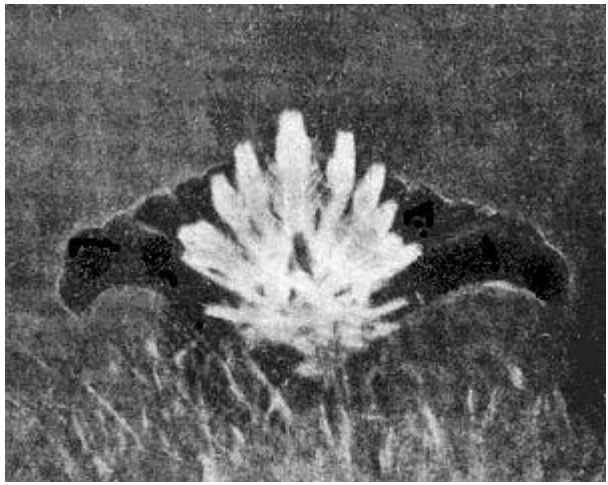
Теперь несколько быстрых шажков вперёд, и можно начинать «вертуши». Для этого надо склониться, вытянуть шею вперёд, а хвост развернуть в лиру. Надо топтаться на месте и медленно поворачиваться вокруг. Пусть противник оценит со всех сторон, по всем статьям: в профиль — лихость крыла, в фас — крепость клюва, а с тыла — закрученность лиры. Чем лира за крученней и пышней, тем сильнее и старше косач. И надо, конечно, петь: песню за песней, песню за песней!



«Но кто их там разберёт, видят меня или не видят? Может, собрались одни недотёпы, сглупа ещё и не заметят! Чтоб все обратили внимание, исполню-ка я „подскок и хлопуши“. Надо лихо подпрыгнуть вверх и громко прохлопать в крылья. Ещё раз, ещё! Ага, теперь все меня разглядели, все знают, что я тут и готов начать перепляс! Эй, сосед, уж не вздумал ли ты меня передразнивать? Я „вертуши“, и ты „вертуши“, я „подскок“, и ты „подскок“! Что это всё значит? Чув-шиии?!»

Исполню-ка я «побегуши», — может, это тебя охладит?

Клюв вперёд, крылья чуть вниз, а хвост круто вверх. И быстрой перебежкой к нему. Ого — и у него «побегуши»! Тогда испытаем «подскок с повертушей». Подскок, переворот через плечо клювом к хвосту — и громкое злое «чув-шиии!».



А сосед не боится! Собезьянничал и «подскок с повертушей», да ещё и нагло крикнул: «Чув-шии!» Ну, нахал, заслужил ты «наскока»! Теперь, краснобровый, держись! И вот «побегуша» и с ходу «наскок». Выпад и отскок — как у бойца с рапирой: вперёд и назад, назад и вперёд! Сшиблись, как петухи, как в чехарде, один через другого. Наскок и отскок, наскок и отскок. Ага, испугался и побежал!

Трус бежит спотыкаясь, подскакивая смешно и нелепо. Храбрец гонится сзади, только лапки мелькают, будто катит на велосипеде. Трус удрал, а храбрец на кочке исполняет танец победы. Тут и «огляды» и «побегуши», тут «вертуши» и разного фасона «подскоки». Танцует, пока солнце не припечёт. А припечёт — пора и червячка заморить.

В лисьей норе

Угораздило утят вылупиться в… лисьей норе! Не они виноваты: это родители их, рыжие утки огари, лисью нору для своего гнезда облюбовали. Поселились утки с лисой под одной крышей. Рыжая хозяйка в главной норе, рыжие жильцы в отнорке. И вылупились утята чуть не у самого лисьего носа! Ой, чем-то всё это кончится?

А кончилось тем, что запугала утка лису чуть не до смерти! Сунула как-то лиса нос свой в утиный отнорок, а утка как шею по-змеиному вытянет, как ею заизвивает, как по-змеиному зашипит, как глазами из темноты по-змеиному засверкает — у лисицы от страха и хвост дыбом! С тех пор мимо отнорка ползёт — туда не суётся, а только косится. А утята ей из-под утки носы показывают.

Скоро вывела утка утят из поры, повела на чистую воду. Лапкам утячьим на камешках колко, но от матери не отстают. Бугор на пути крутой — все до одного вскарабкались. Обрыв к воде высоченный, а они смело за уткой: шлёп! шлёп! шлёп! Кто в воду, кто на песок, а кто и на камни. Ничего: глазами поморгали, носами ушибленными потрясли, лапки ушибленные почесали — да в воду.

Тут, на чистой воде, и справили свой день рождения. А где же ещё справлять: не в норе же у рыжей лисицы.

Своя песня

Все птицы хороши, но скворцы с особой изюминкой; каждый у них в особицу, один на другого не похож.

Пером и росточком одинаковы — скворцы и скворцы! — да у каждого свой талант. Один вдруг чечевицей крикнет, а сосед — куличком. Кому воробей по душе пришёлся, кому — жаворонок. А иному — петух, а то и кошка! И от этого скворец не просто «скворец», а «скворец с чечевичкой», «скворец с иволгой», «скворец с куликом». А есть и такие, что на многие голоса молодцы.

Собрались как-то у меня зимой в клетках разные птицы: зарянка, щегол, синица, чиж, клёст да снегирь. Птиц много, но все разные, на разных языках говорят, друг друга не понимают. А самим с собой разговаривать не очень-то весело. Нахохлились птицы.

Но был среди них скворец. Пикнет, бывало, заряночка грустно — скворец ей в ответ заряночьим голосом: «Ти-ик!». Заряночка насторожится, просвистит что-то. И скворец в ответ просвистит. Заряночка весёлую нотку свистнет — скворец ответит. Потом скворец просвистит — заряночка откликнется. И так с каждой птицей: со щеглом, чижом, синицей, снегирём.

Птицы радуются: кому не приятно на родном языке пересвистнуться!

Так всю зиму и жили припеваючи.

А всё скворец! С каждым общий язык нашёл, каждого расшевелил. И себя не забыл: песню свою новыми звуками наполнил. Хороша песня стала: и своя и для всех!

Еловая каша

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда. Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители, детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Угораздило же высидеть клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек; снег, холод…

А родители хоть бы что!

Вот папа-клёст — сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва. Будто трубку курит.

Это я так про клестят думаю.

Только вижу, что сами клестята живут не тужат!

Клестята кашу едят. Хороша каша из еловых семян! Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пуховая перинка, сверху мама — как перяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни горлышки не застудили, ни носы не отморозили. Да толстые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из, гнезда не вываливаются.

Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши. А ещё от яркого солнышка и морозного ветра. Нет, день рождения — всегда счастливый день. Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать девятого февраля.

Всё равно!

Вежливая галка

Много у меня среди диких птиц знакомых. Воробья одного знаю. Он весь белый — альбинос. Его сразу отличишь в воробьиной стайке: все серые, а он белый.

Сороку знаю. Эту я по нахальству отличаю. Зимой, бывало, люди за окно продукты вывешивают, так она сейчас же прилетит и всё растреплет.

А вот галку одну я приметил за её вежливость.

Была метель.

Ранней весной бывают особые метели — солнечные. Снежные вихри завиваются в воздухе, всё сверкает и несётся! Каменные дома похожи на скалы. Наверху буран, с крыш, как с гор, текут снежные водопады. Сосульки от ветра растут в разные стороны, как косматая борода деда-мороза.

А над карнизом, под крышей, есть укромное местечко. Там два кирпича из стены выпали. В этом углублении и устроилась моя галка. Чёрная вся, только на шейке серый воротничок. Галка грелась на солнце, да ещё и расклёвывала какой-то лакомый кусочек. Уютное местечко!

Если бы этой галкой был я, я бы никому такое местечко не уступил!

И вдруг вижу — подлетает к моей большой галке другая, поменьше и цветом потусклее. Прыг-скок по карнизу. Круть-верть хвостом! Села напротив моей галки и смотрит.

Ветер её треплет — так перья и заламывает, так белой крупой и сечёт!

Моя галка кусок свой схватила в клюв — и шасть из углубления на карниз! Тёпленькое местечко чужой уступила!

А чужая галка хвать у моей кусок из клюва — и на её тёпленькое местечко. Лапкой чужой кусок прижала — клюёт. Вот бессовестная!

Моя галка на карнизе — под снегом, на ветру, без еды. Снег её сечёт, ветер перья заламывает. А она, дура, терпит! Не выгоняет маленькую.

«Наверное, — думаю, — чужая галка очень старая, вот ей место и уступают. А может, это всем известная и всеми уважаемая галка? Или, может, она маленькая, да удаленькая — драчунья?» Ничего я тогда не понял…

А недавно вижу: обе галки — моя и чужая — сидят себе рядышком на старой печной трубе, а у обеих в клювах прутики.

Эге, гнездо строят! Тут уж каждый поймёт.

И маленькая галка совсем не старая и не драчунья. Да и не

чужая она теперь. И, уж конечно, не всеми уважаемая!

А моя знакомая большая галка совсем не галка, а гал! Но всё равно мой знакомый гал очень вежливый. Я такого первый раз вижу.

Почему зяблик — зяблик?

Давно я дознавался: почему зябликов зябликами зовут?

Ну славка-черноголовка — понятно: у самчика беретик чёрный на голове.

Зарянка — тоже ясно: поёт всегда на заре, и нагрудничек у неё цвета зари.

Овсянка — тоже: на дорогах всю зиму овёс подбирает.

А вот почему зяблик — зяблик?

Зяблики ведь совсем не зяблики. Весной прилетают как только снег сойдёт, осенью часто до нового снега задерживаются. А бывает, и зимуют, если корм есть. И всё-таки назвали вот зяблика зябликом!

Этим летом я, кажется, эту загадку разгадал.

Шёл я по лесной тропинке, слышу — зяблик гремит! Здорово поёт: головку запрокинул, клюв разинул, на горлышке перышки дрожат — будто он горло водой полощет. И песенка из клюва так и брызжет: «Витт-ти-ти-ти, ви-чу!» Даже хвостик трясётся!

И тут вдруг тучка наплыла на солнце: накрыла лес тень. И зяблик сразу сник. Нахохлился, насупился, нос повесил. Сидит недовольный и уныло так произносит: «Тр-р-р-р-рю, тр-р-р-рю!» Будто у него от холода «зуб на зуб не попадает», этаким дрожащим голосом: «Тр-рю-ю!»

Кто такого увидит, сразу подумает: «Ишь зяблик какой! Чуть солнце за тучку, а он уже и нахохлился, задрожал!»

Вот почему зяблик стал зябликом!

У всех у них такая повадка: солнце за тучу, зяблики за своё «трю».

И ведь не от холода: зимой-то и похолоднее бывает.

Разные на этот счёт есть догадки. Кто говорит — у гнезда беспокоится, кто — перед дождём так кричит. А по-моему, недоволен он, что солнце спряталось. Скучно ему без солнца. Не поётся! Вот он и брюзжит!

Впрочем, может, и я ошибаюсь. Разузнайте-ка лучше сами. Не всё же вам готовенькое в рот класть!

Приёмыш

Отстал птенец от своих, остался в лесу один — слабый и неумелый. Один аппетит хоть куда.

Раньше от мягкой гусенички нос отворачивал, а теперь и колючему жуку бы рад. По вечерам, бывало, все садились рядком, крылышко к крылышку, весело и тепло. А сейчас один, страшно и холодно.

Зовёшь — не отзываются, кричишь — молчат. Вон сколько птиц в лесу, а ты как в пустыне.

Но повезло сироте: увязался он за семьёй славок. С куста на куст с ними перепорхнул и стал своим. Пискнул — ответили. Рот разинул — сунули в рот.

Стал он у славкиных детей вроде няньки. Чуть холодно — они к нему. Сядут рядком — всем тепло. Старым-то славкам с малышами возиться некогда: едва успевают для них корм добывать.

Так и стал приёмыш жить. Совсем другое дело теперь. Не только жук — и гусеничка перепадает. Спит со всеми, крылышко к крылышку. Крикнет — ответят, позовёт — отзовутся. Не то что один в лесу.

Сытно, тепло и весело.

Клюв твердеет, крылья растут.

Чего ещё птенцу надо?

Плясунья

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни покрышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружьё, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл! Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую непогоду делает зверьё.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок заслышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска на дыбки, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдая. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топочет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет — не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в тёплой, сухой норе! А она вон чего выкомаривает, фокусы какие ногами выделывает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидала — тявкнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты, — только я её и видел!

Обошёл я жнивьё и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли так чего?

Вижу много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно… Эх, был бы я лисой, так…

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из их норок выгоняла… Был бы

тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел.

Зря её с собою не взял.

Скучает, поди, в тепле-то под крышей.

Чижик

Ласточка день начинает, соловей кончает. А между ласточкой и соловьем любит петь скворец. В песне скворчиной чего не услышишь: есть там и ласточка, есть соловей и много других птиц. И никого это не удивляет: все знают, что скворец пересмешник.

Знали это и мы, но скворец нас удивил. Сидел он на лиловой олышинке у дома, взмахивал крыльями и насвистывал «Чижика»! Здорово так высвистывал: «Чижик, чижик, где ты был?» Потом разная скворчиная болтовня, тягучий печальный свист, и опять бодро и весело: «Чижик, чижик, где ты был?»

Мы постучали в дверь ближнего дома. Вышел паренёк, посмотрел на нас, потом на скворца и сказал:

— Мой скворчик. Я научил.

Случилось всё так. Выпал прошлым летом из скворечни голопузый скворчонок. Мальчонка хотел его назад положить, да не смог: уж больно тонок был у скворечни шест. Стал он кормить сироту рубленым яйцом и творогом. Скворчонок быстро рос и скоро стал есть сам: кормилец за стол — приемыш на стол, поилец за чай — скворчонок в чай. Тут обоих из-за стола долой!

Сидит кормилец в углу и «Чижика» под нос свистит. Сидит скворчонок у него, на плече и прямо в рот смотрит. Сидел так, смотрел, да и сам «Чижика» выучил! И назвали за это скворчонка Чижиком.

Осенью дикие скворцы сбились в стаи и потянули на юг. Жалко мальчишке стало Чижика, вынес он его на луг и подпустил к дикой стайке. Прошумели птичьи крылья, и нет никого.

Долго тянулась зима. Мальчишка скучал без скворца и один насвистывал «Чижика». А скворец его не забыл: примчался весной жив и здоров!

Слушали мы скворца до соловьиного часа. Не близка была его дорога домой: крошечная птаха и необъятный горизонт. Где, бродяжка, зиму зимовал, какие земли видел? Чижик, Чижик, где ты был?

Без слов

— Чего они, дурачки, меня боятся? — спросила Люся.

— Кто боится тебя? — спросил я.

— Воробьи.

В скверике прыгали воробьи. Люся кидала им крошки, а они в страхе улетали.

— Почему они улетают? — удивлялась Люся. Загадала девочка мне загадку! Действительно — почему?

Раньше я не думал об этом: боятся и боятся. На то они и дикие птицы. Но вот девочка хочет их накормить, воробьи голодны. Но они улетают. Почему?

— Почему они меня боятся? Я ведь никогда их не обижала! — говорит Люся.

— Ты не виновата, — успокаиваю я её.

— А кто виноват?

— Мы виноваты. Все-все. Одни — потому что птиц обижали, другие — потому, что позволяли обижать.

— Но за что же их обижать? Они ведь маленькие…

— Ничего, — сказал я Люсе. — Ты бросай и бросай им крошки, и они поймут, что ты им друг.

— Вы думаете, они поймут?

— Непременно поймут! Ведь поняли же они, что надо спасаться, когда в них кидают камни.

— Я им скажу, что я бросаю не камни, а крошки!

— Ничего не нужно говорить, Люся. Они поймут без слов.

— Без слов? А я-то думала, что они дурачки! — сказала Люся.

Птицы поняли Люсю.

Тайна скворечника

В галочниках живут галки, в синичниках — синицы. А в скворечниках должны быть скворцы. Всё ясно и просто. Но в лесу редко бывает просто…

Знал я один скворечник, в котором жила… сосновая шишка! Она высовывалась из летка и шевелилась!

Помню, когда я подошёл к своречнику, шишка в летке вдруг задёргалась и… спряталась!

Я быстро шагнул за дерево и стал ждать. Напрасно!

Лесные тайны так походя не разгадываются. Лесные тайны прячутся в дождях и туманах, скрываются за буреломы и болота. Каждая за семью замками. И первый замок — это комары, они испытывают терпение.

Но какое уж тут терпение, когда шишка в летке поворачивается, как живая!

Я взобрался на дерево, сорвал со скворечника крышку. По самый леток скворечник был набит сосновыми шишками. И больше в нём ничего не было. И не было живой шишки: все лежали неподвижно.

Так и должно быть: больно быстро захотел разгадать. Попьют ещё комары твоей кровушки!

Я выбросил из скворечника все шишки и слез с дерева.

Через много дней, когда ночи стали холодными и исчезли комары, я снова пришёл к лесному скворечнику. На этот раз в скворечнике поселился берёзовый лист!

Я долго стоял и смотрел. Листик насторожился, выглянул из летка и….. спрятался!

Лес шуршал: опадали побитые заморозком листья. То мелькали они в воздухе, как иволги — золотые птицы, то сползали с шорохом по стволам, как рыжие белки. Вот осыплется лес, прибьют осенние дожди травы, запорошит землю снег.

И останется тайна неразгаданной.

Я опять полез на дерево, не ждать же другого лета!

Снял крышку — скворечник до летка набит сухими берёзовыми листьями.

И больше ничего. И живого листика нет!

Поскрипывает берёза. Шуршат сухие листья. Скоро зима…

Я вернулся на другой же день.

— Посмотрим! — пригрозил я скворечниковой невидимке. — Кто кого перетерпит!

Сел на мох, спиной привалился к дереву. Стал смотреть.

Листья кружат, переворачиваются, порхают; ложатся на

голову, на плечи, на сапоги.

Сидел я, сидел, да вдруг меня и не стало! Так бывает: ты идёшь — тебя все видят, а встал, затаился — и исчез. Теперь другие пойдут, и ты их увидишь.

… Дятел прицепился с лёту к скворечнику да как застучит! А из него, из таинственного жилья живой шишки и живого листика, выпорхнули и полетели… мыши! Да нет, не летучие, а самые обыкновенные, лесные желтогорлые. Летели как на парашютах, растопыря лапки. Попадали все на землю; от страха глаза на лоб.

Была в скворечнике их кладовая и спальня. Это они поворачивали, мне на удивление, шишки и листики в летке. И успевали удрать от меня незаметно и тайно. А дятел свалился им прямо на головы; быстрота и внезапность — хороший ключ к лесным тайнам.

Так скворечник превратился в… мышатник.

А во что, интересно, могут превратиться синичник и галочник?

Что ж, походим — узнаем…

Пороша

Первая пороша, первая пороша — как белая июньская ночь! Всё невидимое делает видимым, всё тайное — явным.

Был лес тёмен и глух и вдруг посветлел и ожил. Никто теперь незаметно не пробежит, никто невидимо не пройдёт. Каждый оставит след, сам о себе расскажет.

Рассказы, рассказы — нет им конца. Смешные и грустные, страшные и бесстрашные, длинные и короткие.

Вот короткий рассказ.

Выпал снег — вот-то перетрусили все первогодки! В жизни такого ещё не видели.

Первые ночь и день смирно сидели: а вдруг да что-то случится? Но ничего не случилось. Белое лежит и молчит.

Потрогали лапой — мягкое. Ткнули носом — не пахнет. Прикусили зубами — холодное. Не огрызается, не дерётся.

Обрадовался заяц-беляк: «Теперь меня, белого, на белом никто не увидит». Сорока запрыгала. Лисёнок шагнул.

Начались и потянулись лесные рассказы.

Диковинный мне повстречался след: крестик и скобочки, крестик и скобочки. Сразу и не прочтёшь.

Всё короче прыжки, всё глубже скобочки по бокам. Немного прошёл — и конец: лежит на снегу певчий дрозд. Жалкий комочек встопорщенных перьев. Ножка отбита, вывернуто крыло. Видно, охотник осенью его подстрелил. С дрозда проку нет: подержал, да и бросил.

Жил дрозд калекой, еду на земле находил. На ножке скакал, на крылышки опирался. Как инвалид на костылях. Перебивался с брусники на клюкву, пока снег её не укрыл.

Тогда совсем отощал: упирается в ладонь грудная косточка. От голода и околел. Жаль, не просвистит он весной своих песен. А до чего ж они хороши!

Пороша, пороша: кому диковина, кому белая книга, кому спасенье и радость, а кому и конец.

Кусок хлеба

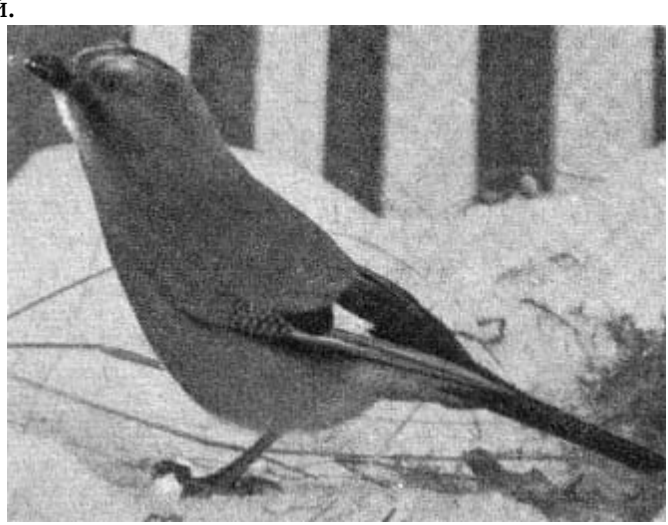
На мусорную кучу зимой только сытый не летит. Но сытых зимой мало. Всё видят голодные птичьи глаза. Чуткие уши всё слышат. Думаете, раз птичьи уши не заметны, то они и не чутки? Как бы не так! Тихо скрипнет дверь — а птицы слышат. Хозяйка выплеснет из ведра помои — сразу увидят. Уйдёт — они тут как тут. Они — это вороны, галки, сороки и сойки. Птицы смышлёные, осторожные, хитрые. Человека они знают и знают, когда его надо бояться. Больше всего они любят тех, кто не обращает на них внимания. Но внимание на них трудно не обратить.

Вороны прилетают, шумя отсыревшими крыльями, и забавно моргают, мелькая белым веком. Будто закатывают глаза от удовольствия.

У сорок на чёрных бархатных спинках искрятся снежинки. А хвосты и крылья будто подкрашены нефтью: отливают зелёным, лиловым и синим.

Чёрные галки — в серых воротничках, глаза у них белые и удивлённые.

Сойка наряднее всех: рыжий хохол, на крыле голубое — как рябь на воде. Ладная, ловкая. Полный рот набьёт, даже горло раздуется. И скорее в лес: по углам рассовать. Рассуёт и снова летит. Страшно, а летит. От страха даже рот открывает и хохол поднимает дыбом. Даже бормочет что-то под нос. Но голод ещё страшней.



Голод пригнал галку-инвалида. Какой-то охотник отстрелил ей нижнюю половину клюва. Ни клюнуть, ни почистить перья.

Села, странно тонконосая, взъерошенная, отощавшая, с

перьями-сосульками на брюшке. Будь что будет…

Положила головку на снег и боком-боком уцепила кусок. Кусок — день жизни. Будет ли он и завтра?

Стукнула дверь: друг или враг? С ведром или с ружьём?

Лучше бы спрятаться, да надо лететь. На мусорную кучу только сытый зимой не летит. А сытых зимой мало.

Паучок

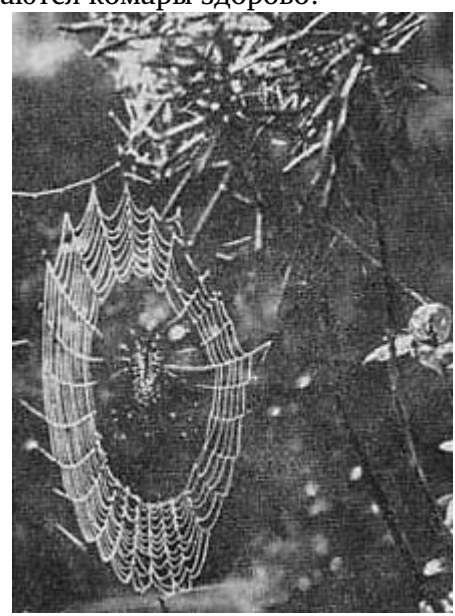
С дерева вниз спускался на паутинке паучок. Да ловко так: выпускал паутинку и на ней, как на канате, спускался всё ниже и ниже. Я подошёл, чтобы лучше разглядеть этого акробата. Зацепил пальцем паутинную ниточку повыше паука, покачал паука в воздухе, как бумажный мячик «раскидай» на резинке, и стал поднимать поближе к глазам. Да не тут-то было!

Тяну наука за паутинку вверх, а он паутинку разматывает и опускается вниз. Я быстрей тяну, он быстрее разматывает. Я руками перебираю, только пальцы мелькают, а он паутину выпускает и скользит вниз. Как будто я катушку за нитку тяну вверх: тяну, тяну, нитка разматывается, а катушка ни с места. Крутится, вертится, а вверх ни на сантиметр!

Изо всех сил тяну, а паучок всё равно внизу.

И тут подумал я, что этак я паука, как катушку с нитками, до конца размотаю! Ведь иссякнет же он когда-нибудь, будет же конец его паутине? Размотается весь на паутину — тут ему и конец. За что же беднягу так?

Оборвал я паутинную нить, пустил наука на землю. Помчался он со всех своих восьми ног. Здорово так, сразу видно, что не весь ещё вымотался. Осталось ещё паутины на сеть — комаров ловить. Пусть ловит: кусаются комары здорово!



Пылесос

Старая история: воробей, пока не прилетели скворцы, решил скворечник занять. Напыжился, почирикал для храбрости и нырнул в леток.

Старую подстилку выносил пучками. Выскочит, а в клюве целый сноп. Разинет клюв и смотрит, как сухие травинки падают вниз.

Большие перья вытаскивал по одному. Вытащит и пустит на ветер. И тоже следит: поплывёт перо или штопором вниз закрутится?

Всё старое нужно выкинуть дочиста: ни соринки чтоб, ни пылинки! Легко сказать — ни пылинки. А пылинку ни в коготках не зажать, ни клювом не ухватить.

Вот вынес в клюве последнюю соломинку, вот выбросил последнее перо. Остался на дне один сор. Пылинки, соринки, шерстинки. Кожица от личинок, перхоть от пера — самая дрянь!

Посидел воробей на крыше, затылок лапкой почесал. И в леток!

Я стою, жду.

Началась в скворечнике возня, послышалось жужжание и фырчание. А из скворечника — из всех щелей! — завихрилась пыль.

Воробей выскочил, отдышался и опять нырнул. И опять я услышал фырчание, и опять полетела пыль. Скворечник дымил!

Что там у него — вентилятор или пылесос?

Ни то и ни то. Сам затрепыхался на дне, крылышками забил, погнал ветер, завихрил пыль — сам себе пылесос, сам себе вентилятор!

Чист скворечник как стёклышко.

Самая пора свежую подстилку носить. Да поторапливаться, пока скворцы не прилетели.

Тук-тук!

Тук-тук!

— Войдите!

Тук-тук! Тук-тук!

Ого! Стучат не в дверь, а в окно!

Выглядываю: дятел!

Прицепился на открытую раму и серьёзно так стучит.

— Здорово! — говорю. — Влетай!

А он как испугается! И в лес. Бревенчатая изба для него, наверное, как огромное толстое дерево. Окно — как дупло. И в дупле кто-то страшный сидит.

Белку в дупле дятел встречал, летучую мышь встречал, даже филина видел. А такое страшилище — никогда!

Наутро дятел опять прилетел — «дерево» дуплистое выстукать. Для начала все брёвна в избе пересчитал. Потом в каждое дупло-окно заглянул. Чудно: всё видно, а влезть нельзя!

Ступеньки пересчитал: шесть. В трубу тюкнул: крепкая. Что бы ещё проверить?

Начал в заборе доски считать. С доски на доску, с доски на доску. Считал-считал — сбился. Начал сначала.

Считал-считал — невмоготу!

Не может больше считать — вот как наелся! На каждом брёвнышке по муравьев на каждой ступеньке по жуку, на каждой доске — по личинке. Нос набил, язык натёр. И живот из-под перышек вздулся. Синий такой и голый. Ну да, голый: дятел-то совсем молодой!

Крылья и хвост у него как у большого, а живот голый. Перья ещё короткие. И хоть шапка красная и нарядная, да ум в голове не тот. Это ж надо — дом с деревом спутал! Ну да ничего. Дней у него впереди — считать не пересчитать! Во всём ещё разберётся.

Тук-тук! Будем знакомы!

Соловьиный язычок

О соловье все слыхали, да не все слышали соловья! Многие знают, где он живёт, а каков соловей на вид, — знают немногие.

Соловей — тоненькая серая птичка с большими чёрными глазами. И с удивительным голосом.

Очень нам хотелось увидеть и послушать соловья. Старый птичник поучал:

— Запевает соловей, когда дождинку с первого берёзового листика склюнет — горлышко оживит. Самые лучшие певуны те, что по ночам поют. Это старики. Они молодых на хорошую песню ставят. Самый разгон у соловьев — когда в лесу прозвенит первый ландыш.

И вот ландыш прозвенел. Настал соловьиный час.

Дед привёл нас в речную черёмуховую урёму[1] и приказал молчать. Лес утихал и настораживался, будто к чему-то готовился. Туман пополз от реки, и чёрные кусты бесшумно и таинственно зашевелились.

И вдруг звонкий, хлёсткий и чистый свист:

— Чу-ить! Чу-ить! Чу-ить!

И сразу упруго и сильно:

— Тио! Тио! Тио!

Началось!

Озноб пробежал по спине — такие чистые и ясные были свисты.

Вот опять свист и опять тишина: прислушивается, наверное, не откликнется ли эхо в звонком бору. Ну и силища в этом крохотном горлышке!

Комары ныли и липли на шею, но мы не смели пошевелиться.

А соловей свистел.

Он то пускался раскатом, то сыпал дробью, то кричал далёкой желной. И вдруг делал гусачка: «Га-га-га!»

Он кончал и начинал сызнова, переставляя свисты, то удлиняя, то укорачивая их.

— Двенадцать колен! — прошептал дед. — Одно к одному! И всё своим голосом — ни звука чужого! Без единой помарки, без бабьей томности — металл!

Дед в восхищении стукнул сухоньким кулачком по своей сухонькой коленке.

Мы подкрались к черёмуховому кусту.

Соловей пел, забыв обо всём. Он сидел сердито насупившись, полураспустив крылышки. Глаза его затянула голубая плёнка. Тонкий клюв широко раскрывался, и из горлышка рвался свист.

Головка дёргалась и тряслась, и всё лёгкое птичье тельце била крупная дрожь.

Зеленело небо. Стало видно, как бьётся в раскрытом клювике острый язычок, не язычок — колокольчик. Это язычок так ловко распоряжался песней, что заставлял молодых соловьев молчать и слушать.

К дому птичника вернулись мы уже при жёлтой зорьке. Из сада тянуло тёплой сиренью.

— Отцветёт сирень, отпоёт соловей! — вздохнул дед. Пусть! Песенка его теперь всегда будет с нами.

Трясогузкины письма

У калитки в сад прибит почтовый ящик. Ящик самодельный, деревянный, с узкой щелью для писем. Почтовый ящик так долго висел на заборе, что доски его стали серыми и в них завёлся древоточец.

Осенью залетел в сад дятел. Прицепился к ящику, стукнул носом и сразу угадал: внутри червоточина! И у самой щели, в которую опускают письма, выдолбил круглую дырку.

А весной прилетела в сад трясогузка — тоненькая серенькая птичка с длинным хвостиком. Она вспорхнула на почтовый ящик, заглянула одним глазком в дыру, пробитую дятлом, и облюбовала ящик под гнездо.

Трясогузку эту мы прозвали Почтальоном. Не потому, что она поселилась в почтовом ящике, а потому, что она, как настоящий почтальон, стала приносить и опускать в ящик разные бумажки.

Когда же приходил настоящий почтальон и опускал в ящик письмо, перепуганная трясогузка вылетала из ящика и долго бегала по крыше, тревожно попискивая и качая длинным хвостиком. И мы уже знали: тревожится птичка — значит, есть нам письмо.

Скоро вывела наша почтальонша птенцов. Тревог и забот у

неё на целый день: и кормить птенцов надо, и от врагов защищать. Стоило теперь почтальону только показаться на улице, как трясогузка уже летела ему навстречу, порхала у самой головы и тревожно пищала. Птичка хорошо узнавала его среди других людей.

Услыхав отчаянный писк трясогузки, мы выбегали навстречу почтальону и брали у него газеты и письма; мы не хотели, чтобы он тревожил птичку.

Птенцы быстро росли. Самые ловкие стали уже выглядывать из щели ящика, крутя носами и жмурясь от солнца. И однажды вся весёлая семейка улетела на широкие, залитые солнцем речные отмели.

А когда пришла осень, в сад опять прилетел бродяга дятел. Он прицепился к почтовому ящику и носом своим, как долотом, так раздолбил дыру, что в неё можно было просовывать руку.

Я просунул руку в ящик и вынул из ящика все трясогузкины «письма». Были там сухие травинки, обрывки газет, клочки ваты, волосы, фантики от конфет, стружки.

За зиму ящик совсем одряхлел, для писем он уже не годился. Но мы его не выбрасываем: ждём возвращения серенького почтальона. Ждём, когда он опустит в наш ящик своё первое весеннее письмо.

Сорочий поезд

Полустанок назывался Рыбный. И не зря. На нём всегда, даже зимой, продавали рыбу: жареную, варёную, солёную, вяленую. Только, бывало, остановится поезд, а уж изо всех вагонов выскакивают пассажиры. Ещё не тронется поезд, а уж из окон летят на снег кулёчки с рыбьими головами, хвостами и потрохами.

И вот повадились на это угощенье сороки. Со всей округи слетались. Ровно за минуту до прихода поезда рассаживались на деревьях вдоль пути и нетерпеливо стрекотали. Так они встречали поезд каждый день.

Услышав сорочье чекотанье, пассажиры брали свои чемоданы и выходили на платформу. Начальник полустанка, не глядя на часы, надевал красную фуражку. Выходил из будки и стрелочник, засунув флажок за голенище.

Поезд приходил — и на снег летели кулёчки с рыбьими головами и потрохами. Начинался сорочий пир! Подобрав всё до косточки, сороки улетали в лес по своим сорочьим делам.

Сороки к поезду никогда не опаздывали. Но вот однажды опоздал поезд. Волновался начальник в красной фуражке. Волновались ожидающие на полустанке пассажиры. Все были очень недовольны.

Но больше всех волновались, больше всех были недовольны сороки. Они вертелись на сучках, перелетали с дерева на дерево, по очереди взлетали на вершину самой высокой сосны и, вытянув шейки, смотрели в ту сторону, откуда должен был показаться поезд. Какой гвалт, какой переполох подняли сороки, когда, наконец, увидели далёкий дымок!

Ох и досталось же машинисту от начальника станции, от разволновавшихся пассажиров! А больше всего — от сорок: оглушили криком! До сих пор встречают сороки поезд на Рыбном полустанке. До сих пор, заслышав сорочью трескотню, пассажиры берут свои чемоданы, а начальник надевает красную фуражку.

Все твёрдо знают: ровно через минуту к полустанку подойдёт поезд. Поезд теперь не опаздывает. Пассажиры вовремя уезжают, а сороки вовремя обедают. И все довольны.

Волшебная полочка

— Я — *повелитель птиц!*

Захочу — и птицы сами прилетят ко мне. Захочу — прилетят голуби и воробьи. Захочу — синицы. Захочу — явятся гости севера: снегири и свиристели.

Нет, я не волшебник, Я не шепчу таинственных заклинаний. И у меня нет волшебной палочки. Но зато у меня есть волшебная полочка.

На вид полочка совсем проста: простая фанерка с простыми деревянными бортиками. Но в полочке волшебная сила!

Так и быть, — я открою свой секрет. И к вам, стоит вам только захотеть, станут прилетать дикие птицы. Для этого надо на простую полочку насыпать простой крупы и простых хлебных крошек. Потом полочку нужно выставить за окно. И полочка сразу станет волшебной! На неё сразу же прилетят голуби и воробьи. А если вы живёте у парка или в деревне, укрепите на полочке кусочек сала — к вам прилетят синицы! Положите на полочку кисти рябины — прилетят снегири и свиристели.

Сделайте себе *волшебную полочку*.
Каждый день станут прилетать к вам разные птицы.
Хотите — смотрите, хотите — снимайте.
Вы станете *добрым повелителем птиц!*

Заячий хоровод

Мороз на дворе. Особый мороз, весенний. Ухо, которое в тени, мёрзнет, а которое на солнце — горит. С зелёных осин капель, но капельки не долетают до земли, замерзают на лету в ледышки. На солнечной стороне деревьев вода блестит, теневая затянута матовой коркой льда.

Порыжели ивняки, а ольховые заросли стали лиловыми.

Днём плавятся и горят снега, ночью пощёлкивает мороз.

Пришла пора заячьих песен. Самое время ночных заячьих хороводов.

Как зайцы поют, по ночам слышно. А как хоровод водят, в темноте не видать.

Но по следам всё понять можно: шла прямая заячья тропа, от пенька до пенька, через кочки, через валежины, под белыми заячьими воротцами и вдруг закружила немыслимыми петлями! Восьмёрками среди берёзок, кругами-хороводами вокруг ёлочек, каруселью между кустов.

Будто закружились у зайцев головы и пошли они петлять да путать.

Пляшут и поют: «Гу-гу-гу-гуу! Гу-гу-гу-гуу!»

Как в берестяные дудки дуют. Даже губы подскакивают!

Нипочём им сейчас лисицы и филины. Всю зиму жили в страхе, всю зиму прятались и молчали. Довольно!

Март на дворе. Солнце одолевает мороз.

Самая пора заячьих песен.

Время заячьих хороводов.

Плясуны

Комары-толкуны — плясуны известные. Пляшут они где придётся. Было бы только тепло. Тепло их бодрит, веселит, прямо на воздух поднимает.

Где тихо, солнечно, где нагрето — там и площадка для танцев. В тёплых струях легче плясать.

Пока на земле ещё снег лежит, пляшут они меж тёплых сосновых ветвей. Потом толкутся над первой проталиной. Над оттаявшим муравейником, над прогретой поленницей дров, над копной соломы. Над отогревшимся склоном, над подсохшей тропинкой, над вскопанной грядкой. Вверх-вниз, вверх-вниз — живой столбик золотистых пылинок. Каждую победу весны они отмечают танцем.

Весна идёт — и ширятся танцы. Любят комарики поплясать!

Бывает, над головой зароятся. Гонишь-гонишь, а им нипочём. Пляши, раз тепло и солнце. А что там внизу — чья-то голова или

поленница дров — какое им дело? До этого им дела нет.

Сногсшибательный душ

Простаки эти голуби!

Воробьи похитрее.

Голуби честно ищут корм, а воробьи-хитрюги за ними подглядывают. Как увидят, что голуби на подоконник слетелись, толкаться начали, — так и мчат сразу, но не на подоконник, а на панель под окно.

Наверху толкотня, драка: зёрна и крошки сыплются вниз. Воробьи внизу не зевают: клюют себе с выбором. Вот пройдохи!

Но раз попали и воробьи впросак!

Видят как-то: собрались голуби, затеяли возню. Приседают, хвосты веером, хлопают крыльями. Встряхиваются, толкаются, воркуют. Но собрались они на этот раз не на подоконнике, как всегда, а внизу, на земле. Ничего не понять!

— Нас провести хотят! — смекнули самые стреляные воробьи. И со всех сторон скорее в голубиную толчею: шмыг, порх, скок!

Но тут самому первому воробью по затылку — стук!

Да так, что он носом в снег.

Второму по спине — плюх!

Трах третьему по носу. Так брызги и полетели!

— Наших бьют! — загалдели воробьи.

А кто бьёт?

Неизвестно. Голуби не бьют.

А первому снова — стук в голову!

Тут уж до воробья дошло — капли бьют!

Тяжеленные капли с сосулек под крышей.

Висят высоко голубые сосульки. И с них, как из крапиков, капли сыплются — целый душ!

Голубям что — они большие. Толкутся себе, вертятся, купаются — рады живой воде.

А воробьишкам душ не под силу: того и гляди с ног сшибёт и покалечит.

Взлетели воробьи на ветки. Стали клювами перышки перебирать да пересчитывать: все ли целы?

Который по носу получил, — нахохлился.

Но ненадолго. Чего хохлиться, — весна идёт!

Спать пора

Вечер, я уж палатку собрался ставить, как на сухую вершину, прямо над головой, взлетел сумеречный чёрный дрозд и стал высвистывать свои песни. И так тихо вокруг, что слышно, как между свистами дрозд прищёлкивает не то язычком, не то клювом.

Неуклюжий тяжёлый сарыч с шумом ввалился в густую вершину, вцепился в сук, потоптался на нём, переминаясь с лапы на лапу, сложил крылья, да и затих.

Форель в ручье, чуть шевеля плавничками, зашла за камень и опустилась брюшком на дно.

Все устраивались на ночлег.

Какие-то жучки мохнатые вповалку завалились спать в цветочных венчиках среди лепестков.

Лёг и я, просто так, без затей, прямо под деревом. Ну её, палатку, буду спать, как все.

Берёста

Заспорили два брата-охотника: кто ловчее? Надел один из них лыжи, забрал ружьё и топор и побежал в лес. Час проходит, другой проходит, бежит охотник назад и говорит:

— Нашёл я, братушка, в лесу спящего лося. И так сумел тихо к нему подойти, что лось и ухом не повёл. Положил я лосю на спину кусок берёсты со своим знаком. Ловчее этого никому не сделать! А если не веришь, — проверь: лось и сейчас там спит.

Ничего брат ему не ответил. Молча лыжи надел и побежал по его следам.

Час проходит, другой проходит — бежит второй брат назад. Ни слова не говоря, протягивает брату берёсту, ту самую, которую тот лосю на спину положил!

— А лось, — говорит, — и сейчас там спит!

Ничего не скажешь, ловкие братья-охотники.

Но и фотоохотник не лыком шит.

Надел фотоохотник лыжи, забрал аппарат — побежал в лес. Час бежит, другой бежит — видит: лось на снегу спит. И тоже так сумел подкрасться, что лось и ухом не повёл. Хоть берёсту на спину клади! Не ударил лицом в грязь.

Но охотники фотоохотнику не верят: берёсту-то не положил! Как теперь проверить?

— А у меня снимок есть! — говорит фотоохотник.

И верно: на снимке лес, в лесу лось. Лежит на снегу и дремлет.

Снимок не берёста: хочешь не хочешь — поверишь.

Вот он — снимок; смотрите хоть все.
А берёсту кто видел?
Может, и не было никакой берёсты.

Айболитовцы

Айболитовцы — это лесная «скорая помощь». Нет у них ни телефонов, ни машин, но зато есть быстрые ноги, зоркие глаза и умелые добрые руки. Айболитовцы не ждут, когда больные придут на приём. Они — врачи на дому. А дом — весь лес.

Врачи-разведчики с утра на ногах. В лесу немало больных. Одним надо оказать помощь на месте, других нужно забрать домой.

У каждого больного — своя история болезни.

Птенец дрозда

Вынут изо рта у собаки. Придавить не успела, но всего обмусолила. Помощь оказана на месте происшествия: обмыли тёплой водой, высушили на солнце, накормили червяками и отпустили. Собаку Бобика взяли на поводок.

Собака Бобик

Тот самый Бобик, который по глупости чуть не проглотил дроздёнка. Он привык совать свой нос куда не положено. Сунул нос под валежину и наткнулся на гадюку. Нос стал как чемодан. Мы выдавили из ранки кровь, промыли марганцовкой. Уложили Бобика в тень. Два дня он не вставал, скулил и тёр укус лапой. На третий день опухоль спала и Бобик завилял хвостом.

Скворец

Найден под проводами со сломанным крылом. Взят на излечение домой. Рана присыпана стрептоцидом, на крыло наложен лубок. Прописана диета: рубленое яйцо три раза в день по чайной ложке.

Голубь сизый

Найден на улице: не мог ни ходить, ни летать. Кто-то обмотал ему лапки нитками, а к хвосту привязал верёвку. Нитки впились в кожу — и лапки опухли. Назначены тёплые ванны и растирания вазелином.

Много разных больных: белки, ежи, лосята, утята, куличата, летучие мыши.

Сейчас все они здоровы и веселы. Веселы, здоровы и доктора — юннаты-айболитовцы.

Зазнайка

На голом сучке, чуть повыше зелёных лопухов, похожих на ослиные уши, сидит совёнок. Очень важно сидит, хотя со стороны похож на клок простой овечьей шерсти. Только с глазами. Большущими, блестящими, оранжевыми. И очень глупыми. И так он глазами своими хлопает, что всем сразу видно: балда! Но пыжится выглядеть взрослым. Наверное, ещё и думает про себя:

«Когти на лапах загнулись — по сучкам лазать смогу».

«Крылья уже оперились — захочу и полечу».

«Клюв окостенел, как щёлкну — так всех напугаю. Голыми руками меня не возьмёшь!»

И так нам захотелось этого зазнайку именно голыми руками взять! Думали, думали и додумались. Он тут целыми днями один сидит. И скучно ему, наверное, одному. И похвастаться не перед кем и не на кого поглазеть…

Я приседаю па корточки и строю совёнку рожу. Подмигиваю, показываю язык. Покачиваю головой: посмотрите, какой большущий совёнок! Моё почтение, мудрейший из мудрых!

Совёнок польщён, он рад-радёшенек развлечению. Он приседает и кланяется. Переминается с лапы на лапу, словно пританцовывает. Даже закатывает глаза.

Так мы с ним развлекаемся, а товарищ тихонько заходит сзади. Зашёл, руку вытянул и взял совёнка за шиворот! Не зазнавайся…

Совёнок щёлкает клювом, сердито выворачивается, когтями дёргает за рукав. Обидно ему, конечно. Думал: «Вот я какой, большущий уже да ушлый» — а его, как маленького, голой рукой за шиворот. И глазом моргнуть не успел, и крылышком не повёл!

— Не зазнавайся! — щёлкнули мы совёнка по носу. И отпустили.

Дежурный

Поле пшеницы на вырубке так и мозолит всем глаза, так и щекочет всем носы. Хозяин поля знает про это и отваживает любителей вершков, как умеет. Против кабанов он выставил колотушки. Вода из ручейка крутит колесико с лопастями, колесико поднимает лёгкие молоточки, и те всю ночь без перерыва стучат по звонкой железке. Против птиц поставлено чучело. Чучело размахивает на ветру лоскутами растопыренных рукавов. Кабаны и птицы обходят и облетают поле сторонкой. А вот полёвки и мыши ничего не боятся: ни колотушек, ни чучела. Они валят пшеницу, подгрызая стебель зубами, и растаскивают колосья по норам. И ничего с ними не сделать. Хозяин только сердито бормочет и грозит кулаком.

Так, наверное, и растащили бы мыши всю пшеницу по колоскам, если бы не желтоглазый сыч. Сыч встал на караул. Лишь только зарозовеет заря, — он уже торопится на дежурство. Мягко опустится чучелу на голову, потопчется, переминаясь с лапы на лапу, усядется поудобней и притихнет. И кажется со стороны, что сыч уснул. А он в два глаза смотрит и в два уха слушает. Полёвка ли чуть качнёт колосок, мышь ли едва слышно пискнет — сыч мигом взлетит. И неслышно, как лоскут мягкой тряпки, накроет воришку.

Дежурит сыч каждую ночь. Стоит на посту, не смыкая глаз. Хозяин на него не нарадуется. И сыч доволен.

Шаги доверия

Черноголовая плиска подпускает на 5 шагов, жаворонок на 15, кулик-перевозчик на 25, а кулик-травник — на 50. Кукушка подпустила шагов на 90, а сарыч только на 200. Так я узнаю меру доверчивости птицы к человеку. Плиска доверяет человеку в 10 раз больше, чем травник, и в 40 раз больше, чем сарыч. Наверное, потому, что человек обижает её в 40 раз меньше…

Карапузики и долгоносики

Ну разве не прелесть имена у насекомышей? Все эти усачи, медляки, листовёрты? Щелкуны, карапузики, долгоносики? Наездники, бражники, уховёртки? Таких даже жалко на булавку накалывать!

Петушок

Проста петушиная жизнь — песни ори да кур сторожи.

Утром в щели курятника проникает свет — синие лучики. Наступает день петушиных забот.

Петушок своё дело знает: ищет зёрна, сзывает кур, бьётся на шпорах с чужаками, следит за ястребом.

И вдруг эта привычная жизнь рухнула и поломалась.

Однажды ни один петух не откликнулся на его клич. Не проснулись от солнца в курятнике куры — куда-то исчезли все до одной. И только хмурый хозяин, разбуженный кукареканием спозаранку, сердито ругал хорька, который передушил всех кур.

Петушок ошалело слонялся по двору, подолгу расслабленно лежал в пыли, вытянув лапку и растопырив крыло. Его гребешок — гордость его и красота! — уныло свешивался набок. Не с кем стало меряться силой, некого охранять от беды, некого созывать и угощать зёрнами. Кукарекал — ничьё сердце не закипало в ответ от его боевого крика. Ловко выкапывал зёрна — они никому были не нужны. Предостерегал — но кому нужны были его предостережения? Самому себе только…

Петушку незачем стало жить. И не миновать бы ему ястребиных когтей — такой он стал квёлый и сонный — если бы не… воробей!

Однажды, позвав по привычке кур на зерно, заметил петушок воробья. Воробей посмотрел на петуха, бочком подскочил и схватил зерно. Петушок позвал опять. Тогда прилетели два воробья. Всё сразу пошло на лад.

С утра до вечера петушок собирал зёрна и сзывал воробьев. Воробьи стайкой, озорной и крикливой, прыгали за ним и нахально хватали зёрна прямо из клюва. А он на них не сердился.

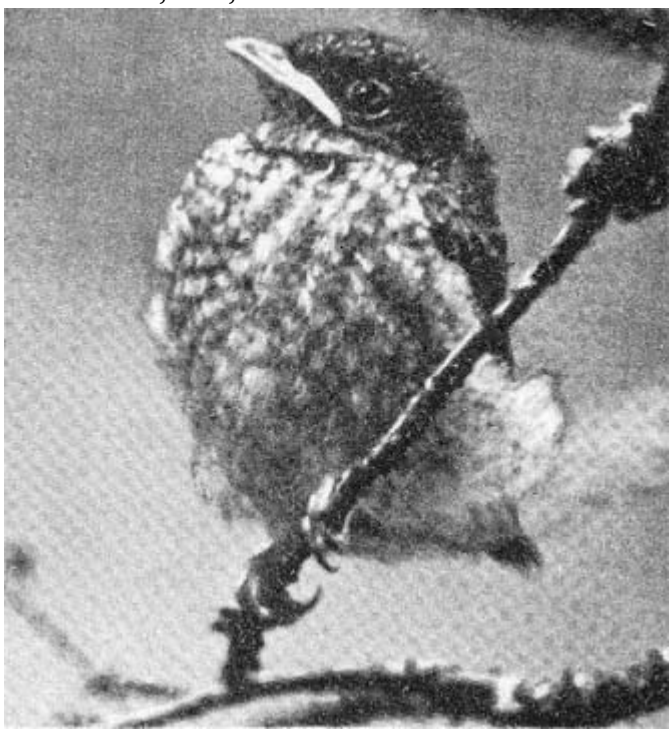
Петушок снова стал взлетать на забор и громко кричать. И хоть отвечало ему одно эхо в скалах, он не переставал петушиться. Он грозился побить каждого, кто вздумает ему помешать. Гребешок его светился, как лепесток мака. Петушок предупреждал воробьев о появлении ястреба: те, как куры, кидались в кусты. Петушок ожил и повеселел. Да, не так уж проста петушиная жизнь!..

Ротозеи

Услышат, бывало, воробьята, что воробьиха в гнездо втиснулась, — сейчас же жёлтые рты разинут. Настоящие ротозеи!

И вот ротозеи подросли, прозрели, оперились. Сидят в гнезде смирненько и только изредка почирикивают: «Чирк! Чирк!. Чирк!» «Чиркунами» стали.

Потом «чиркуны» превратились в «слётков» — вылетали из гнезда. Но и слётки не все одинаковы: одни ещё только по земле скачут — это «прыгуны́» или «скачки». Другие уже подпархивают — это «порхунчики». Но все — и «прыгуны» и «порхунчики»— непременно ещё и «трясуны». Крутятся у самого родительского носа и приседают, и клювишки разевают, и крылышками трясут от нетерпения: «Мне, мне, мне!»



На дачу

Лесная соня выехала на дачу. Всю зиму проспала она в норе под кустом — в своей зимней квартире. И была очень довольна. Но вот весна на дворе: солнце, зелень, теплынь. И стало соне под землёй неуютно: и темно, и сыро, и затхло. Перебралась соня спать на дачу. На том же кусте, под которым спала, свила она себе из травы и листьев уютное гнёздышко. Лёгкий плетёный шарик с дырочкой-входом. Покачивается в нём, как в гамаке. Дышит свежим воздухом. Принимает солнечные ванны. Ест свежие фрукты. На даче живёт.

Соловья песня кормит

Поёт соловей бойко, звонко, хлёстко. И язычок его в разинутом клювике, как колокольчик.

Без передышки поёт. И когда только ест да пьёт! А ведь песней одной сыт не будешь.

Поёт соловей, свесив крылышки. Запрокидывает головку и закатывает глаза. И клювик его тогда щёлкает, как ножницы у ловкого парикмахера. Щёлкает и выщёлкивает такие чистые и звонкие свисты, что даже листики вздрагивают и тёплый парок вырывается из горячего горлышка.

И на парок слетаются липкие комары. Под тугое перо комарам носа не подточить, вот и зудят они над разинутым клювом. Сами в рот просятся, сами прямо на язык липнут!

Щёлкает соловей песни и… комаров! А ещё говорят, что соловья песни не кормят…

О чём пела сорока?

Пригрелась сорока на мартовском солнце, глаза прижмурила, разомлела — даже крылышки приспустила.

Сидела сорока и думала. Только вот о чём она думала? Поди угадай, если она птица, а ты человек!

Будь я на её птичьем месте, я бы сейчас вот о чём думал. Дремал бы я на припёке и вспоминал бы прошедшую зиму. Метели вспоминал, морозы. Вспомнил бы, как ветер меня, сороку, над лесом бросал, как под перо задувал и крылья заламывал. Как в студёные ночи мороз стрелял, как стыли ноги и как пар от дыхания сединой покрывал чёрное перо.

Как прыгал я, сорока, по заборам, со страхом и надеждой заглядывал в окна: не выбросят ли в форточку селёдочную голову или корку хлеба?

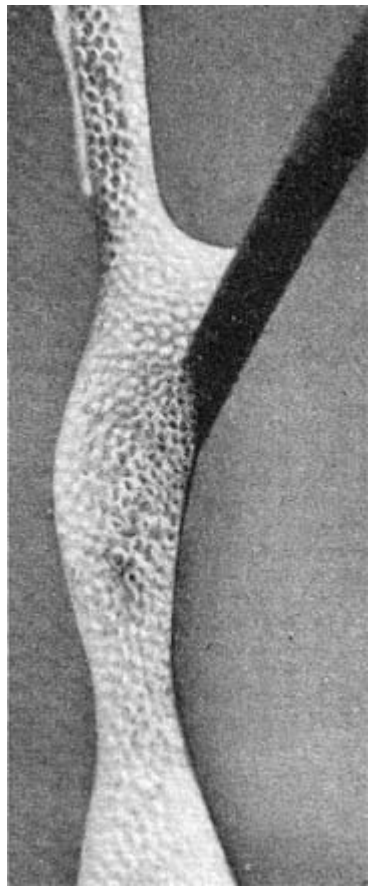
Вспоминал бы и радовался: зима позади и я, сорока, жив! Жив и вот на ёлке сижу, на солнце нежусь! Зиму отзимовал, весну встречаю. Длинные сытые дни и короткие тёплые ночи. Всё тёмное и тяжёлое позади, всё радостное и светлое — впереди. Нет времени лучше, чем весна! Время ли сейчас дремать да носом клевать? Будь я сорокой, я бы запел!

Но — тсс! Сорока-то на ёлке поёт!

Бормочет, стрекочет, вскрикивает, пищит. Ну — чудеса! Первый раз в жизни слышу песню сороки. Выходит, что птица-сорока думала про то же, про что и я, человек! Ей тоже петь захотелось. Вот здорово!

А может, и не думала: чтобы петь, не обязательно нужно думать. Весна пришла — ну как не запеть! Солнце-то всем светит, солнце всех греет.

Фотозагадки



1). Фото 1.

— Не прикасайтесь! — сказала ящерица. — Это лоскуток моей кожи. Я, когда линяю, кожу с себя сбрасываю!

— Вот и трону, это моя икра! — квакнула лягушка:

— Не спорьте! — пискнуло какое-то насекомое. — Это не кожица, не икра — это мой дом. Я в нём спасаюсь от ящериц, лягушек и птиц!

Кто же из троих прав?

2). Фото 2.

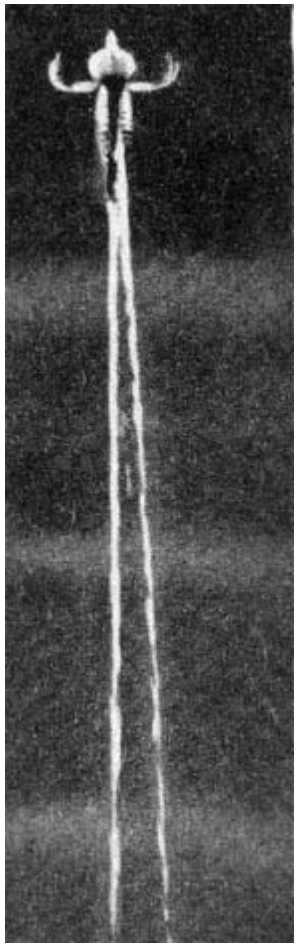
«Если это дерево срубил лесоруб, то почему он его не увёз?

Если это дерево срубил для костра охотник, то почему он его не сжёг?

Если это дерево срубил рыболов, то почему он из него не сделал плот?

Ага, догадался! Это дерево срубил не лесоруб, не охотник, не рыболов. И вообще не человек!»

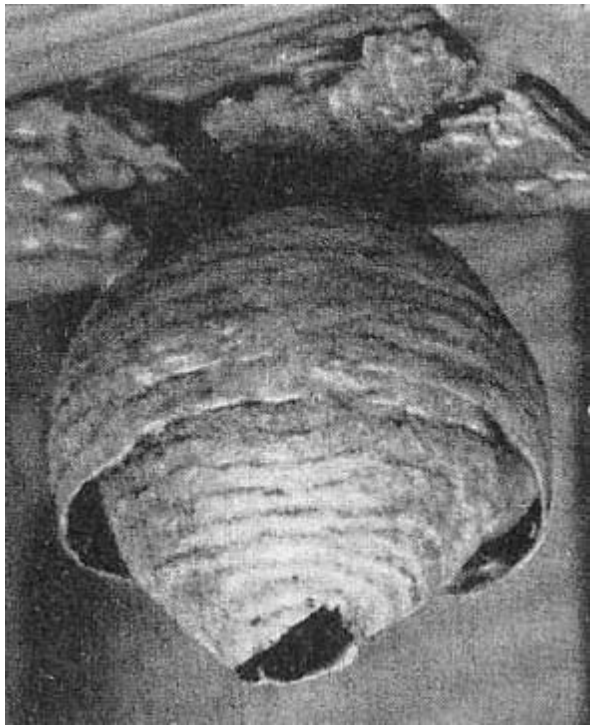
Кто же срубил это дерево и чем?



3). Фото 3.

Если посмотреть на это с одной стороны, то похоже на редкое насекомое. А если с другой, — то на странный гарпун. А что, если посмотреть с третьей стороны? Вот это да!

Посмотрите и вы: что это такое?

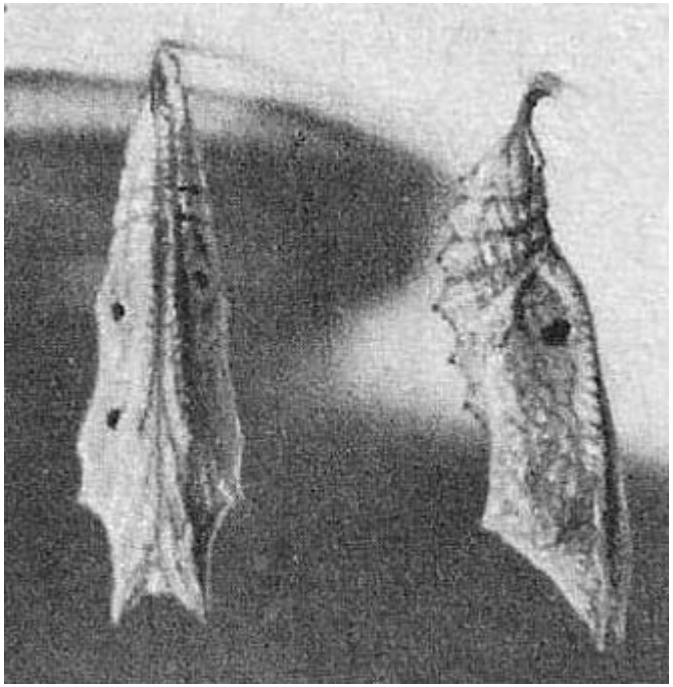


4). Фото 4.

— Смотри, мама, какая ягодина! Проглотить, — живот вздуется!

Не тронь, барсучонок, не тронь! От этой «ягоды» у тебя не живот, а нос и язык вздуются!

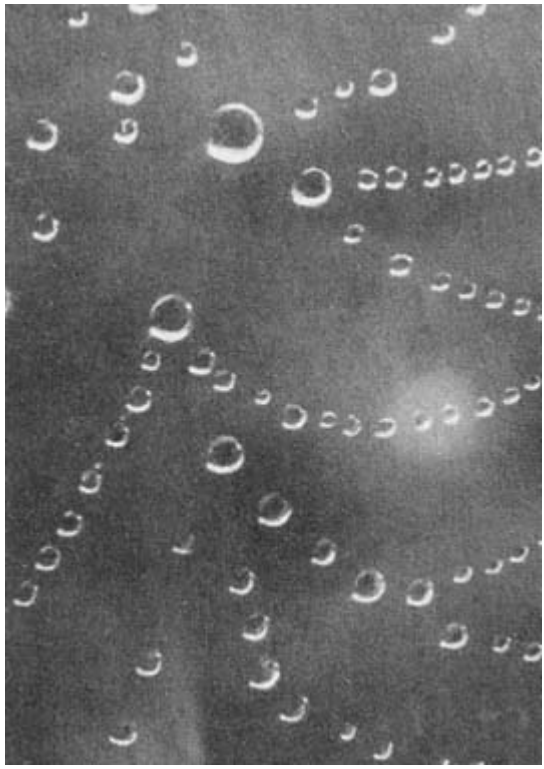
Что это такое?



5). Фото 5.

— Раньше, помню, это ползало. Потом, знаю, будет летать. А пока неподвижно висит. Раньше ело листья, потом станет пить нектар, а пока не ест и не пьёт. Было волосатым, станет в пыльце-чешуйках, а пока голое. Было, есть, будет.

Что было, что есть и что будет?



б). Фото 6.

Чего только не говорили! И воздушные шарики, и китайские фонарики. Сова даже сказала, что это звёзды!

А что это на самом деле?

Лесные пословицы и поговорки

Если есть в лесу волчьи следы, то есть там и волки.
Мягка у рыси лапка, да коготок остёр.
Захотел медведь мёду, да вспомнил про пчёл.
Не ищи шишки под дубом, а жёлуди под ёлкой.
Чем дольше ненастье — тем краше солнце.
Не страшно болото, если из него вылез.

* * *

— А сказки, Лесовичок, слушать любишь?

— Страх сказки люблю; так бы и слушал, так бы и слушал.

— А кто же тебе их рассказывает в лесу?

— Лес и рассказывает. Ещё и показывает. Заслушаешься и засмотришься!

— Так уж и засмотришься! В сказках и жар-птицы огненные, ожерелья и броши драгоценные. Лешие и кикиморы. А в лесу? Одни пни да коряги.

— Ишь ты — пни да коряги… А ну-ка, взгляни вон туда!

— Пень вижу. Пень как пень.

— Ты всматривайся, всматривайся.

— Это зачем же?

— Примета такая: если хочешь, чтобы пень зашевелился, начни в него всматриваться. Он и оживёт и зашевелится. Гляди ещё и напугает — ну прямо как в сказке!

«… И нету туда ни пути, ни дороги. А ты иди! Через ручей

светлый, через речку тёмную, через гарь и болото. За болотом ельник непроглядный, посреди ельника полянка светится. Посреди той полянки он и сидит. Сидит и молчит…»

«За оврагом ольховым — горка сосновая, за горкой сосновой — моховое болото. На болоте бугор вересковый. Дерево посредине бугра непонятное: стоит, скрипит да из дупла смотрит..»

«Одолень-трава, одолей ты мне злых людей, одолей чародея и ябедника!» И только сказал так — распахнулись листья папоротника, а под ними бриллианты да самоцветы, браслеты, броши да ожерелья.

«Под горой каменной — озерце зеркальное, а в озерце — кикимора болотная. День и ночь в зеркало смотрится…»

«Не простой там лес, особенный. Вверх посмотришь — сердце забьётся, по сторонам посмотришь — сердце дрогнет, вниз посмотришь — сердце замрёт. Лежит внизу змея рябая. На тебя смотрит и улыбается. Будто что-то про тебя знает…»

— Что ж, увидел небось? — спрашивает Лесовичок.

Я даже вздрогнул:

— Увидел, увидел…

— Ну вот и ладно. А то: пни да коряги! Сказки, брат, к вам в дома из леса пришли. Сказки и сейчас по лесам прячутся. Ты только всматривайся, всматривайся…

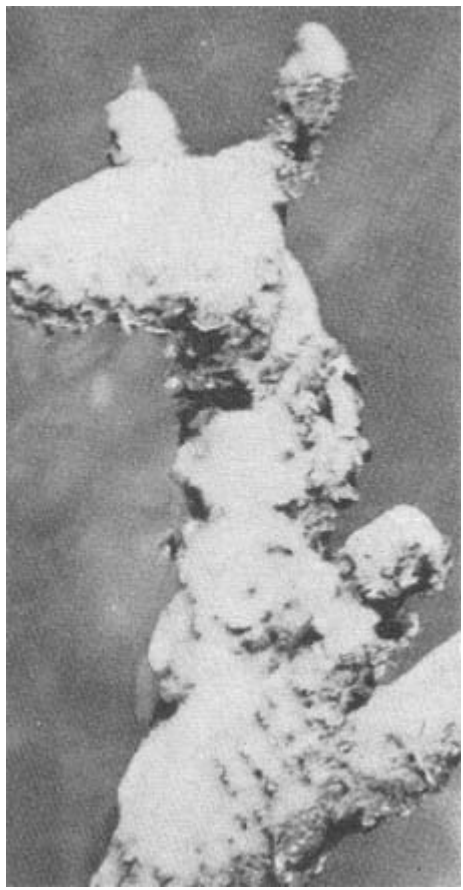
Белые фигурки

Всю ночь таинственно перешёптывались деревья: что-то творилось в лесу.

Утром стало видно: в лес пришла зима. Под холодными лесными сводами, покорно склонив головы, застыли скорбные белые фигуры.

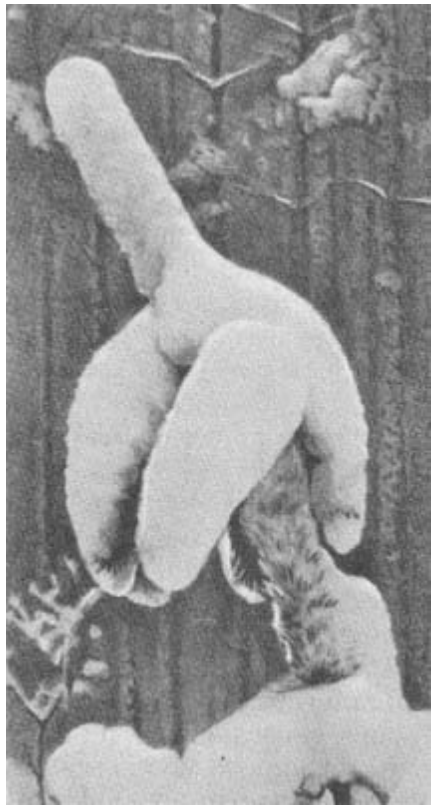
Вместе со снегом в лес налетели и набежали диковинные невиданные существа.

Они расселись по пням и сучкам, взобрались на ёлки и сосны: странные молчаливые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие…

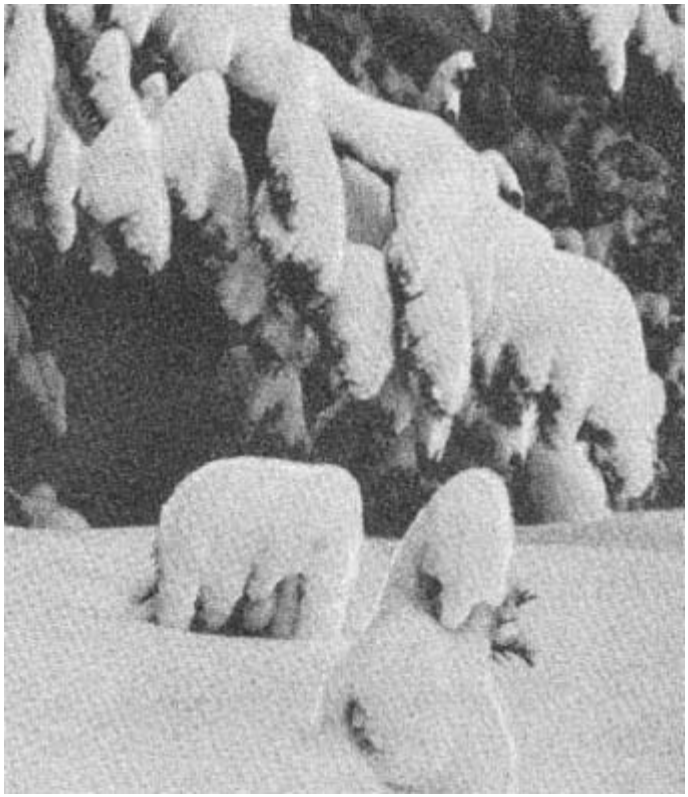


Вот вылез из сугроба лесной человечек в огромной папахе и бурке. Вылез и уставился на побелевший лес. А может, и не на лес, а вот на эту печальную фигурку, похожую… нет, ни на что лесное не похожую! Обласкало солнце пригорюнившуюся фигурку, и с мохнатых ресниц её закапали слёзы…

Но тут кто-то бодрый вскинулся на дыбки: то ли зайчик, то ли белочка, то ли собачка, И эта непонятная зверюшка прискакала в лес вместе со снегом и вместе со снегом пропадёт из леса. Это зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону — и он вмиг исчезнет: прикинется простым сучком, запорошённым снегом.



Вот птица не птица, зверь не зверь. Шею вытянуло, крылья свесило: того и гляди улетит! А тронь — упадёт и рассыплется в прах. Останутся на снегу вмятинки — следы неведомого существа.



Белые медведи и белые совы. Белые зайчики-ёлочки стоят столбиками, ушки на макушке, лапки на пузечке: насторожились и замерли. И не спеша бредёт средь дремучих снегов белый сказочный слон.

Полон лес диковинных зверей и птиц. Знает снежный человек: нигде таких не увидишь, только в лесу и только зимой.

Жар-птица

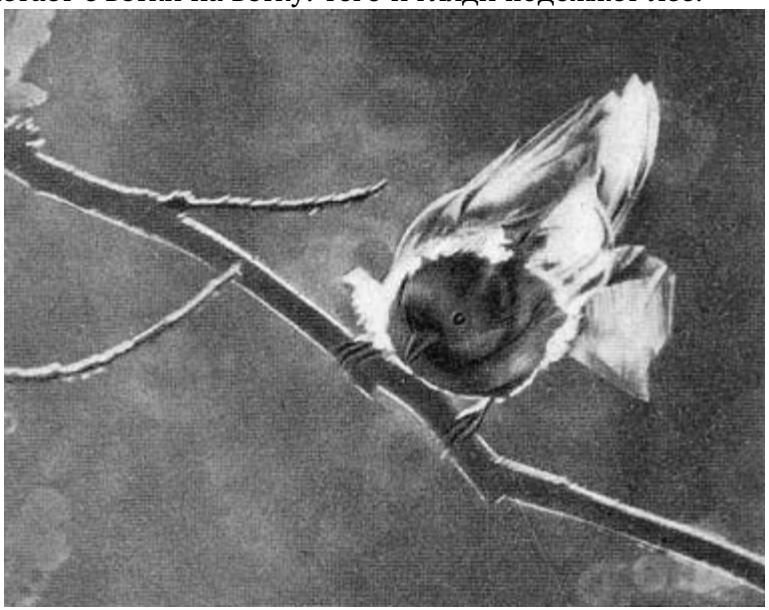
Я думал раньше, что жар-птица живёт только в сказке. Но оказалось, что жар-птица живёт и в лесу. В сказку она просто перелетела из нашего северного леса. Удивительного в этом ничего нет: ведь наш северный лес полон сказок…

Шёл я однажды по тёмному еловому лесу. Был закат, и солнце, как багровый глаз леса, уставилось мне в лицо. Я прикрыл глаза рукой от солнца и колючих веток.

Но вдруг яркий свет пробился сквозь пальцы. Я отдёрнул руку от лица и замер: из-за чёрного дерева выглядывала огненная птица! Сияние шло от неё, на голове полыхал огонёк.

Птица не испугалась меня. Она выпорхнула из-за дерева и смело уселась на открытый сучок. Мне стало страшно за неё: она вся пылала!

Казалось, не птица, а живое пламя на огненных крыльях перелетает с ветки на ветку: того и гляди подожжёт лес!



Жар-птица исчезла так же внезапно, как и появилась.

Я бы сам не поверил своим глазам и никому бы об этом никогда не рассказал, но я успел её снять. Вот она, сказочная жар-птица нашего сказочного северного леса!

Ледяные цветы

Холодина!

Слипаются ресницы, слипаются ноздри.

Вздохнёшь — стынут от холода зубы.

Снег визжит под ногами, как поросёнок.

На солнце смотреть нельзя: колют глаза синие лучики, усыпанные толчёным стеклом инея.

Речушка замёрзла, но на самой быстрине чёрная водомоина. Над полыньёй пар — речка дышит…

От её холодного дыхания вырастают на закраинах льда белые венчики цветов.

Дыхание зимы, как и дыхание весны, родит чудесные цветы. Только ледяные цветы холодны и мертвы.

Страшный невидимка

Страшный невидимка объявился в лесу. Жуткие дела стали твориться там. Кто-то безжалостно содрал с деревьев листья. Кто-то примял, перепутал и положил травы.

Бесследно исчезли птицы — пеночки, зяблики и дрозды. Вчера ещё видели и слышали их, а сегодня нет ни одной.

Звери и птицы испуганно прятались в чаще.

Но невидимка находил их и там. Он делал всё что хотел, всё перекраивал на свой вкус и лад. Взял и выкрасил зайцам задние ноги в белый цвет, будто на каждого зайца белые трусы надел. Рыжих белок сделал серыми, пёстрых куропаток — белыми. Барсуков, ежей и енотов до того запугал, что попрятались они в норы, забились под корни деревьев и носа не кажут. Перетрусили лесные жители. Что ни день, в лесу страшные новости. Исчезли куда-то лягушки и жабы. Пропали бабочки и мухи.

Больше всех перетрусили сеголетки, те, кто только нынче на свет появились. Ничего подобного они не видели; вот натерпелись страху!

Да что сеголетки, если старый медведь и тот стал берлогу облюбовывать, чтобы спрятаться от страшного невидимки.

А невидимка бродит по лесам и полям, гнёт деревья, свистит, волны на берега выплёскивает. То землю дождём размочит, то морозцем закуёт. Все дороги, мосты поломал, канавы водой залил. И никто с ним ничего поделать не может: не видно его, невидимка он!

Русалка

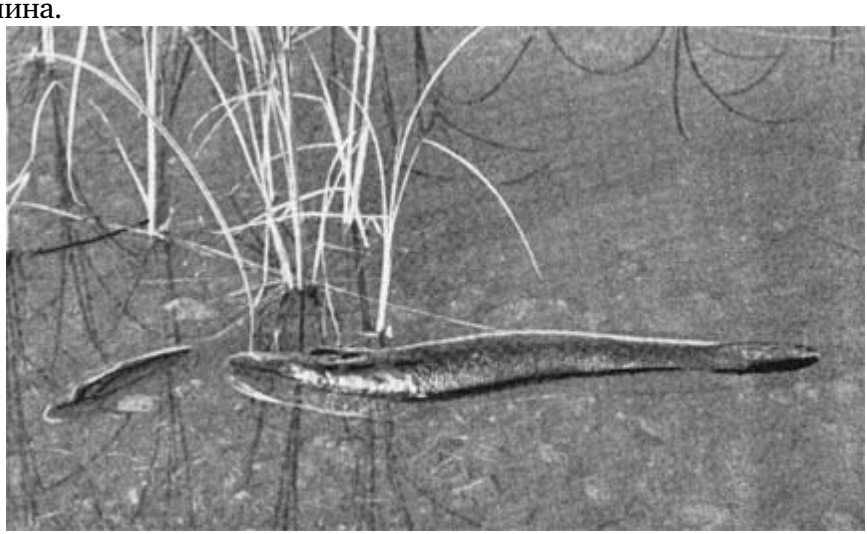
Весенней ночью сидел я у костра на берегу озера. Весенняя ночь всегда полна звуков. Вот быстрый свист крыльев и всплеск: сели на воду утки. Возятся под берегом водяные крысы. Шлёпает кто-то по воде: наверное, по мелководью бегают чибисы.

Знакомые и мирные звуки ночи.

И вдруг переполох! С отчаянным кряканьем взлетели утки, крыса плюхнулась в воду, странно заскрипели крылья взлетевших чибисов. По этому скрипу узнаешь чибисов и в темноте. Удивительно, что летом и осенью крылья у чибисов перестают почему-то скрипеть.

И сквозь кряк, плеск и скрип ухо поймало звук совсем незнакомый. Казалось, кто-то осторожно плыл вдоль берега, раздвигая тяжёлым телом осоку и сухой тростник.

Я быстро вскочил, отошёл от костра и стал всматриваться в чёрную воду. Глаза с трудом привыкали к черноте. Сперва я только отличил воду от неба, потом чёрный тростник от чёрной воды. Тростники вздрагивали, похрустывали, клонились. И я, наконец, разглядел большое мокро-чёрное тело, медленно плывущее к берегу. Тростник и осока с шорохом раздвигались, пропуская его. Ни головы, ни хвоста, только блестящая мокрая спина.



Помедлив, непонятное существо изогнулось и наползло животом на мелководье. Тут я разглядел длинные чёрные руки, прижатые к бокам. Вдруг руки судорожно забили по воде — и из воды поднялся широкий чешуйчатый хвост. Чёрное существо с руками и чешуйчатым хвостом вскинулось, стало подскакивать и

перекатываться, подминая тростник и осоку. Мелькали руки, хвост хлестал по воде, взлетали брызги, и волны выплёскивались на берег.

В руках у меня было ружьё. Но что за существо бьётся у берега: очень уж оно походило на человека!

Тучи совсем закрыли небо, ничего стало не видно.

Всплески скоро отдалились, затихли, и только ветер постукивал тростниковыми палочками.

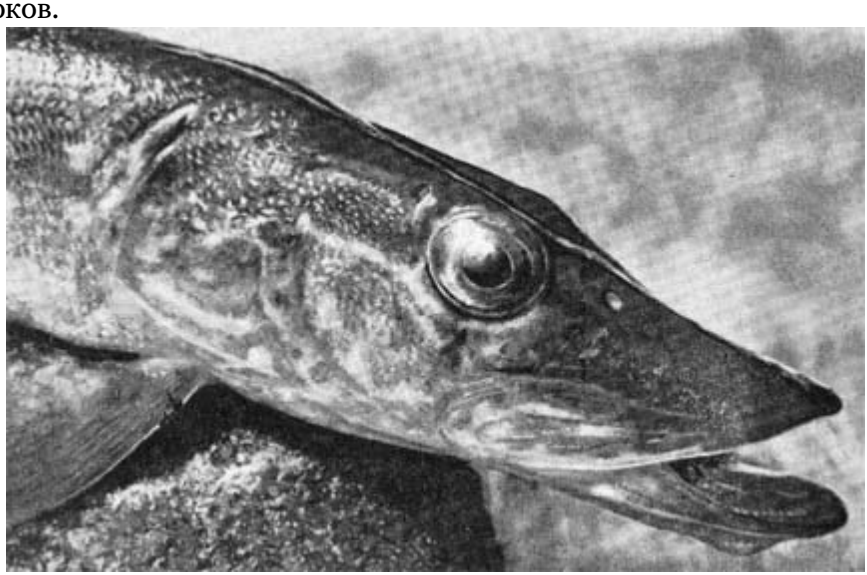
Опять прилетели и плюхнулись на воду утки. Завозились под берегом крысы. Послышался скрип чибисиных крыльев.

Сидя у костра, я напрасно ломал голову. Я перебирал всех, кто может плескаться ночью в воде. Выдра? У выдры толстые лапки-коротышки, а тут длинные чёрные руки.

Утром у берега я увидел помятую осоку, и вода была от мути ржавая. Значит, не показалось: кто-то тяжёлый ворочался там. В полной растерянности я пошагал домой.

Другой весной, на том же озере, я опять повстречал «русалку». Но было это уже днём. Она лежала в осоке; виднелась мокрая спина и прижатые к бокам руки. Днём она была не чёрная, а зелёная, в буроватых и желтоватых разводах. Теперь-то я узнал её!

Это была огромная щука, которая выползла на отмель метать икру. Два щурёнка-молочника — её руки! — плотно стиснули её с боков.



Я подошёл слишком близко: щука-икрянка зашевелилась, молочники отошли — щука раскинула руки! И вдруг мощный удар пятнистым хвостом: рыбы рванулись, как стремительные торпеды, рассекая воду и волоча за собой водяные буруны! Ещё всплеск — и всё исчезло; лениво распрямлялась примятая осока,

да мелкая волна бормотала у берега.

«Русалка» опустилась в свой тёмный омут.

Спортсмен

У сойки язык без костей и клюв закрывается редко. Любит похрипеть, поорать. И любопытная до смерти. Суёт нос даже в охотничий шалаш, ну и попадает под выстрел.

Я соек за любопытство не убивал. Охотнику её любопытство на пользу.

Если кричит, — значит, кого-то видит. Может, волка, может, лису или хоть зайца.

Шёл я с фоторужьём и услышал соечий крик.

Сердце не камень — полез я в чапыгу. Порвал рукав, оцарапал колено, угораздил в крапиву.

Перетерплю: вдруг и на самом деле волк, лиса или хоть заяц!

Сойка орёт — я лезу. Уже оба колена оцарапал, на сучок напоролся — наконец выдрался.

На полянке ни волка, ни лисы, ни зайца. Растёт посредине сыроежка; в сыроежке дождевая вода. А на краю сидит лягушонок! Выкупался в сыроежке, как в ванне, и на краешек загорать выкарабкался. Сидит, на меня смотрит. Слушает, как сойка орёт. Отдыхает после водных процедур. Свежим воздухом дышит, принимает воздушные ванны.

Будьте знакомы

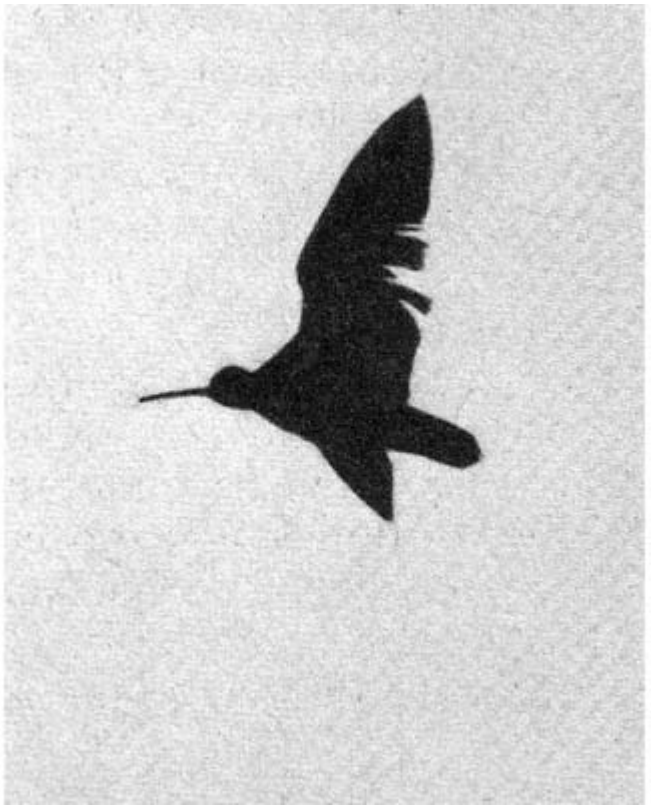
Птиц надо знать. Что за охотник, если он не знает, за кем охотится!

Лучше всего различать птиц по окраске. Но это тогда, когда видишь их близко. А если они летят высоко над головой? Когда никакой окраски не разберёшь, когда виден один силуэт, когда даже белая чайка кажется чёрной? Тогда по силуэту нужно и опознавать. У птиц не только окраска разная, разный и силуэт.

Силуэт надо запомнить, а лучше зарисовать. И если он окажется точно такой, то это чёрный коршун.

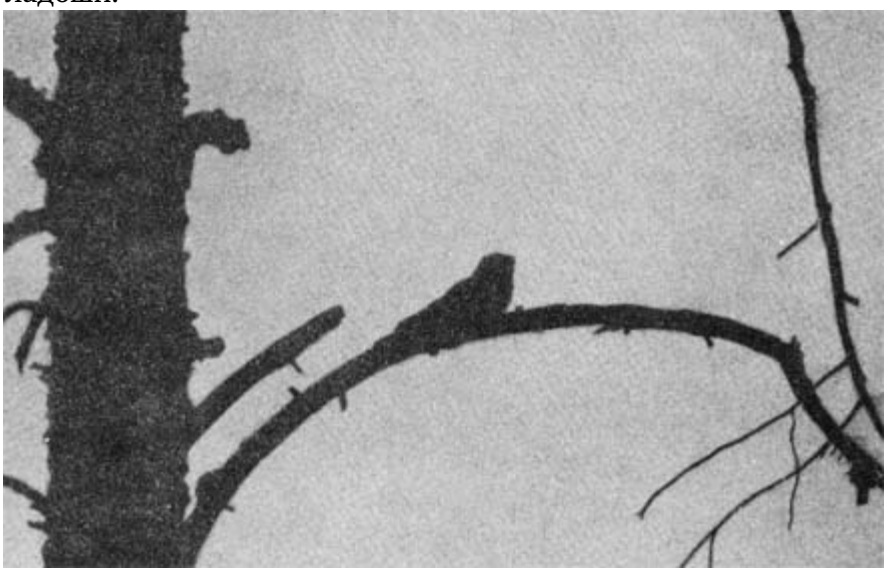
Не разглядишь окраску птицы и в темноте. Тут тоже может выручить её силуэт.

Вот вальдшнеп.



Он в сумерках летает над лесом. То цвиркает, как сверчок, то урчит, как лягушка.

А это вот козодой. Он сидит всегда вдоль сучка и трещит. Или летит, звонко крича: «Уик! Уик!» — и хлопает крыльями, как в ладоши.



Как медведь сам себя напугал

Вошёл в тёмный лес медведь — хрустнула под тяжёлой лапой валежина… Испугалась белка на ёлке — выронила из лапок шишку.

Упала шишка — угодила зайцу в лоб.

Сорвался заяц с лёжки — помчался в гущину.

На тетеревиный выводок наскочил — переполошил всех до смерти. Сойку из-под кустов выпугнул. Сороке на глаза попался — та крик подняла на весь лес.

У лосей уши чуткие, слышат: сорока стрекочет! Не иначе — охотников видит.

Пошли лоси по лесу кусты ломать!

Журавлей на болоте вспугнули — те закурлыкали. Кроншнепы закружили, засвистели уныло.

Остановился медведь, насторожил уши.

Недоброе творится в лесу: белка стрекочет, сорока и сойка трещат, лоси кусты ломают, болотные птицы кричат тревожно. И позади кто-то топочет!

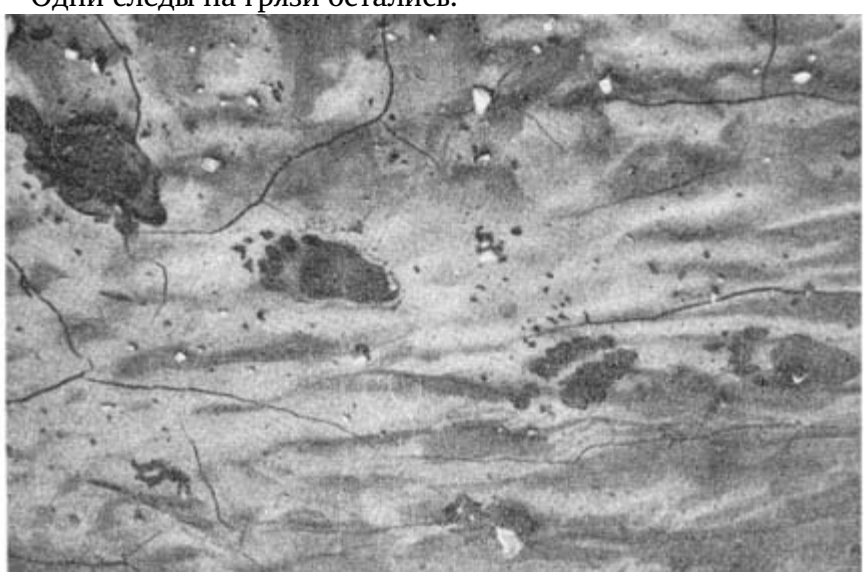
Не уйти ли подобру-поздорову?

Рявкнул медведь, уши прижал да как даст стрекача!

Эх, знать бы ему, что позади-то заяц топотал, тот самый, которому белка шишкой в лоб угодила.

Так сам себя медведь напугал, сам себя из тёмного леса выгнал.

Одни следы на грязи остались.



Скатерть-самобранка

По лесу идёшь — под ноги смотришь. Лес не тротуар, — можно и споткнуться.

Я ногу занёс, а под ногой живой ручеёк. Широкое шоссе.

Вперёд и назад торопятся муравьи: вперёд налегке — назад с добычей. Я посмотрел назад и увидел большой муравейник. Там, у самой муравьиной тропы, птичка — лесной конёк. Она нагибается и хватает муравьев одного за другим.

Не везёт муравьям: их все любят. Любят дрозды и зарянки, дятлы и вертишейки. Любят синицы, сороки и сойки. Любят хватать и глотать. Вот ещё один любитель — лесной конёк.

Только вижу, любитель это особый: не ест муравьев, а грабит! Отнимает от муравьев гусениц, мух и жучков. Высматривает, что повкусней, и, как увидит, — отнимет.

Тянется живой конвейер. На нём чего твоя птичья душа желает. Клюй — не хочу! Молочная река, кисельные берега. Скатертью муравьиная дорожка. Всё на ней припасено. Сам выбирай, сам бери. Скатерть-самобранка.

О лешем

Забрался я как-то под свою ШАПКУ ночью. Приплёлся ко мне и Лесовичок. До рассвета было не близко, и мы, слово за слово, разговорились.

— Скажи мне, Лесовичок, а лешего ты в лесу встречал?

Лесовичок хитренько усмехнулся, зыркнул на меня зелёными глазками и стал что-то шептать.

— Чего ты там шепчешь? — не удержался я.

— Да так, по привычке: сам с собой разговариваю. Да и нельзя про лешего-то громко говорить. Да ещё ночью.

— А ты шепни: встречал или не встречал?

— Как не встречать? Встречал, конечно. Вот только что встретил, как к тебе шёл. Во-он в той лядине.

— Ну и какой же он, леший-то? Говорят, что у него на одной ноге копыто, а на другой лапоть?

— И так бывает, — усмехнулся Лесовичок.

— А верно, что он людей по лесу водит?

— Ещё и как! Потеха: кружат, как зайцы, по одному месту, а он знай хохочет.

— Ну вот что, Лесовичок, меня ты не проведёшь, не на простачка напал. Никаких леших в лесу нет.

Вот тут леший огород копал.

Тут леший дрова рубил.

— Так уж и нет! Поменьше, правда, стало, но ещё порядочно. Ишь ты, прыткий какой — нету! А кто деревья зимой в дугу сгибает? Кто зимой стучит по ночам палкой по стволам? Кто в чащобе голосом дурным кличет? Вот тебе и нету.

— Погоди, погоди! Деревья снег сырой гнёт, по ночам стволы от мороза потрескивают, а голосом дурным сова или филин кричит.

Лесовичок захихикал.

— Гляди, знайка какой! А кто не знает — те всё на лешего валят. Особенно — кто один в лесу ночь проведёт. С вечера ещё хорохорится: никаких леших нет, всё суеверия, бабушкины сказки! А к утру, смотришь, глазки испуганные, ушки торчком, как у зайца, и от всякого шороха дёргается.

— Так что же, Лесовичок, получается?

— А то получается, что леший — это ваше незнание. Я в лесу каждый шорох, каждый запах, каждую тень могу объяснить. А незнайке всё то послышится, то покажется, то причудится.

— Ну, а всё-таки: есть леший в лесу или нет?

— А вот мы сейчас проверим. Ну-ка, приложи ладонь к уху.

Я прислушался. Кто-то возился в болоте и тихонько икал.

Икнёт и губами мокрыми пошлёпает. Никогда раньше я такого не слышал.

— Слышишь? — шепчет Лесовичок, и глазки его зелёные светятся.

— Слышу, — шепчу и я. — Кто это?

— Он это, леший… Огород в лесу копал, на болото мыться пришёл.

— Огород?

— Ну да, огород. Ты что, никогда лешева огорода не видел?

— Н-нет…

— А как он дрова на зиму запасает — тоже не видел?

— Не видел…

— А как зимой саночки по снегу возит?

— И саночки…

— Ну, тогда я тебе покажу. А пока помолчим. Рассветает, Сейчас журавли на болото танцевать выйдут. Готовь своё фоторужьё.

Рассветало. Небо справа пожелтело, и все лужи на болоте справа от нас стали жёлтыми. Слева небо было зелёное. Луна висела на еловой лапе, как зелёный фонарь. И все лужи слева были зелёными.

И вот между зелёными и жёлтыми появились чёрные журавли.

Они стали танцевать, выбивая ногами разноцветные брызги.

(Лесовичок загадал загадки, а вы разгадайте: кто землю вскопал, кто осину срубил?)

Бабочки под землёй

В глубь обрыва ушла штольня. Когда-то тут брали для стройки песок. В глубине штольня разветвилась на лазы, проходы и тупики — как рука с растопыренными пальцами.

Мы протиснулись в узкий лаз, осыпая плечами песок.

Хозяевами заброшенной штольни были теперь летучие мыши, мухи да комары.

Летучие мыши лежали и висели в тёмных углублениях стен. Ушаны прятали свои огромные уши в складках кожистых крыльев. А кожаны и ночницы, когда их гладили по шелковистой спине, сердито пищали и скалили зубы.

Мухи зимовали стаями, усыпав ровные стены. Так же зимовали и длинноногие тощие комары. А в тёмных проходах, где бахромой закудрявился иней, спали бабочки-совки.

Когда мы увидели их, мы забыли мышей, комаров и мух!

Бабочки сидели и так и сяк. Крылышки у всех шалашиком, а два усика — как два папоротниковых листка. Но это ещё не всё. На крылышках у них капли воды, большущие — с горошину! — росинки: вспыхивают, дрожат, переливаются.

Чиркнешь спичку — и сразу фейерверк!

Спичкой качнёшь — на стенах брызги огня!

Звёздочки зелёные, алые, синие. Чёрточки, искорки, стрелки!

Песня из двух букв

Ночью в лесу слышен самый слабый звук. Слышно, как упадёт хвоинка. Как скребёт под корою жук. Как пробежит землеройка — зверь ростом с… пчелу!

Но вот звук незнакомый и громкий послышался с вырубки: резкая трелька из двух букв — «з» и «р»: «З-рррр! З-ррр!»

Иду осторожно, отгибая от лица колючие ветки. На вырубке светло от луны. Стоит засохшее дерево. В дереве чёрное пятно дупла. Незнакомая песенка-трель льётся из дупла, как ручеёк.

Быстро вспоминаю ночных певцов: козодой, сверчок, кузнечик? Нет, всё не то. Тихо подхожу к дереву и скребу его пальцами. Для жителей дупел тихое царапанье страшнее самых громких ударов. Уж им-то известно, что настоящий враг с барабанным боем по лесу не ходит!

Сейчас же стрекотание умолкает — и из дупла выпархивает… летучая мышь!

Потом я ушёл от дупла, и трели послышались снова. Долго пела летучая мышь. Я слушал её с удовольствием. Лету конец, птицы умолкли давно, и в безмолвии ночи радуешься любому

живому голосу. Да и песенка совсем не плоха, хоть и вся-то она из двух букв.

Лесные оборотни

Чудесное в лесу всегда происходит незаметно, без чужого глаза. Вот сегодня: ждал я на зорьке вальдшнепа. Зорька была холодная, тихая, чистая. Высокие ели поднялись на опушке, как чёрные крепостные башни. А в низине, над ручьями и речкой, навис туман. Ивы утонули в нём, будто тёмные подводные камни.

Я долго следил за утонувшими ивами. Всё казалось, что непременно там должно что-то произойти!

Но ничего не происходило; туман с ручьёв медленно стекал к реке.

«Странно, — думал я, — туман не поднимается, как всегда, а стекает…»

Но тут послышался вальдшнеп. Чёрная птица, взмахивая крыльями как летучая мышь, протянула по зелёному, небу. Я вскинул фоторужьё и забыл про туман.

А когда опомнился, — туман уже обернулся в иней! Застелил белым поляну. А как это случилось, — я проглядел. Вальдшнеп глаза отвёл!

Кончили тянуть вальдшнепы. Показалось солнце. И все лесные обитатели так ему обрадовались, будто давно-давно не видели. И я засмотрелся на солнце: интересно смотреть, как зарождается новый день.

Но тут я вспомнил про иней; глядь, а его на поляне уже и нет! Белый иней обернулся в синюю дымку; дрожит и струится она над пушистыми золотыми ивами. Опять проглядел!

И проглядел, как народился в лесу день.

Вот всегда так в лесу: что-нибудь да отведёт тебе глаза! И самое чудесное и удивительное произойдёт незаметно, без чужого глаза.

Ночные охотники

Сидел я в лесной избушке при свете лампы. В окно постучали. Я поднял глаза. На чёрном стекле, с той стороны, билась большая ночная бабочка! Она прилетела из ночного леса на огонёк и билась в стекло так отчаянно, будто за ней гнались. Я хотел открыть окно и впустить бабочку, но вспомнил про комаров и передумал.

Только я опять взялся за дело — по стеклу зацарапали. Кот! Глазищи дикие, усы торчком, а лапой на стекле бабочку ловит. Прижал бабочку мягкой пятернёй, нос свой розовый под лапу сунул и зашевелил усами — съел. Охотничек…

— Брысь! — крикнул я. Кот не ушёл. Он, видно, знал, что на свет прилетят ещё бабочки. Я вышел на крыльцо. Свет из окна похож на луч прожектора. И в этом луче, как пылинки на солнце, толкутся ночные насекомые: мотыльки, бабочки, комары. Там, где свет из окна совсем слабый, носились быстрые тени. Мелькнёт что-то, потом слышится хруст, и сверху, сверкая, летят бабочкины крылышки. Хруст — и падают жёсткие надкрылья жуков. Летучие мыши разбойничают!

Долго я следил за ночной охотой. Увидел я ещё, как метнулся кто-то из темноты на пролетающую летучую мышь, скогтил её и пропал. Не узнать бы кто, да невидимка голос подал: «Ку-вит, ку-вит!»

Сыч! Ну и ловкач! А я раньше и не знал, что сычи летучих мышей ловят. Да и всё тут было ново: коты на бабочек охотятся, птицы на мышей…

Из чёрного ночного леса доносятся незнакомые голоса, — значит, и там есть охотники. Да, может, такие, что… Лучше, пожалуй, в сторожку уйти!

Филипп и Федя

Я прислонился к ёлке и стал слушать певчего дрозда. Дрозд пел на самой верхней еловой свечке. Выше его было только небо. А в небе — звезда.

Дрозд высвистывал. Свистнет и помедлит. Будто прислушивается: так ли свистнул? Ещё свистнет и опять помедлит: так ли отозвалось эхо? И вдруг трель — будто стёклышки посыпались с ёлки! Слышно даже, как язычком прищёлкивает. Рад, наверное, что и свистнуть сумел и эхо отозвалось как надо. Каждый свист — слово. Так прямо свистом и выговаривает:.

— Филипп, Филипп, Филипп! Приди, приди! Чай пить, чай пить, чай пить! С сахаром, с сахаром!

«Кто же этот Филипп?» — думаю я себе.

А дрозд:

— Приди кум! Приди кум! Выпьем, выпьем!

Идут на вершину соседней ёлки взлетел дрозд-сосед. И засвистел:

— Федя, Федя, Федя! Не хочу, не хочу, не хочу!

Так вот он кто — кум Филипп!

— С сахаром, с сахаром, с сахаром! — уговаривает Федя.

А кум Филипп своё:

— Не хочу, не хочу, не хочу!

Так и препирались, пока и в небе и в лесу стало черным-черно. Тогда смолкли. Какой уж тут чай — спать пора!

Загадочный зверь

Кошка ловит мышей, чайка ест рыбу, мухоловка — мух. Скажи, что ты ешь, и я скажу, кто ты. И слышу я голосок:

— Угадай, кто я? Я ем жуков и муравьев! Я подумал и твёрдо сказал:

— Дятел!

— Вот и не угадал! Ещё я ем ос и шмелей!

— Ага! Ты птица осоед!

— Не осоед! Ещё я ем гусениц и личинок.

— Гусениц и личинок любят дрозды.

— А я не дрозд! Ещё я грызу сброшенные лосями рога.

— Тогда ты, наверно, лесная мышь.

— И вовсе не мышь. Бывает, я сама ем даже мышей!

— Мышей? Тогда ты, конечно, кошка.

— То мышка, то кошка! И совсем ты не угадал.

— Покажись! — крикнул я. И стал вглядываться в тёмную ель, откуда слышался голосок.

— Покажусь. Только ты признай себя побеждённым.

— Рано! — ответил я.

— Иногда я ем ящериц. А изредка рыбу.

— Может, ты цапля?

— Не цапля. Я ловлю птенцов и таскаю из птичьих гнёзд яйца.

— Похоже, что ты куница.

— Не говори мне про куницу. Куница мой старый враг. А ем я ещё почки, орехи, семена ёлок и сосен, ягоды и грибы.

Я рассердился и крикнул: «Скорей всего, ты — свинья! Ты лопаешь всё подряд. Ты одичавшая свинья, которая сглупу забралась на ёлку!»

— Сдаёшься? — спросил голосок.

Ветки качнулись, раздвинулись, и увидел я… белку!

— Запомни! — сказала она. — Кошки едят не только мышей, чайки ловят не только рыбу, мухоловки глотают не одних мух. А белки грызут не только орешки.

Тетеревиные ноты

Ещё не поют в лесах тетерева. Ещё только ноты пишут.

Пишут они ноты так. Слетает один с берёзы на белую поляну, надувает шею, как петух. И семенит ножками по снегу, семенит. Крылья полусогнутые волочит, бороздит крыльями снег — нотные строчки вычерчивает.

Второй тетерев слетит да за первым по снегу как припустит! Так точки ногами на нотных строчках и расставит:

— До-ре-ми-фа-соль-ля-си!

Первый сразу в драку: не мешай, мол, сочинять! Чуфыкнет на второго да по его строчкам за ним:

— Си-ля-соль-фа-ми-ре-до!

Прогонит, поднимет вверх голову, задумается. Побормочет, побормочет, повернётся туда-сюда и лапками на своих строчках своё бормотание запишет. Для памяти.

Потеха! Ходят, бегают — расчерчивают снег крыльями на нотные строчки. Бормочут, чуфыкают — сочиняют. Песни свои весенние сочиняют и ножками да крыльями их на снегу записывают.

Но скоро кончат тетерева песни сочинять — начнут разучивать. Взлетят тогда на высокие берёзки — сверху-то хорошо ноты видно! — и запоют. Все одинаково запоют, ноты у всех одни и те же: бороздки да крестики, крестики да бороздки.

Всё разучивают да разучивают, пока снег не сойдёт. А и сойдёт — не беда: по памяти поют. Днём поют. Утром и вечером поют.

Здорово поют, как по нотам!

Душегуб

Мирный репей, добродушный лопух сразу звереет, как только дело доходит до его детишек-семян. Тогда он никого не боится: вцепляется в бока и хвосты самых свирепых собак, а в лесу даже закатывается в шерсть медведей и волков. И только тогда успокаивается, когда всех детишек своих на кого-нибудь да прицепит. Звери потом их из шерсти зубами выгрызают и когтями вычёсывают. А семенам того и надо: упадут на землю и прорастут в новом месте.

Для зверей репей не велика беда: вычесались, и конец. Но он, глупый лопух, и в слабых птичек вцепляется. А это уже беда. Бьётся, бьётся птичка, дёргается, дёргается да и, обессиленная, повиснет. Цепкие коготки мёртвой хваткой вцепились в рыхлые перышки. Хорошо, если мимо человек пройдёт и увидит. Но в горах человек не частый гость…

Три яичка

Шёл я по лесу. Вижу: лежит на земле яичко. Яичко как яичко: беленькое, круглое, небольшое.

«Что, — думаю, — за птица это яичко снесла? Хоть бы посмотреть на неё!»

Посмотрел я вокруг — нет никого. Заметил тогда я место и дальше пошагал.

По лесу ходить — не по панели шагать. Под ноги смотреть надо. А я всё по сторонам глазею. Вот и споткнулся о кучу прелых листьев.

Поднялся и вижу: белеется в листьях ещё яичко! Тоже белое, — продолговатое, небольшое.

Я листьями яичко прикрыл, место заметил. И дальше пошагал. И хоть по делу иду, а не могу по сторонам не глазеть! Бабочки из цветочных вазочек нектар пьют. Кузнечик собственной ногой, как смычком, на своих же крылышках играет. Жук-листовёрт сворачивает из листьев зелёные кулёчки. Муравей под листом стадо тлей пасёт. У каждого своё дело.

Загляделся я — и кувырк с обрыва! Так в песок и зарылся. Хорошо ещё, в речку не угодил.

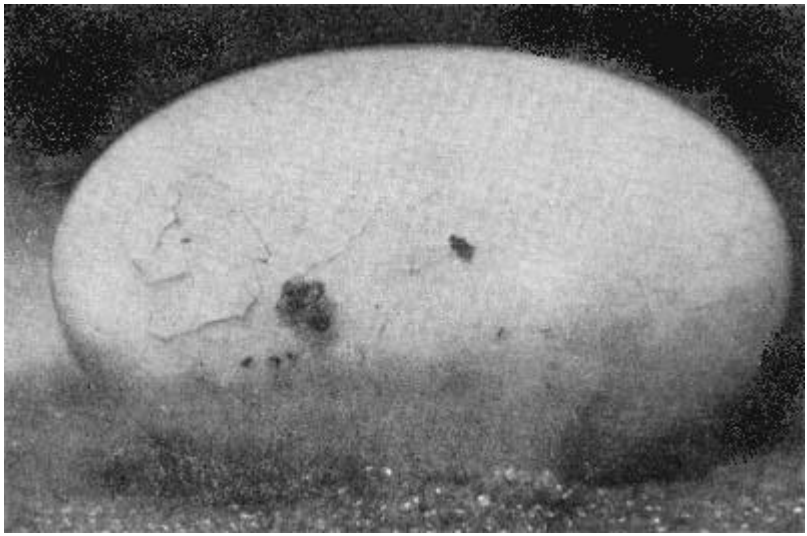
Встал, а в ушах песок, в глазах песок и даже в карманах песок. Отряхнулся, протёр глаза и вижу: торчит из песка яичко! Простое.: беленькое, круглое, как теннисный шарик. Ну и везёт мне сегодня!

Присыпал яичко, заметил место. Сам думаю: «Три яичка и все без гнезда! Может, их и не птицы снесли?» Но тут же вспомнил поговорку: «Если нету птиц, то не может быть и яиц». И сразу успокоился.

Яичко в песке

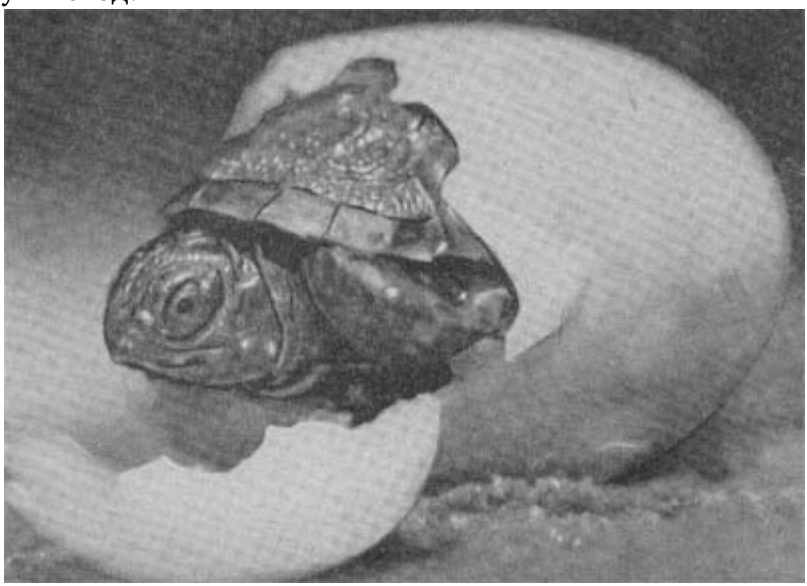
Говорят: «Из яичка вылупится птичка». «Птичка-то птичка, — думаю, — да вот только какая?»

День прошёл, два прошло, на третий собрался я в лес. По сторонам уж больше не глазею — спешу. Вот обрыв у воды, вот песок, в песке яичко. В самый раз поспел: яичко-то уж с трещинкой! Вот-вот высунется в трещинку птичий нос.



Качнулось яичко, кусочек скорлупки выпал — высунулся птичий нос. Смешной такой, нос-коротышка, Толстый, короткий, как у попугайчика. Но попугайчики-то только в жарких странах живут!

Треснула скорлупка, яичко расселось, и… выползла из яйца черепашка! Сама с пятачок, глаза как у змейки, ножки лопаточкой. Один нос птичий. Ковыль-ковыль по песку. Да так ловко, будто всю жизнь по песку бегала. И хоть бы помедлила: сразу в поход!

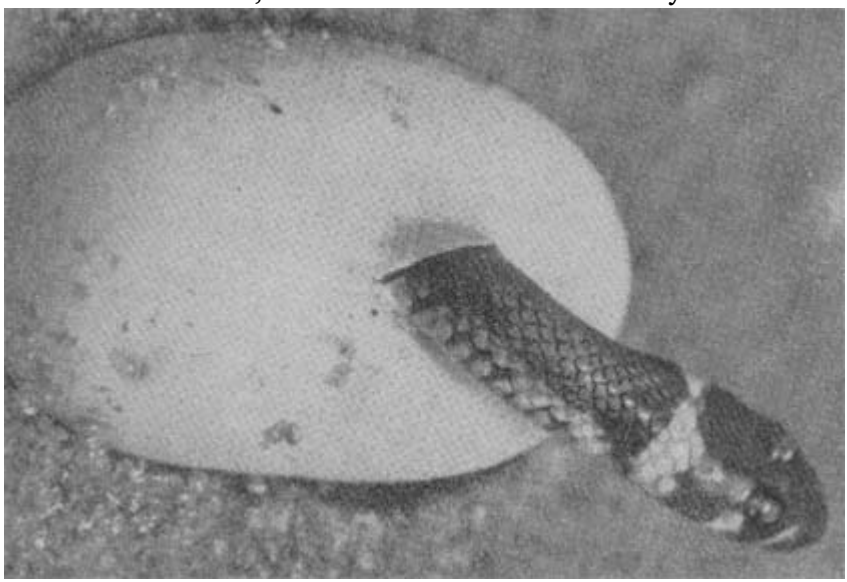


Тут рядом песок зашевелился: полезли из-под него другие черепашки. Не одно яичко было зарыто в песке. Бойкие черепашата: сами из яиц вылезли, сами из песка выползли, сами в воду нырнули. Прямо как большие, хоть ростом с пуговицу.

Яичко в листьях

День прошёл, второй прошёл, собрался я снова в лес. Опять в самый раз поспел. Яичко, что в листьях лежало, набухло, стало упругим, и дырочка в нём проклюнулась. Вот-вот высунется птичий нос!

Шевельнулось яичко, дырочка раздалась, и выползла из него, как краска из тюбика, змейка! Длиной с карандаш, на затылке два белых пятна. Ужонок, конечно. И только глаза как у птички.



Передразнил меня раздвоенным языком, прошипел что-то себе под нос и пополз. Ловко пополз, будто всю жизнь по листьям ползал. За ним другие ужата: тоже не одно яичко под листьями было.

Растерялся я. Вот уже два яичка без птички. Что-то в третьем яйце будет?

Яичко на земле

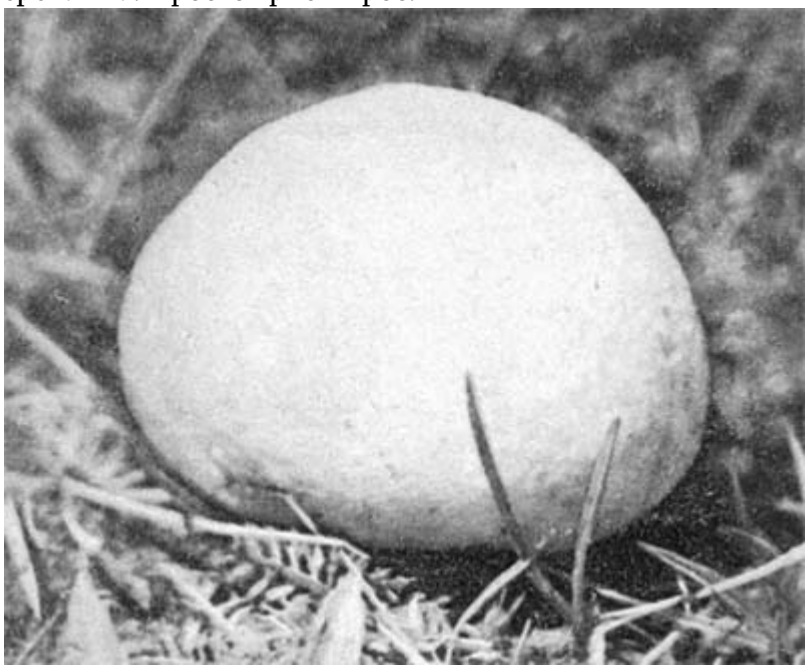
День дома просидел, два просидел, на третий не вытерпел. Пошёл туда, где яичко прямо на голой земле лежит. Последнее из трёх!

Мне торопиться надо, а я опять по сторонам смотрю: столько в лесу интересного! Вот жук-навозник в старый гриб вгрызается — уж одни ноги торчат. Вон гусеницы по земле ползут, да не как попало, а стройной колонной, ряд за рядком, как солдаты на марше. А вон муравей улитку укусил — она как запищит! Вот никогда не думал, что улитки умеют пищать! Надо будет

запомнить.

На этот раз я опоздал. Вот та полянка, вот моя метка, а яичка нет! Растёт на месте яичка… гриб! Здоровый, в два кулака дождевик.

Понял я, что вовсе не яичко я тогда нашёл. Просто торчала из земли маленькая грибная шляпка, только что высунулась. Потому-то и не вылупилось из неё ничего: ни птичка, ни змейка, ни черепашка. Просто гриб вырос.



И хоть бы гриб какой стоящий, а то гриб-дождевик! Это тот самый, из которого, если наступить, бурая пыль летит. Ни варить его, ни солить, ни жарить. Только ногой поддать.

Я так и сделал: как наподдал, так пыль и заклубилась!

Вот вам и «простые» яички!

Вот вам «из яичка вылупится птичка».

Вот вам и «если нету птиц, то не может быть и яиц».

Всё может быть!

Пищухин вальс

Пищуха танцевала вальс. Маленькая птичка — носик шильцем, хвостик подпорочкой — кружила на коре толстой ели. Легко два раза прыгала вверх, потом склоняла головку к плечу, касалась носиком ножки и вдруг поворачивалась вокруг себя! Прыжок, склонённая головка, клювик и ножка, быстрый поворот. Раз за разом, круг за кругом, фигура за фигурой. Шуршали по коре тонкие коготки и жесткие перышки. Пищуха неслась в вальсе.

Когда видишь никогда до того не виданное, то хочется только смотреть. Но погодя хочется всё понять. Почему пищуха танцует, вальс? Птичка эта скрытная и малозаметная. Не мудрено, что танца её никто раньше не замечал. Но что за радость у неё сегодня, отчего она так ловка и быстра, почему так блестит чёрный глазок? Ведь по-вчерашнему светит солнце, ни жарко ни холодно, всё те же вокруг травы и листья.

Я вглядываюсь в еловый ствол и внизу, у самой земли, вижу узкую тёмную щель. Так и есть: в щели гнездо, в гнезде птенцы! Но не от радости птичка танцует. Пищуха видит меня, и страх сжимает её крохотное сердчишко. И она танцует от страха.

Прыжок вперёд, головка к плечу, носик к ноге, быстрый поворот. Раз за разом, поворот за поворотом, фигура за фигурой. Шуршат коготки, блестят глаза. Птичка танцует пищухин вальс — танец страха.

Песенка подо льдом

Это случилось зимой: у меня запели лыжи! Я бежал на лыжах по озеру, а лыжи пели. Хорошо пели, как птицы.

А вокруг снег и мороз. Слипаются ноздри и стынут зубы. Лес молчит, озеро молчит. Петухи в деревне молчат. А лыжи поют!

И песенка их — как ручеёк, так и льётся, так и звенит. Но ведь не лыжи, в самом деле, поют, где уж им, деревянным. Подо льдом кто-то поёт, прямо у меня под ногами.

Уйди я тогда, и подлёдная песенка осталась бы чудесной лесной загадкой. Но я не ушёл…

Я лёг на лёд и свесил голову в чёрный провал.

За зиму вода в озере усохла, и лёд навис над водой, как лазоревый потолок. Где навис, а где обрушился, и из тёмных провалов курчавится пар. Но ведь не рыбы же поют там птичьими голосами? Может, и вправду там ручеёк? Или, может, звенят рождённые из пара сосульки?

А песня звенит. Живая она и чистая; такую ни ручью, ни рыбам, ни сосулькам не спеть. Такую только одно существо на свете может спеть — птица…

Я стукнул лыжей по льду — песенка смолкла. Я постоял тихо — песенка зазвенела опять.

Тогда я что есть силы стукнул лыжей об лёд. И сейчас же из тёмного провала выпорхнула чудо-птица. Села она на край полыньи и трижды мне поклонилась.

— Здравствуй, подлёдная певунья!

Птичка опять кивнула и спела на виду подлёдную песню.

— А я ведь знаю тебя! — сказал я. — Ты — оляпка, водяной воробей!

Оляпка ничего не ответил: он умел только кланяться и кивать. Снова юркнул он под лёд, и оттуда загремела его песня. Ну и что, что зима? Подо льдом ведь ни ветра, ни мороза, ни ястреба. Подо льдом чёрная вода и таинственный зелёный полумрак. Там, если погромче свистнуть, всё зазвенит: эхо помчится, стукаясь о ледяной потолок, увешанный звонкими сосульками. Чего бы оляпке не петь!

А нам чего бы его не послушать.

Поющее дерево

Всю ночь скрипело в лесу дерево: скрип-скрип, скрип-скрип… И, ветер с шипеньем накатывался на вершины, как тяжёлая волна. И опять скрипело дерево о своей серой древесной жизни.

Сколько отшумело тысячелетий, пока в глухом лесу, рядом с мёртвым скрипом деревьев, родился настоящий, живой голосок? Сначала, наверное, и он был вот таким же нудным, робким и слабым, как этот скрип.

Волны накатывались и накатывались, а дерево всё скрипело и скрипело. И я уснул.

Проснулся я не от шума, а от тишины. Ветер утих, замолчало дерево, и стало слышно, как падают с ёлки сухие хвоинки.

И вдруг дерево запело! Сперва тихо и робко, а потом всё смелее и громче. Запело живым голосом, и звуки неслись не с ветвей, а изнутри ствола, из самой древесной сердцевины. Дерево верещало, стрекотало, что-то выкрикивало — дерево пело!

Это был не сон. Было утро, и я видел, как ленивым колечком поднимался с лесной полянки туман. Росинки стреляли в солнце синими и красными стрелами. А на сучке зевал и потягивался дятел.

Может, вот так когда-то и родился в лесу живой голос?.

Не хотелось вставать, а ещё больше не хотелось разрушать тайну поющего дерева.

Тайну разрушил дятел. Как волшебную палочку, поднял он вверх свой длинный нос, качнул головой и громко крикнул. И дерево в ответ на крик вдруг запищало, завопило отчаянно и нетерпеливо. Оно уже не пело: оно кричало, звало, торопило, просило и умоляло.

У каждой загадки — своя отгадка. В дереве дупло, в дупле — гнездо, а в гнезде — дятлята.

Всю ночь дерево качало их и баюкало, песни им лесные скрипело. Утром пришёл их черед, и понеслось из дерева настырное и голодное верещание.

Много тысячелетий слышался в лесу унылый скрип. Но когда-то зазвучал в нём первый живой голосок. И может, вот так же зазвучал на рассвете, в дупле, под надёжной защитой какого-то дерева.

Жабий король

Царевну-лягушку на белой кувшинке я и раньше встречал. А теперь повстречал и жабьего короля! С белым пушистым пером на голове.

Король прыгал, и белое перо-султан мелькало в сумеречной траве. А когда голый король шагал раскорякой на своих четырёх кривых лапках — перо виляло из стороны в сторону, словно веер. Перо ему было к лицу. Белый султан на бугристой короне. Прямо над бессмысленным золотым глазом. Совершенно непонятный и необъяснимый. Даже сказочный.

Непонятный и необъяснимый… если бы рядом не стоял курятник! Из него-то жаба и выползла. Там-то и прилипло к её голове пушистое куриное перышко.

Звериная баня

Дикие звери тоже в баню ходят. И больше всех любят бегать в баню… дикие свиньи! Баня у них простая: без жара, без мыла, даже без горячей воды. Всего-навсего одна ванна — лунка в земле. В лунке — вода болотная. Вместо мыльной пены — жижа. Вместо мочалки — пучки старой травы и мха. Вас бы в такую «баню» и не заманить. А кабаны так и лезут. Вот до чего баню любят!

Но ходят кабаны в баню совсем не за тем, зачем ходим мы. Мы зачем в баню ходим? Мыться. А кабаны ходят… пачкаться! Мы грязь с себя мочалкой смываем, а кабаны нарочно грязь на себя намазывают. И чем больше вымажутся — тем хрюкают веселей. И после своей свиной бани они в сто раз грязнее, чем до неё. И рады-радёшеньки! Уж теперь-то сквозь грязевой панцирь никакие кусаки до их шкуры не доберутся: ни комары, ни москиты, ни слепни. Щетина у них летом редкая, вот они и намазываются. Выкатаются, вымажутся — и не почешутся!

Весёлые старушки

На солнечной скале веселятся крапивницы. Бабочки перезимовали зиму и радуются теплу. Зима свирепой была, её ледяные когти проникли в самые потайные убежища. Не все бабочки выжили. Крылышки у них выцвели и потёрлись. Кто без усов остался, кто без ноги. А у кого от цветных крыльев одни жилки остались, как у высохшего листа. Но пережившие свой век калеки и инвалиды, древние бабочкины старушки всем на зависть весёлые и игривые! Старушки играют в пятнашки!

Весело налетает пятна́ на спокойно сидящих, дремлющих на припёке. Мелькание крыльев, весёлая суматоха, стайка бабочек штопором ввинчивается в синее небо. Они кувыркаются и барахтаются на струях тёплого ветра. Потом сломя голову кидаются вниз и снова рассаживаются на гладкой нагретой скале. Они игриво поводят обтрёпанными крылышками и расправляют лапками ощипанные усы. Старики и старушки играют и веселятся. Словно и не было позади страшной зимы.

Отчего у лисы длинный хвост?

Конечно, от любопытства! Не оттого же, что она на хвост рыбу будто бы в проруби ловит. И не потому, что следы будто бы хвостом заметает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается всё с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем ещё маленькие и короткие, как у всех зверят.

Но вот глаза прорезались, и хвосты сразу же начинают вытягиваться! Становятся всё длинней и длинней. И как же им не длиннеть, если лисята изо всех силёнок тянутся к светлому пятнышку — к выходу из норы. Ещё бы: шевелится там что-то невиданное, шумит неслыханное и пахнет нечуянным!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из неё только на длину своего ещё короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чура — я дома.

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймайте нас!

Лисята тянутся, тянутся всё дальше и дальше. Хвостишки их вытягиваются, растягиваются. Становятся всё длинней и длинней. От любопытства, конечно. От чего же ещё?

Клад

Я нашёл клад. Он был спрятан в потайном месте, под густым развесистым папоротником. Только раздвинул ажурные перья — и вот он, у моих ног! Горстка сияющих драгоценностей. Жемчуга, перламутр, бриллианты. Это птичье гнездо. И в нём яички: прекраснее перламутра и жемчуга! Что жемчуга — они мертвы. А в яичках жизнь и тысячи тысяч будущих песен.

Сколько таких кладов спрятано по горам! В густой траве, в дуплах деревьев, под корнями пней и в щелях скал. И только одним эти клады отличаются от настоящих: их лучше не трогать. Лишь ненайденные и нетронутые, смогут они принести людям радость.

Крылатое дерево

Многое я повидал в горах, и удивляться уж почти перестал, да снова и удивился. Нашел крылатое дерево! Ёлку, увешанную крыльями птиц! Стою смотрю, и сладко так покалывает под ложечкой: рядом тайна.

Висят на еловых лапах крылья грачей, сорок и ворон. Крылья кедровок, сизоворонок, галок, голубей, соек. Чёрные, серые, бурые, голубые, пёстрые. Как праздничные флажки. Как бельё на верёвке после большой стирки. Или это сами птицы крылья свои после дождя вывесили на просушку? Вот какая чепуха лезет в голову!

Конечно, всё сейчас разгадается. Всё станет понятно и просто, всё объяснится. Я поэтому и не спешу: хочется подольше побыть наедине с загадочным и непонятным. Всё меньше вокруг нас остаётся загадок, всё скучнее становится.

Да, всё просто. На ёлке гнездо сокола, в гнезде маленькие птенцы. Соколы ловят для них птиц и готовят для деток котлетки. Ощипывают грачей и ворон, сорок и голубей, отрывают и бросают жёсткие крылья. Крылья и перья застревают в густых еловых лапах. Вот и висят они как праздничные флажки, как игрушки на новогодней ёлке.

Жаль, ещё одной загадкой в горах стало меньше…

Лесные пословицы и поговорки

Для медведя зима — одна ночь.

Рысь за двумя зайцами не гонится, но одного не пропустит.

Подёнка один день живёт, а подёнки — вечно.

Муха с мухоловкой не уживутся.

С волка один спрос — что за телёнка, что за цыплёнка.

Любит тетерев тетеревятника, как перепёлка перепелятника.

И у навозного жука был день рождения.

Каждый на своих лапах стоит.

Кроту падать некуда.

* * *

Повстречались с Лесовичком на опушке, он мне и говорит:

— Ростом ты против меня эвон какой, только я тебе не завидую!

— Что так? — удивился я.

— А то, что вижу я вдвое больше тебя. Ты привык на всё свысока смотреть, с высоты своего роста. У тебя на всё одна точка зрения. У тебя точка, а у меня — кочка!

Лесовичок вскарабкался на кочку, приложил ладошку козырёчком ко лбу и огляделся.

— Во, вижу! — крикнул он.

— Чего видишь? — спросил я.

— Невиданное вижу. О-ё-ё-ё-ё-ёй! Хочешь посмотреть?

— Ещё бы! — воскликнул я.

— Тогда скорей опускайся на четвереньки!

— Куда опускаться?

— На четвереньки, на четвереньки! А то глазеешь, как пожарник с вышки.

Я опустился на четвереньки. О-ё-ё-ё-ёй! Действительно! Вот это да!

— Чего я тебе говорил? — подмигнул Лесовичок. — Кочка-то не хуже точки. Так-то, брат. Хочешь понять жизнь птиц — по воздуху полетай, покачайся на ветках. Хочешь понять насекомых — поползай на животе, а четвероногих — опустись на четвереньки. Да вот с их кочки-то о них и суди!

Отчаянный путешественник

Путешествие — трудное дело. Всякий путешественник терпит невзгоды. И упорные, бывает, сдают.

Но есть путешественники беззаветные, неколебимые, просто отчаянные. О них я подумал, когда увидел на снегу паучка.

Вот он — чёрная точка рядом с лыжнёй. Ножки поджаты; мёртвый, оцепенелый, застылый. Но поднимется солнце, пригреет чуть — и он оживёт. Зашевелится, разомнёт замлевшие лапки — и снова в путь!

Так и идёт: светит солнце — бежит всё вперёд и вперёд. А накроет тень — съёжится и лежит. Лежит и ждёт терпеливо, авось тепло опять воскресит, — чтоб снова продолжить путь!

Бежит и лежит, лежит и бежит. Такому предел — только смерть.

Флажки на болоте

Неохота вылезать из-под тёплого одеяла! За окном сырая весенняя ночь. Без того знобит, а тут натягивай ещё скользкие сапоги, задубелую куртку.

— Ну куда тебя несёт? — возмущается во мне нытик. — В чёрное лесное болото? Под сапогами будет булькать вода, засопит и зачмокает хлябь, в глаза будут тыкаться сучья…

А бодрячок хорохорится:

— Подумаешь — хлябь, первый раз, что ли? А вдруг что-нибудь и увидишь!

— Ну и что ты увидишь? — канючит нытик. — Всю весну месишь грязь; всё уже видано-перевидано! Всё расписано по минутам. В два пятьдесят заблеет бекас, в три часа прилетят косачи, через пять минут они запоют. В пять десять пролетит над током ворона, в пять тридцать прилетят на болото чайки. Хоть часы проверяй!

А вдруг? — сопротивляется бодрячок.

— Что «вдруг», что «вдруг»? — сердится нытик. — «Вдруг» только в книжках бывает. А вот ноги будут в засидке мёрзнуть — чай, воды по колено. Спина замлеет, пальцы перестанут сгибаться. И уж это не вдруг, а наверняка!

— Всё так! — вздыхает бодрячок. — И руки, и ноги, и пальцы. И замлеет спина. И чайки прилетят в половине шестого. Пошли!

Я выхожу за дверь и долго стою, приглядываюсь к темноте. Но вот сдвигается туча и показывается луна. И сразу земля отделилась от неба — можно идти.

Я шагаю мимо деревни. Морозит, грязь под ногами мнётся, как упругий пластилин. Луна поочерёдно вспыхивает в окнах домов, будто в них кто-то зажигает и сразу же гасит свет.

Я иду по болоту, и лунный свет теперь уже вспыхивает и гаснет в лужах. Всё — как говорил нытик: и темь, и холод, и хлябь.

Бодрячок хрипло дышит. Потом толкает меня под ШАПКУ и прячет нос в воротник.

Два часа пятьдесят минут. Над головой заблеял бекас.

Три часа. Короткое «па-па-па!» — и рядом уселся косач.

Три часа пять минут. Слышится странное бульканье, будто воду льют из бутылки. Это косач заворковал.

Нытик зевает:

— Я что говорил? И вдруг…

Бодрячок кричит прямо в ухо:

— Ты только послушай, ты такого ещё не слыхал!

— Тише, тише, — успокаиваю я его. — Может, тебе показалось?

Но я уже знаю: не показалось! Слышатся звуки, которых я ещё не слыхал. Я слушаю и пишу: «3 часа 30 минут. На чёрном болоте незнакомые звуки — будто быстро лопаются пузыри». Как и положено, ровно в пять десять над током пролетела ворона. Ровно в пять тридцать появились и чайки. Но нытик уже не ехидничает.

Вода на болоте золотая от солнца. Кочки в ней — как чёрные камни. И чуть не на каждой кочке — белый флажок! Непонятные белые треугольники, непонятные тихие звуки.

Белые точки то появляются, то исчезают. Так умеют подмигивать солнечные зайчики. Но это не «зайчики», это чибисы. Первый раз в жизни я вижу чибисиные танцы!

Бодрячок хватает нытика за воротник:

— Будешь, будешь скулить? Говорил я тебе «а вдруг»? То-то, Фома неверный!

На каждой кочке — пара. До чего ж они хороши! Зелёные крылья и спинки, снежно-белые грудки и красные ножки, блестящие от росы и солнца.

Он поклонится ей, клювом сорвёт травинку и отбросит её вправо. Она сейчас же — ответный поклон, тоже сорвёт травинку, но отбросит влево. Поклон и травинка, поклон и травинка. Наверное, на счастье бросают: по всему видно, что будет у них тут гнездо.

«У-у, ку-ку-ку-ку! У-у! ку-ку-ку-ку!» — начинает петь кавалер, а сам клонится грудкой в мох, сложенные крылья ставит торчком, хвостик задирает вверх и трясёт им, как белым платочком.

Чибисы ждали этого дня. Хорош бы я был, если б его пропустил! Никогда б не узнал, что этот пернатый народец так занятно танцует на кочках болота.

Я тычу нытика носом в мох. Потому что новое не узнать — это хуже, чем старое позабыть. Подумаешь, старое! Оно всем известно.

Птичьи причёски

Птичьи причёски можно смело в парикмахерских выставлять. И при виде их дрогнет и замрёт не одно сердце. Ну, например, вот. Это степной щеголь — журавль. Его так и называют: журавль-красавка. Правда, хорош?

Он ловко шагал, как шагает спортсмен или танцор. Он посматривал свысока, с ленцой поворачивал стройную шею, и белые косицы его чуть подрагивали в такт широким шагам. Как сжалось бы его птичье сердце, если бы он вдруг заметил меня! Но он не заметил, сердце его не сжалось. И тогда моё подскочило от радости: я мог спокойно снимать!

Вот ещё замечательная причёска. Когда он заметил меня, «волосы» на его голове встали дыбом! Глухим, каким-то потусторонним голосом он прокричал: «Кто-то тут? Кто-то тут?»

— Никого нету тут, — пробурчал я, пытаясь усыпить его бдительность.

Удод недоверчиво покосился, но причёска его улеглась.

Два раза ещё он распускал свой лихой и роскошный хохол: один раз, когда к нему подсела его подружка, и второй раз, когда он так перед нею раззадавался, что чуть не упал с ветки!

Растерявшиеся перелески

Перелески любят на солнце смотреть. Всю весну глаз с солнца не сводят. Глаза жёлтые, ресницы белые — куда солнце, туда и глаза. Как проснутся, так глаз на восток. И весь день, как заворожённые, поворачивают головки от востока на юг, а от юга на запад. Солнце за лес — перелески ресницы смежат и спят до утра.

Весело и просто на солнце глядеть: знай только голову поворачивай.

Но однажды перелески растерялись. Солнце поднялось за облаками. И днём его было не видно. И вечером садилось за тучу. В какую сторону голову поворачивать?

Растерянно смотрят золотые зрачки из-под белых ресниц. Головки повёрнуты в разные стороны. Смотрят, смотрят, а солнца и нет!

Согнулись слабые шейки. Поникли белые венчики. Глаза уставились в землю.

Единственная кочка

— Давно ли, брат Журавль, мы с тобой в Африке от жары изнывали? А сейчас от холода аж поджилки трясутся! Поторопились мы с тобой домой, поторопились… На всё наше болото одна кочка оттаяла!

— Для тебя, братец Чибис, это просто кочка одна, а для меня она — единственная! Я, брат, из яйца на ней вылупился. Бывало, вспомню о ней в жаркой Африке — так и похолодею. А сейчас увидал — даже в жар бросило!

Горячая пора

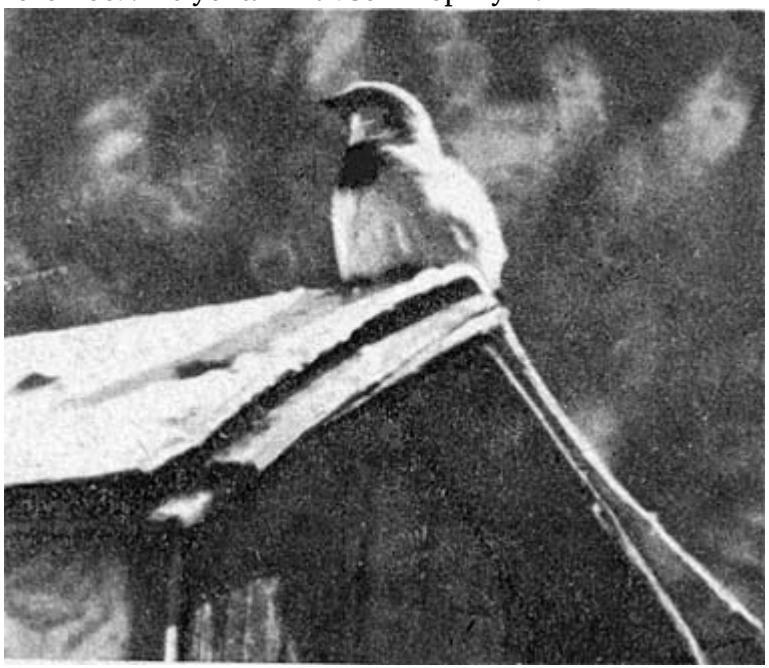
Настала пора гнездо выстилать: каждое перышко на счету, всякая шерстинка в цене. И вдруг видит воробей: скачет по земле большущий клок ваты! Ну, если бы он просто лежал — другое бы дело. Тогда не зевай, налетай и хватай, пока другие не опередили. Но клок не лежит, а сам по земле как живой скачет! Все воробьи вокруг клювы разинули от удивления.

Вот клок ваты вспорхнул вверх и уселся на дерево. Потом запрыгал с ветки на ветку. Покрутился, покрутился да как полетит! Смешно летит: как слепой, ровненько, как по ниточке. Да сослепу-то со всего-то разгону бряк о столб телефонный! И вывалился тут из клочка ваты… сосед-воробей!

Тут уж все поняли, что не сама вата по земле прыгала и по воздуху не сама летала: воробей её тащил. Такой клок ухватил — больше себя ростом. Один хвост из ваты торчал.

Ухватить-то ухватил — всех опередил! — да закрыла вата ему весь белый свет. И бросить жалко, а куда тащить, в какой стороне гнездо — из-за ваты не видно. Скакал, порхал да и на столб напоролся; нос расшиб и вату обронил.

Другие воробьи, конечно, сразу же её утащили. Прямо из-под разбитого носа. Не успел и глазом моргнуть.

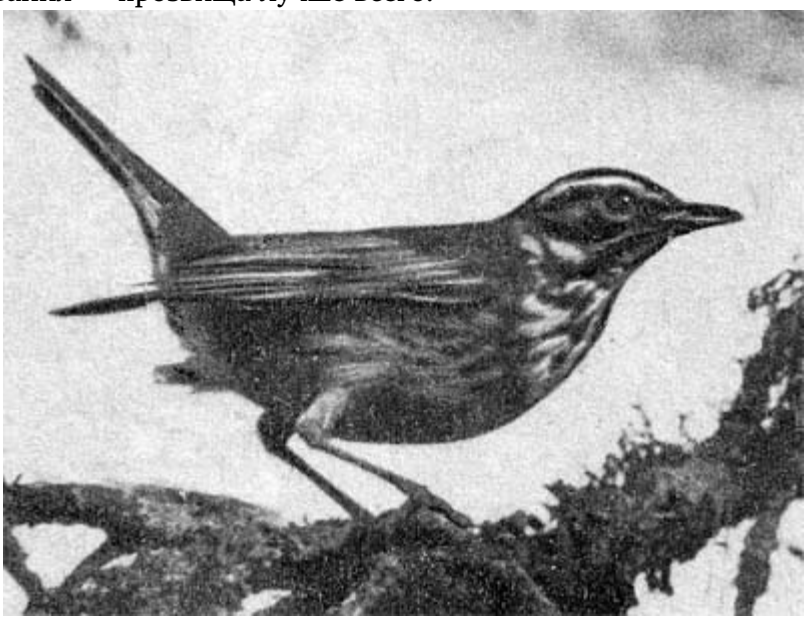


Имена птиц

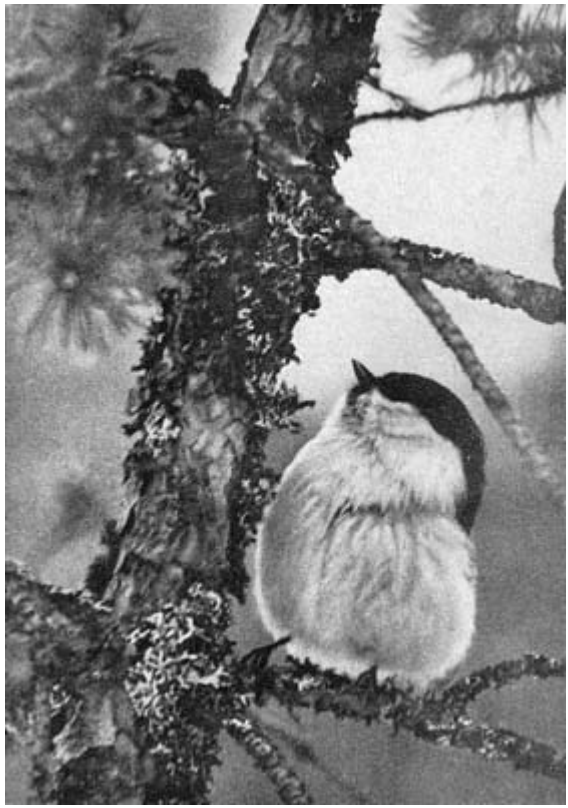
Забавные у птиц встречаются имена!1 Ну, например, птица поганка. Поганка, да ещё и рогатая! Или птичка завирушка. Или юла.

А вот совсем милые имена: овсянка, просянка, коноплянка, малиновка и даже чечевица! А разве плохое название чиж или чечётка?

Или вот, пожалуйста: зеленушка, синехвостка, сизоворонка! Названия — прозвища лучше всего.



Вот белобровик.



Вот пухляк.

В этих именах и внимание, и радость от встречи, и счастье открытия. Зарянка… Это та, что поет на заре. Лунь… Это тот, что «сед, как лунь». Кукушка… «Кукушка, кукушка, сколько мне лет ещё жить?» А она: «ку-ку» да «ку-ку», и чем дольше кукует, тем ты больше доволен.

Бывают названия скучные: каменка обыкновенная, горлица обыкновенная. Птица — и вдруг «обыкновенная»! Да не могут птицы быть «обыкновенными»! Вы только к ним присмотритесь, прислушайтесь. Живое не бывает обыкновенным.

Живых называть надо метко и весело, чтоб и в определителях не копаться: пришёл, увидел — узнал!

В конце таинственного следа…

Сверху озерко с песчаным пляжем казалось голубым блюдечком с золотой каёмочкой. Не бороздили воду рыбачьи лодки и не топтали песок грубые рыбачьи сапоги. Безлюдно вокруг. А там, где безлюдно, там всегда многоптично и многозверно.

Я приходил к озерку смотреть звериные росписи на песке. Кто был, что делал, куда ушёл? Вот лиса воду лакала, ножки намочила. Зайчишка на плюшевых лапках проковылял. А вот след со звериными когтями и утиными перепонками — это выдра из воды вылезала.

Знакомые следы знакомых зверей.

И вдруг следок незнакомый! Бороздки и двоеточия: то ли зверёк, то ли птица, то ли ещё кто? Пересёк след песок и исчез в кустах.

Вот ещё непонятный след-бороздка протянулась из кустов и пропала в траве.

Следы, следы: незнакомые следы незнакомых жителей берега. Кто там, в конце этих бороздок, двоеточий, чёрточек? Скачет он, ползёт или бежит? Чем покрыто его тело — перьями, шерстью или чешуёй?

Ничего неизвестно. И потому интересно. Потому я и люблю приходить на безлюдный бережок озера, похожего на голубое блюдечко с золотистой каёмочкой.

Вот кто оказался в конце следа-бороздки.

Каменная перинка

Птенцы вылупляются слабыми.

Только поднимут головы вверх — и тык в землю носом!

Но мамы о них заботятся. Под животы и бока стелют перышки и пушинки. Пушинка к пушинке, перышко к перышку. Ни живот не натрёшь, ни бока не наломаешь, хоть через голову перекатывайся и тыкайся носом хоть тысячу раз!

И вдруг нахожу гнездо, в котором яички на голых камнях лежат! Ни листика, ни травинки, ни перышка, ни пушинки. Одни камешки, жёсткие да гранёные.

В таком гнезде не разбалуешься, через голову не перекатишься. Носом тыкнешься — тоже в камень! Будто не мать перинку стлала, а злая мачеха.

Вылупились в каменном гнезде птенцы — каждый со своею перинкой! В пуху с головы до ног, будто знали, что им на голых камнях лежать. Не унывают: головки уверенно держат, глаза смотрят весело, ножки не расползаются. Хоть сразу наперегонки! Люлька таким не нужна. Чуть обсохли — и ходу. Прощай, каменное гнездо! А спать в пути захотел — постелька всегда с собой: живот подстелил, пуховой спиной накрылся. Мать зуйчиха

будет сон сторожить. Никому в обиду не даст. Потому что мать она, а не мачеха.

Лосиха

Лосиха бросила против меня своих верных разведчиков: глаза, уши, ноздри. Разведчики своё дело сделали: глаза поймали движение, уши уловили шорох, ноздри — запах. Теперь разведчикам отдыхать, ногам — работать!

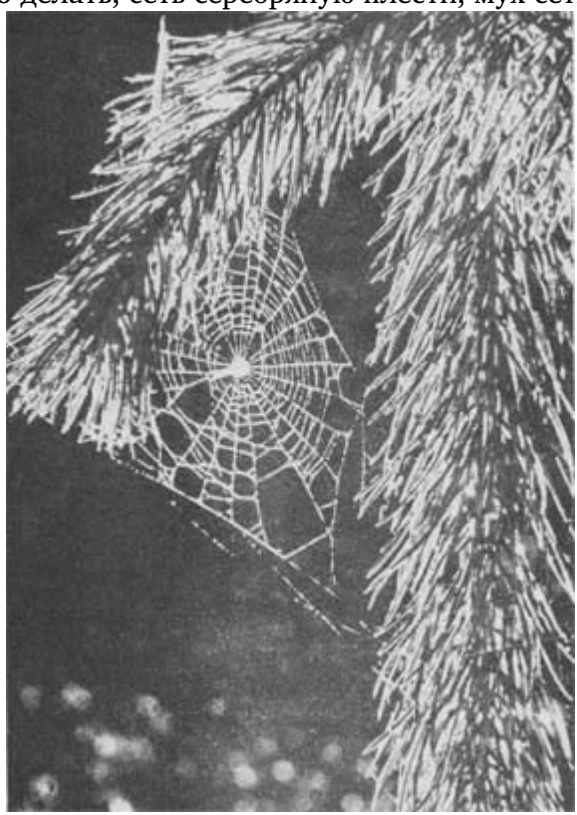
Выеденное яйцо

Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сеть плети. Паучишка только тем и занят, что сети плетёт. А это — ой как не просто!

Сплёл между деревьями — ветер сеть разметал. Сплёл между кустами — роса на сеть осела, все нити порвала. Соткал сеть внизу, между травинок — и тут не уцелела! Ёжик бежал, колючками зацепил, сеть порвал и самого чуть не заколол.

Другой бы, может, после бед таких вовсе перестал бы сети плести. А паучишке что делать? Хочешь жить — мух лови. Хочешь муху поймать — сети плети.

Опустился паучишка на самую землю и поселился в пустом птичьем яйце! Ворона яйцо расклевала, белок и желток выпила, а пустую скорлупку бросила. Вот дом так дом — всем домам дом! Ветер не дует, дождик не мочит, птицы и звери внимания не обращают: кому выеденное яйцо надо? Паучишка и рад: не мешают дело делать, сеть серебряную плести, мух сетью ловить.

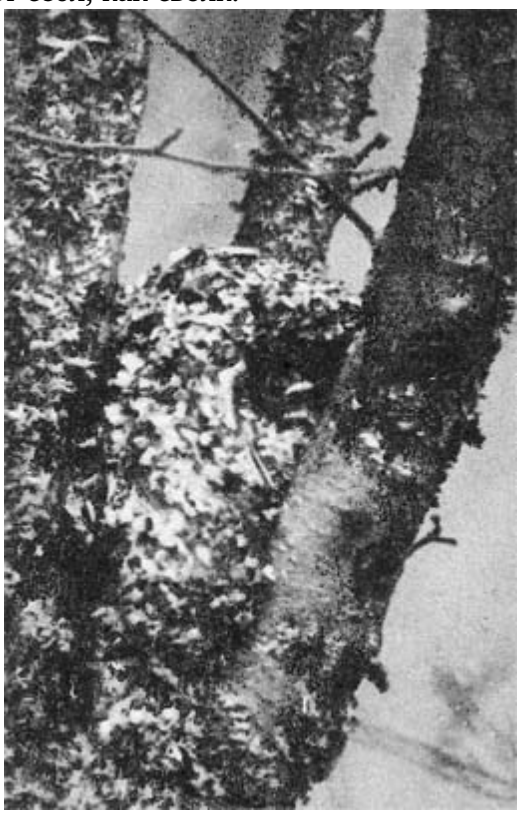


Третий

Две птички сплетали гнездо — круглое, как яичко.

Две птички маскировали его — мохом, лишаями, паучиными коконами. Две птички поочерёдно высиживали яички — кругленькие, как горошинки. Две птички тревожились у гнезда. Всегда и везде они было вдвоём. Две длиннохвостые синички. Неотличимые и неразлучные.

И вот у парочки вылупились птенцы. И тут у гнезда объявился третий! Тоже длиннохвостая синичка: чужак или чужиха. А ведёт себя, как свояк.



Будто и он гнездо сплетал. Будто и он маскировал. И яйца высиживал, и тревожился. Нос свой короткий в гнездо суёт, птенцов пауками и мухами угощает. И парочка моя его терпит!

Горихвостки бы третьего до смерти заклевали, дятлы бы из леса прогнали, дрозды бы хвост выщипали. А эти — хоть бы что!

Три птички у гнезда стали жить. Дружной троицей улетают, дружно в ветвях перекликаются, дружно насекомышей ищут. Дружно к гнезду летят и, один за другим, птенцов кормят. Птенцы быстро растут. В окошко выглядывают. Ждут папу с

мамой. И третьего, неизвестного.

Кто же он, этот третий?

Может, несчастный, который своих птенцов потерял и вот к чужим прибился? Такое у птиц бывает. Может, это сын их или дочь прошлогодние? И такое у птиц бывает, А может, родственник или знакомый, что сам гнезда не свил? Кто его знает, на лбу у него не написано.

Вырастили птенцов три дружные птички. Да не мало, а целую дюжину!

Дятлово колечко

Дятел — мастер на штуки.

Может дупло выдолбить. Ровное, круглое, как пятачок.

Может станок для шишек смастерить. Втиснет шишку в него и выколачивает семена.

Есть у дятла и барабан — звонкий упругий сучок.

Надолбится, набарабанится — захочет пить.

На этот случай есть у дятла питьевое колечко. Его он тоже делает сам.

На землю дятел спускаться не любит: коротконогий он — неловко ему на земле. Не летает он и на водопой — на речку или к ручью. Пьёт как придётся. Зимой схватит снежку, летом слизнёт росинку, осенью — капельку дождя. Дятлу немного надо. И только весной — дело особое. Весной дятел любит пить берёзовый сок. Для этого и делает дятел питьевое колечко.

Колечко, наверное, видели все. Даже на берёзовых поленьях. Дырочка к дырочке на берёзовой коре — колечком вокруг ствола. Но мало кто знает, как дятел делает это кольцо. И почему оно сделано не как-нибудь, а всегда кольцом… Я стал следить и понял, что дятел… и не думает делать кольца!

Он просто дырочку в берёзе пробьёт и слизнёт капельку сока.

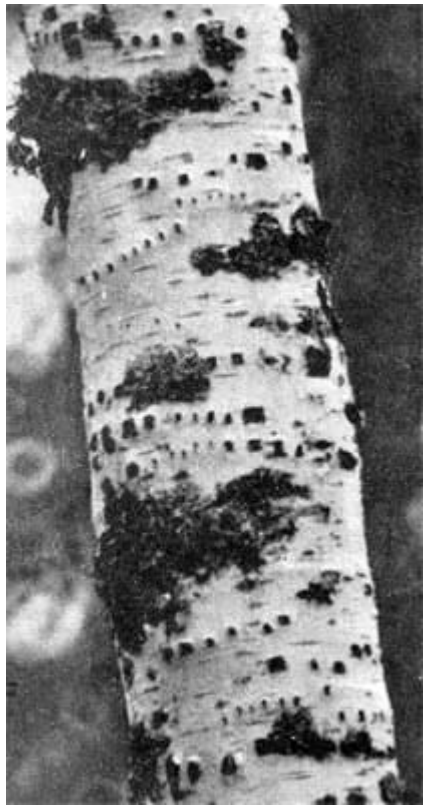
Немного погодя опять прилетит: ведь на дырочке набухает сок. Сядет так, чтобы удобно было слизнуть, слизнёт набухшую каплю — вкусно. Да жалко, сок из старой проклювинки тихо течёт. Дятел чуть голову вбок отведёт и пробивает новую дырку.

Ещё прилетит — садится уже под новую дырочку, старая-то заплыла. Выпьет из новой сок — рядом свежую дырочку продолбит. И опять ни выше, ни ниже, а сбоку, где, не трогаясь с места, удобно клювом достать.

Дел весной много: дупло, барабан, станок. Охота и покричать: прямо в горле всё пересохло!

Потому то и дело летит на берёзу — горлышко промочить. Сядет, лизнёт, добавит к ряду проклювинку. Так и получается на берёзе колечко. И ничто другое получиться не может. Жаркая идёт весна.

Кольцует дятел берёзы. Нижет колечко к колечку., Мастер дятел на штуки.



Как кукует кукушка

Кукушка кукует громко. Её далеко слышно.

Чтобы громко кричать, надо широко разевать рот.

Так кукушку и рисуют: чуть приспущенные крылья, чуть приподнятый хвост и широко разинутый рот.

И даже чучела в музеях делают так.

Всё это верно: и что крылья опускает, и что хвост задирает и даже поводит им из стороны в сторону. Только неверно, что разевает клюв. Кукует кукушка с закрытым ртом. Лишь горло вздувается и перья на нём топорщатся.

Трудно поверить, что громко кричать можно и не открывая рта. И как ещё громко!

Узнать про это помогло мне фоторужьё. Я прицелился и… узнал. Без него до сих пор верил бы чучелам и картинкам. Ружьё на многое открывает глаза. Ведь, чтоб снять, нужно прицелиться, то есть очень зорко всмотреться.

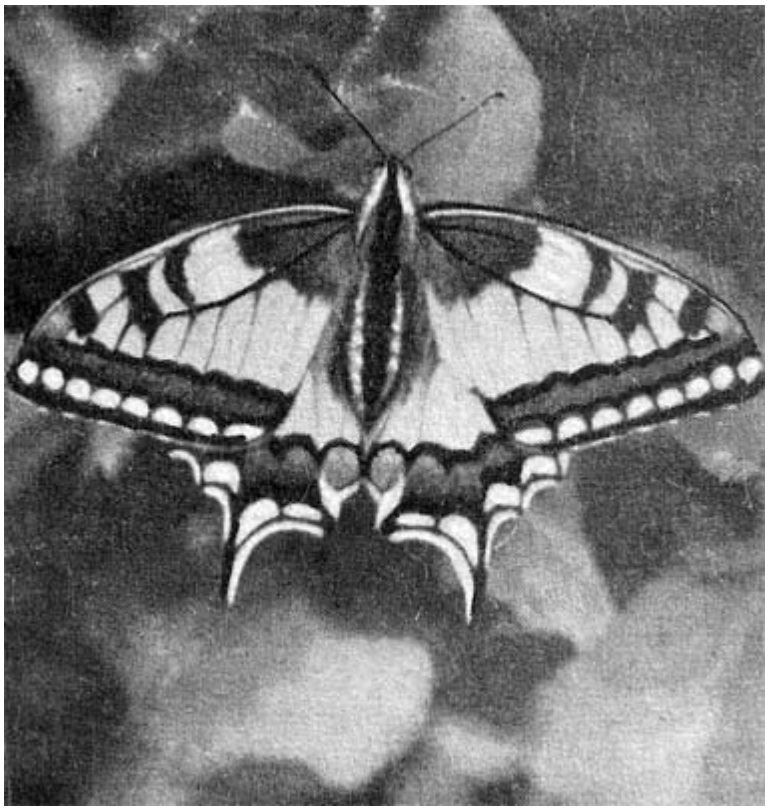
Теперь даже смешно представить кукушку с разинутым ртом. А ну-ка, откройте пошире рот и крикните громко «ку-ку». Ага, ничего не вышло!

«Ку-ку» получится только тогда, когда губы будут сжаты и вытянуты в трубочку. Вытянуты, как деревянная дудочка, как костяной рожок. Как клюв кукушки.

Бабочки и солнце

Жила-была на лесной поляне бабочка. Крылышки у бабочки яркие, как цветочные лепестки. Все любовались ими.

Умела бабочка себя показать: крылышки всегда держала вразлёт.



Но появилась в лесу птица мухоловка. Она села на сухой сучок и стала высматривать.

Бабочку мухоловка не трогала. Это была простая серая мухоловка, которая ловит только мух. Но бабочка, на всякий случай, перестала раскрывать яркие крылышки. Она стала складывать их так, что из двух ярких крылышек получался один бурый листик.

Подолгу сидела бабочка неподвижно, изо всех сил стараясь быть похожей а простой привялый листок.

Так бабочка стала бояться самой себя.

Но однажды, к своему ужасу, бабочка заметила, что от её сложенных крылышек на земле видна тень. У бабочки задрожали усики-сяжки. Бочком, бочком стала она поворачиваться головой к солнцу, чтобы тень свою спрятать под брюшко. С этого дня

бабочка стала бояться не только своей красоты, но и собственной тени. Солнце ей стало не в радость. Бабочка стала самым пугливым существом на свете.

Замечали вы это? Только когда вокруг нет никого, бабочки становятся сами собой, раскрывают крылышки и радуются солнцу. А чуть что — нет их. Одни сухие листики.

Барабанщица

«Барабанщик» — мужественное, крепкое слово! И барабанить — дело мужское. Дятел-барабанщик — звучит вполне подходяще.

Бьёт дятел в барабан весной. Дятлов барабан — это сухой звонкий сучок. Но хоть и сучок, а дробь на нём получается настоящая барабанная. Палочек тоже нет: барабанит собственным носом.

Здорово получается: дррр-ррр! — и эхо за рекой.

Я сам думал и в книжках про то читал, что барабанит на барабане только дятел-самец.

Всем заявляет: «Тут моё дупло, я тут хозяин — поберррегись!» Так я и задумал его снять.

Услышал дробь, увидел барабанщика и стал подходить, прикрываясь деревьями. Я подходил, а барабан гремел. Это был особенный барабан: всем барабанам барабан! Сучок был сухой и звонкий, а барабанщик лихой. Он откидывался назад, опираясь на хвост, гордо осматривал лес с высоты и, дрогнув, вдруг начинал стучать носом по сучку с такой быстротой, что головка его виделась как расплывчатое, неясное пятнышко. Приложи ухо к дереву — оглушит! Что за молодец! Да, барабан — мужской инструмент.

Я навёл фоторужьё и вдруг близко увидел не барабанщика, а… барабанщицу! Не дятла, а дятлиху! На затылке у неё не было красной полоски — украшения дятла-самца.

Видом не видал, слыхом не слыхал. И никому бы никогда не поверил, но своими глазами вижу: музыкантша, а не музыкант!

Я отступаю спиной, след в след, от дерева к дереву, унося своё маленькое открытие.

А барабан гремит. Лихой барабан! Даже эхо откликается за рекой.

Синичий запас

Собирать в запас — значит себя спасать. Каждый спасает себя на свой лад. Суслик зерно с полей ворует и прячет в свою нору. Даже особые кладовые роет для ворованного зерна. Водяная крыса забивает отнорки картошкой. До пуда, бывает, натаскает. Сыч на зиму замораживает в дупле, как в холодильнике, мышей и птичек. У одного такого запасливого сыча нашли однажды целых два килограмма лесных мышей. А один горностай сложил в своей норе пять водяных крыс, семь полёвок, синичку, гадюку, ящерицу, тритона, лягушку и жука-плавунца!

Всё это — на чёрный день.

Запасают, как могут и где могут. Все по-разному, но все для себя: в своей кладовой, в своём дупле, в своей норе.

И только одни весёлые синички-хохлатки собирают запасы совсем не так. Хоть они и весёлые, но и у них бывают чёрные дни. Запасают они, как и все, неустанно. Жучок, паучок, муха — годится. Семечко, зёрнышко, ягодка — подойдёт. Но нет у них собственных кладовых: ни норок, ни дупел. Была бы удобная трещинка в коре, особенно под сучком, куда не пробьётся ни дождь, ни ветер.

В лесу деревьев — не сосчитать. И на каждом найдётся укромная трещинка. С дерева на дерево, с сучка на сучок, от трещинки к трещинке. Куда жука, куда зёрнышко: осенью еды много. А зимой и сушёному комару будешь рад.

Сотни деревьев, тысячи крошечных кладовых. Разве все их запомнишь? А их и не надо запоминать — кладовые эти для всех. Не всё ли равно, чей запас ты зимой найдешь? Ты чей-то склевал, и твой кто-то забрал. Ты для всех, и все для тебя.

Чёрный день страшен для всех: всем надо иметь запас. А собирать его можно по-разному. Можно, как суслик и крыса, — только себе. А можно, как синичка-хохлатка, — для всех.

Ягодознание

В лесу как на ноги встал, глаза открыл, — так и школьник. Изучай лесные науки: хищниковедение, пряткоумение, послушание. Науки серьёзные, не одолеешь — голову сложишь., Но есть предмет и полегче — ягодознание. Это самый любимый предмет глухарят. Морошку и землянику глухарята одолевают легко и быстро. И никогда их ни с чем не путают. А вот черники- и голубикознание даются им с трудом.

Давно заметили охотники, что у молодых глухарят набиты зобишки одной голубикой. А голубика совсем не так хороша, как черника! Черника вкуснее, нежнее и слаще. Знают про то и глухарята. Только одно дело — знать, а другое дело — самим найти! Попробуй-ка разберись, которая черника, а которая голубика! Кустики похожи, листики похожи, ягоды похожи. Ягоды как ягоды: чёрные, круглые, частые… Наглотаешься с охотки, а потом только поймёшь, что вместо черники на голубику набрёл! Голубики-то в лесу больше.

Но заметили также охотники, что чем больше подрастают глухарята, тем чаще у них в зобишках черника попадается. Практика на пользу идёт!

Приятный предмет — ягодознание. Но и его без труда не возьмёшь.

Зато лапки крепнут, крылья растут; сам глухарёнок становится как ягодка наливная. С такой силой да ловкостью и другие предметы легче одолевать. И хищниковедение и пряткоумение.

Учатся глухарята, умнеют.

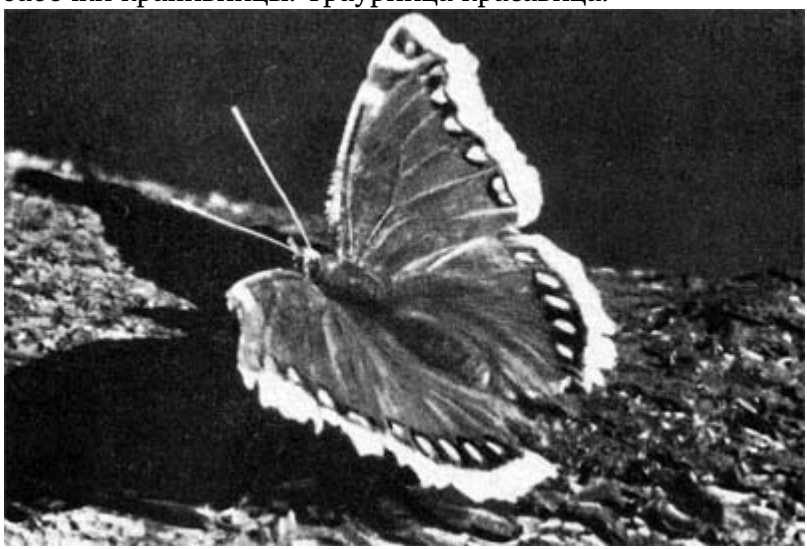
И становятся взрослыми.

Незваные гости

Пробил дятел в кленовой коре дырочку — напился сладкого сока.

За дятлом долгохвостая синица прилетела — тоже носик помочила. За долгохвостой — лазоревка: три капельки выпила.

Улетели птицы — насекомыши собрались. Мухи прилетели. Две бабочки крапивницы. Траурница красавица.



Все сладкий сок сосут — улетать не собираются.

Муравьишка приполз — усами шевелит.

Комарик прилетел — долгими ногами в патоке увяз.

Может, и ещё кто-нибудь притащился бы, да тут опять дятел — порх! Гости незваные — кто куда.

Муравей замешкался — дятлу на язык прилип.

Запил дятел кислого гостя сладким соком.

А улетел дятел — гости опять тут как тут.

За долгохвостой синицей — лазоревка. За лазоревкой — мухи и бабочки. За бабочками комарик. За комаром — муравей.

Гости не гордые.

Хоть и незваные, а хочется им сладенького. Кому сладенького-то не хочется?

Тонкое блюдо

Хороши муравьиные куколки. Они, наверное, как печенье зефир — так и тают на языке.

Неплохи голые зелёные гусеницы: мягкие, вкусные. Птицы хорошо это знают и балуют своих птенцов вкусной и нежной едой.

Но синице-гренадёрке эта еда кажется грубой. Вертится она около своих птенцов, не знает уж, чем их и угостить. Птенцы-то с горошину: рот да живот. Слепые ещё: что в рот ни сунь, — всё бы пошло. Проглотили бы и куколку, гусеничку, ещё бы попросили. Так нет, такая пища для её драгоценных детей не подходит. Подавай ей соки. Не виноградный, не вишнёвый, не помидорный, не морковный, не апельсиновый, не земляничный. Подавай паучиный сок! Носит гренадёрка птенцам пауков и выдавливает их прямо птенцам в рот.

Растут птенцы не по дням, а по часам. Растут, хорошеют, толстеют. Да так, что становятся перед вылетом больше своей мамы.

Сок есть сок. Хоть и паучиный.

Медовый дождь

Нет над лесом туч, — а дождь идёт. Шуршит по листьям, листья становятся блестящими. С листьев дождинки скатываются на траву.

Я посмотрел на небо в лесной просвет, и мне на лицо тоже упали тёплые капли. Капли я вытер ладонью и вдруг почувствовал на губах вкус мёда!

Я выставил под дождь ладонь и потом лизнул ладонь языком. Сладко!

Я сорвал мокрый лист и приложил к губам. Мёд!

Сыплет медовый дождь! На траве — роса медвяная!

А небо голубое — ни облачка.

А пчёл не видно.

Растерянно смотрю по сторонам.

Тут и там опускаются на мокрые листья полосатые, как тигры, шершни. Тут и там бегают по мокрым травинкам шустрые муравьи. Шершни и муравьи слизывают с листьев сладкие дождинки.

Я всматриваюсь, всматриваюсь и вдруг понимаю, что дождинки падают не с неба, а из-под каждого листа высокого клёна. Каждый кленовый лист как дождевая тучка!

Под каждым листом крохотные зелёные букашки. Букашки похожи на зелёные капельки. Но у каждой капельки ножки. И хоботок.

Хоботок живые капельки погрузили в лист и высасывают из него сладкий сок. Время от времени капает вниз дождинка сока.

Зелёные букашки — это тли. Целые стада тлей пасутся на исподе каждого листа. Целые стада листьев трепещут на дереве. Листья нависли над землёй, как зелёные тучи.

Из этих зелёных туч и сыплет медовый дождь! Раздолье в лесу сладкоежкам! Июнь для них — медовый месяц.

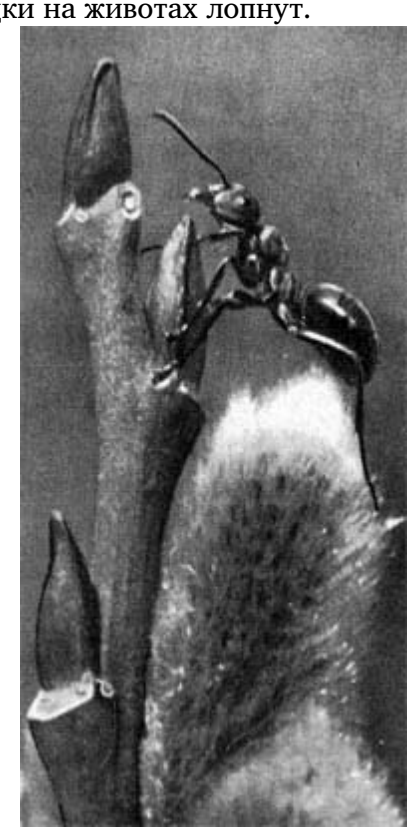
Ивовый пир

Зацвела ива — гости со всех сторон. Кусты и деревья ещё голые, серые; ива среди них как букет, да не простой, а золотой. Каждый ивовый барашек — пуховый жёлтый цыплёнок: сидит и светится. Пальцем тронешь — пожелтеет палец. Щёлкнешь — золотой дымок запарит. Понюхаешь — мёд.

Спешат гости на пир.

Шмель прилетел — неуклюжий, мохнатый, как медведь. Забасил, заворочался, весь в пыльце измазался.

Прибежали муравьи: поджарые, быстрые, голодные. Набросились на пыльцу, и раздулись у них животы как бочки. Того и гляди ободки на животах лопнут.



Комарики прилетели: ножки горсточкой, крылышки мельтешат. Крошечные вертолётики.

Жуки какие-то копошатся.

Мухи жужжат.

Бабочки крылья распластали.

Шершень на слюдяных крыльях полосатый, злой и голодный, как тигр.

Все гудят и торопятся: зазеленеет ива — пиру конец.

Зазеленеет, потеряется среди зелёных кустов. Пойди-ка тогда её найди! А сейчас как букет золотой.

Любители цветов

Весной все рады цветам. За долгую белую зиму стосковались глаза по яркому и цветному. Ребята в лесу собирают букеты.

Спешат на первые цветы первые бабочки, пчёлы и мухи.

И рябчик туда же: ива цветёт — он на иве, черника и голубика — он к ним. Зацветут незабудки — не забудет и незабудки.

Все рады цветам.

Ребята делают из цветов букеты; букеты нежны, красивы, пахучи.

Бабочки и пчёлы угощаются на цветах. Цветы для них — расписные скатерти-самобранки. Садись и веселись: и мёд, и нектар, и сок!

А рябчик цветы… просто ест. Оказывается, они ещё и вкусны! И очень любит цветы незабудки. Наверное, у них особый, незабываемый вкус.

Все любят цветы. Только каждый по-своему.

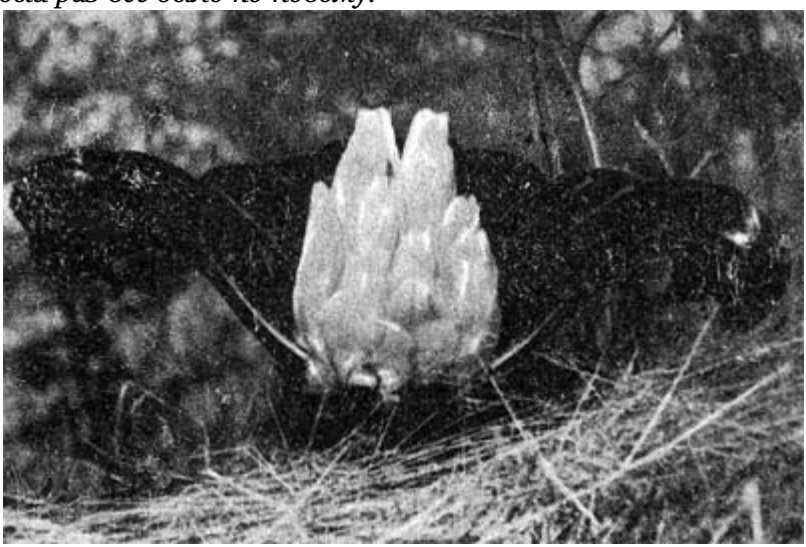
Лесные пословицы и поговорки

Сороконожка и та спотыкается.
Волков разбудишь — сам не уснёшь.
На муравейнике долго не усидишь.
Река как время: течёт и течёт.
Волк не собак боится, а лая.
Любит кошка рыбку, да не любит воду.
Спорила галка с вороном: кто черней?
Рак поневоле из себя выходит.
Пошёл волк за барашком, да и сам не вернулся.
Ухи без рыбы не бывает.

Фотозагадки

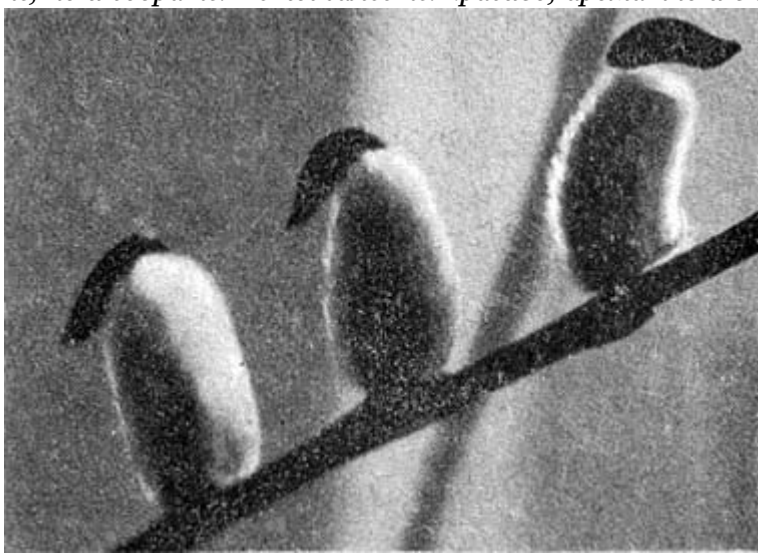
Что снято тут, — я знаю. Но не скажу. Почти всё это вы видели. И не раз, только не обращали внимания. Проходили мимо, перешагивали, отворачивались; смотрели и… не замечали. А глаза должны не только смотреть, но и видеть.

1). Фото 1. Такое вы видели у берега реки. Видели много раз, и каждый раз всё было по-новому.



2). Фото 2. Это видел не каждый. Больше всего это похоже на диковинный цветок. Но это совсем не цветок, это птица. А вы отгадайте — какая?

3). Фото 3. Приятная неожиданность! Хорошо не только увидеть, но и собрать. Не пожалеете: красиво, ароматно и вкусно!



4). Фото 4. А это пингвинчики. Но водятся они не в далёкой Антарктиде, а в наших лесах. Только надо их суметь найти. Стоит попробовать!

5). Фото 5. Кусок каменного угля с отпечатком листа древовидного папоротника? Или пышное перо страуса? Нет, гораздо проще: вы смотрели на это много раз и не раз безжалостно топтали ногами.

* * *

— Лес для тебя, Лесовичок, дом родной. А вот в воду ты смотреть любишь?

— Ну её, глубину-то! Боюсь я…

— А я там был. Хочешь, тебе расскажу?

— Уж потом как-нибудь. Чего-то мне жутко…

— Нет уж, брат! Ты вон сколько про лес наговорил. Теперь моя очередь.

Подводные глаза

Охотник у всех на глазах. Идёт по лесу — следят за ним лесные глаза, идёт по полю — следят полевые. И все: и жители леса, и обитатели поля — видят в нём врага. Привыкли, что приходит он к ним только затем, чтобы убить или поймать. И рады бы не бояться, да шкура дорога, своё перо ближе к телу.

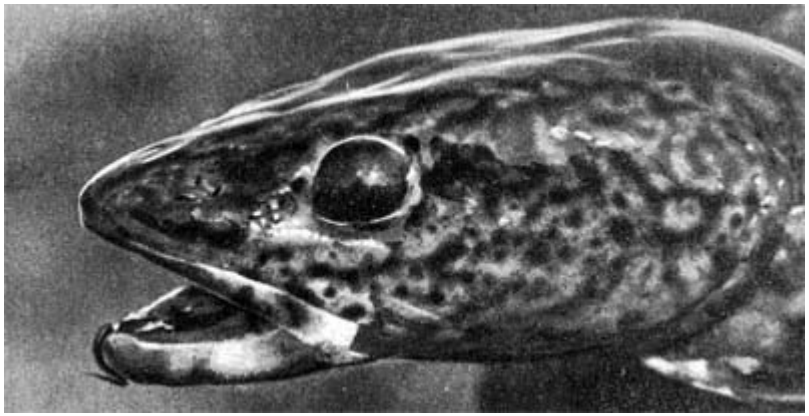
Но под воду охотник пришёл недавно, для подводных жителей он ещё в диковинку. Они к нему ещё только присматриваются.

Помню, первый раз я плыл под водой…

Лягушка, которая только что в ужасе плюхнулась в воду от меня надводного, спокойно сидела на дне и бесстрашно глазела на меня подводного. Под водой ведь охотник совсем не тот: не топает, движется осторожно. Вдруг он под водой стал добрей и свою привычку убивать вместе с одеждой оставил на берегу?

Среди мутных водорослей заметил я блестящий зелёный глаз. За мной пристально следила щука. Я проплыл, а она равнодушно… зевнула!

Замелькали искорки-красные глаза плотвиц. Полосатые окуни смотрели во все свои золотые глаза. Из-под коряги высунулся мутно-пятнистый налим. Он тоже первый раз видел человека и не знал, бояться его или нет.



Пугливый рак выпятил глаза на стебельках и стал ими водить из стороны в сторону. Ущипнуть или спрятаться?

И даже маленький тритон повернул ко мне свою маленькую головку: кто это тут пузыри пускает?

Все на меня смотрели и, наверное, соображали: остаться или удрать? Решили остаться. И даже позволили себя сфотографировать.

Недавно я опять побывал в лесном озерке. Рыбы ошалело шарахнулись в глубину, лягушки зарылись в ил, а раки и налимы забились под корягу. Кто-то уже успел побывать тут с подводным ружьём. Кто-то уже принёс сюда на остроге страх.

Вот и подводные жители научились бояться охотника. Как лесные и полевые. Как степные и горные.

Узнали и они, что такое «ни плавничка, ни чешуйки»!

Линь

Пескарь по песчаному дну ползает. Голавль — головастый., Краснопёрка — с красными плавничками-перышками. Ну, а вьюн — и взаправду вьюн.

И всем понятно, почему их так называют.

А вот почему линь — линь?

Верховка — понятно, колюшка — ясно, усач — проще простого. А что такое линь?

Но не зря говорят, что лучше раз увидеть, чем десять раз услышать. Как увидел линя, всё сразу понял. Постучал он по земле жирным хвостом и прямо на глазах… стал линять!

Был в воде как из бронзы литой, стал на берегу как мокрая промокашка. Весь в подтёках и пятнах. Слизь на нём затвердела, зашелушилась, стала лохмотьями отпадать.

Облез линь. Полинял линь.

Потому он и линь!

Голубое озеро

Что вокруг озера — видно, а что внутри — нет. Смотришь в воду, а видишь облака, деревья, пролетающих птиц. Видишь то, чего там нет, а что есть — не видишь. Пока не опустишься в глубину. А там, в глубине, всё совсем не так, как на берегу. Наверху, по берегам, растут привычные кусты, а внизу, под водой, вон какие кусты — подводные.

В подводных кустах живут не птицы, а рыбы. Окуни присаживаются на коряги: животом вдоль сучка, как птицы козодои.

Наверху, по берегу, бродят звери, а внизу, по дну, никто не ходит. Разве что рак проползёт.

Наверху листья кувшинок широкие, как ладошки, а под водой они свёрнуты в зелёные кульки. Растут на дне губки-бодяги — таких никогда не увидишь на земле.

А вот голубую стрекозу-лютку, ту, что всегда кружится у воды, можно встретить и под водой. Там она несёт яйца.

Сверху в воде отражаются облака и деревья, а снизу, в подводном небе, отражаются рыбы, если поднимутся к самой поверхности. Как в зеркале отражаются, если, конечно, зеркало это гладкое и не изломано ветром.

Опускаясь под воду, всё оставь на берегу: одежду, оружие, даже свои земные привычки. Но захвати свою любознательность и терпение. Они нужны везде. Без них — как без рук и глаз. Без них весь мир был бы до сих пор сплошным белым пятном.

Важный зверь

Омут чёрный, дна не видно, берег круто спускается в глубину. И весь он какой-то бурый, мохнатый — как войлок. И тоже тёмный.

И только в одном месте цепочка ярко-жёлтых пятен — словно освещенные иллюминаторы на борту парохода. Тут кто-то живёт!

Жёлтые пятна — это кучки песка.

Над ними темнеют норы. Вот из золотой норы вываливается серебряный зверь — как воздушный пузырь, как ком живой ртути!

У зверя тупая мордочка морской свинки, голый хвост крысы и чёрные утиные лапки. Плывёт он вразвалку и вперевалку — как ленивый байбак. Это ондатра.

На берегу у неё столовая — груды раковин-беззубок, похожих на осколки битых тарелок из перламутра.

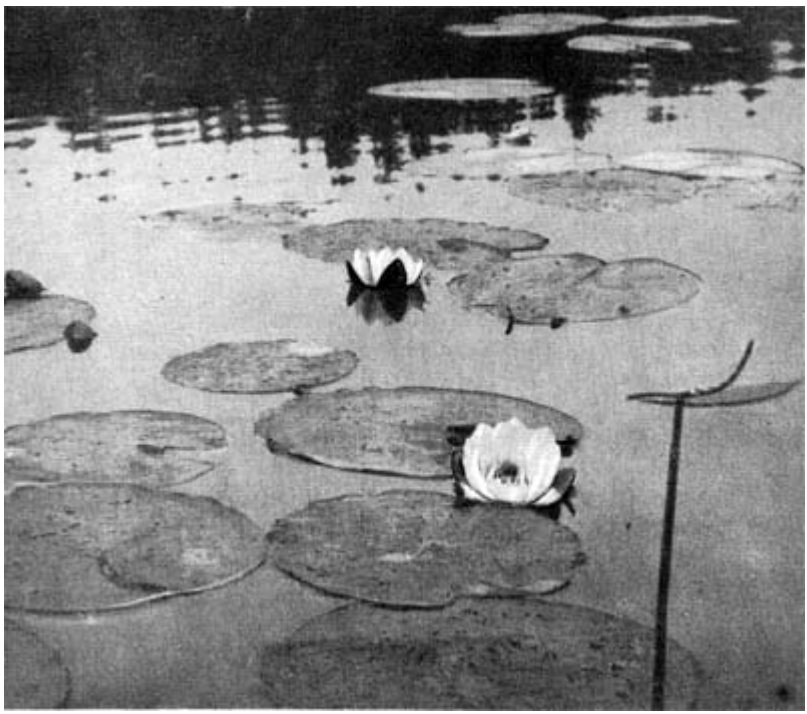
Вот какой важный зверь: сам серебряный, нора золотая, посуда — перламутровая!

Гости подводной поляны

Если насыпать весной на землю крошек, сбегутся мыши, птицы.

А что, если опустить прикормку на дно?

В жаркий летний день нашёл я в подводном лесу чистую полянку и набросал на неё хлебных крошек, сухой каши, червяков и личинок.



А сам надел резиновый костюм, лёг на воду, ухватился за пучок тростника, чтоб волны не сносили, и стал ждать. Кто-то пожалует в гости?

Первыми примчались плотвицы. Гуртом налетели на всплывшую корку и, поддавая её носами, угнали за траву.

Потом приплыл плавунец., Загребал ногами-вёслами и переваливался с боку на бок, как неуклюжая водяная черепаха. Схватил обрывок червяка и уволок в темноту.

А я всё ждал и покачивался над поляной, словно огромный резиновый дирижабль.

Приплыли два окуня, ощетинились дикобразами, уткнулись носами в дно.

Вытянули белые губы — вот-вот свистнут! «Дунули» в угощение — так и завихрилась муть. Всосали всплывших личинок и помахали мне хвостиками.

И тут я заметил щурёнка. Даже не знаю, откуда он появился. Стоит неподвижно, глаза выпучил — как зелёная ящерица. Но вдруг плавнички его затрепетали, он пошевелился и… повис вниз головой.

Нацелился, как стрела!

Ну да, нацелился: на дне извивался червяк. Щурёнок стрельнул в него, вцепился и затряс червя. Потом с трудом проглотил.

Живот у него раздулся. И он беспомощно опустился раздутым животом на песок.

Рыбий кормовой столик действовал не хуже птичьего. Дождался бы я и новых гостей, да невозможно замёрз. Так замёрз, что вокруг меня заплясала рябь. Очень жалею: мало ли кто ещё мог в гости прийти!

Озеро не малое — что в ширину, что в глубину. Много в нём разных жильцов.

Пустота

Среди водорослевых кущ рои рыбьих мальков. Там, где от берега тень, а мальков освещает солнце, они светятся.

Сквозь сияющее мальковое облачко солидно и не спеша проплывает окунь. Мальки почтительно расступаются. Так, наверное, самолёт пролетает сквозь стаю удивлённых ласточек.

Окунь вошёл в рой, и вокруг него мгновенно возникла пустота. Это особая пустота: пустота хищника, пустота страха. Даже окружённый множеством живых существ, хищник всегда висит в пустоте. Она обволакивает его со всех сторон, она движется вместе с ним, она неотступна, как тень.

Окунь идёт, а мальки раздвигаются перед ним и смыкаются позади. Поворачивает окунь — поворачивается пустота. Невидимая сила расталкивает рыбёшек и держит их за какой-то невидимой, но ощутимой чертой.

Прошёл окунь сквозь частый рой, а никого не задел. Перед ним расступились, его пропустили и занялись своим делом, будто ничего не случилось! Будто и не было тут никакого окуня. Опять все беспечно толкутся у солнечного луча, как снежинки вокруг фонаря.

Рыцарь

Никто и никогда не нападал на меня в воде. Даже большие зубастые щуки. И вдруг накинулся малыш, ростом с палец! Тело его защищено широкими блестящими пластинками. Как у рыцаря, закованного в латы. На горбу трезубец — три колючки. На груди ещё две, как два кинжала.

Рыцарь грозно растопырил все свои пять колючек и бесстрашно встал на моём пути., Он прямо весь потемнел от гнева, и глаза его позеленели от злости.

Рыцарь был смел и красив. Спина у него была синего цвета, бока — как серебро, а щёки малиновые.

Я протянул к нему палец. Он кинулся вперёд, ткнул палец трезубцем, и из пальца вязкой струйкой потянулась вверх кровь.

Я попятился назад, поднимая ластами тучи ила. Скорей укрылся за кустом пушистого роголистника и стал смотреть.

И тут открылась мне тайна маленького смелого рыцаря: оказывается, он сторожил свой дом!

Дом его был размером с кулак и похож на кулак, неплотно сжатый: с одной стороны вход, с другой — выход. А в домике была икра.

Никто не мог безнаказанно приблизиться к его дому. Грозя колючками, он бросался даже на больших рыб. Вот проплыла над домиком, извиваясь, как чёрная лента, пиявка. Рыцарь весь побагровел, вцепился в пиявку зубами и стал трепать её, как треплет собака крысу. Водяного скорпиона он схватил за клешню, уволок под широкий лист кувшинки и там выплюнул.

Ни на миг он не забывал о врагах. Даже проплывающий листик и шевелящаяся тень выводили его из себя. Он сразу «менялся в лице», глаза его зеленели и на скулах выступали красные пятна. Даже белый живот краснел от гнева.

По цвету живота можно было сразу узнать его настроение.

Блестели латы: рыцарь готов был к бою и с крохотным жучком-гладышем и с великаном-человеком.

Кто бы мог подумать, что даже простая колюшка становится рыцарем, если угрожать её дому!

Колюшка-папа сторожил свой дом.

Колюшка-папа очень заботливая рыбка — не то что колюшка-мама. Колюшка-мама отложит икру — и поминай как звали. А колюшка-папа икру стережёт. А потом пасёт своих непоседливых колюшат. Самых бойких и непослушных, убегающих из дома, он хватает ртом, тащит назад и выплёвывает, прямо в дверь.

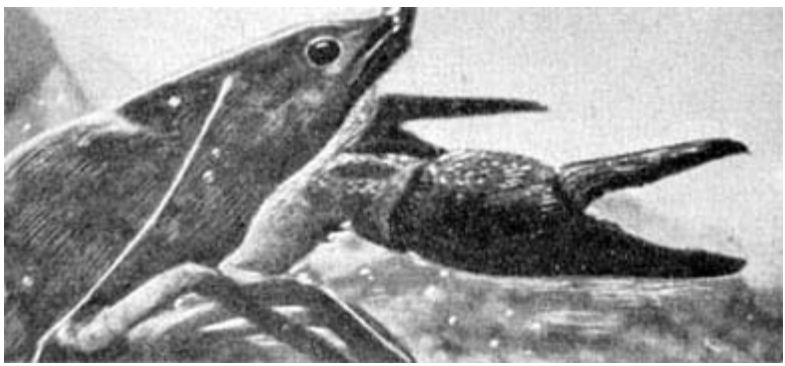
Говорят, что если разорить колюшкин дом, то колюшка-папа

от горя побледнеет — совсем потеряет свою яркую боевую окраску. И даже перестанет есть.

Мне совсем не хотелось, чтобы такая красивая и бойкая рыбка стала бледной и скучной. Я выбрался из куста роголистника и поплыл в сторону от рыбьего домика.

Наседка

Я лежу на воде, держусь рукой за тростинку. Подо мной песчаная полянка подводная. На краю её, у самых тростников, лежит на боку утонувшее ведро. Из ведра выполз рак; стал водить усами, стал водить глазами и щупать песок клешнями. А из-под хвоста рачьего поползли крохотные — с муравья! — рачата. Они тоже деловито шевелили усами, щупали песок клешнями и выпячивали глаза. И так это было смешно, что я фыркнул в трубку. Что тут случилось! Рачата наперегонки кинулись под широкий материнский хвост, как перепуганные цыплята под растопыренные крылья клухи. Рачиха-наседка, собрав всё своё драгоценное семейство, ловко юркнула под ржавое ведро. И больше из него не показалась.



Рыбята

Светло и весело под водой в солнечный день!

Особенно на мелководье. Там на песчаных полянках растут длинные и тонкие водоросли, похожие на зелёные волосы.

На эти полянки из холодной и сумрачной глубины выплывают мальки — принять солнечную ванну. Мальки толкутся на поляне, как комары-толкуны.

Проплывёшь сквозь мальковый рой — будто под грибным дождиком пробежишь.

Всё вокруг сверкает, и тело щекочут лёгкие «дождинки».

Мальки заглядывают в маску, виляют хвостишками у самого носа. Но поймать их так же невозможно, как и схватить падающие капли дождя.

Мальки всегда очень заняты. То они сосут листики — зелёные соски. То подвешиваются на губах к водорослям — и висят блестящими росинками. Жадные хватают комаров с водяного неба, а любопытные даже высовывают свои носы в наш мир.

Пронеслась однажды над водой мотыльковая метель. Легкокрылые подёнки устлали воду серыми крылышками.

Мальки сейчас же высунули носы из воды. Но тут вдруг страшная чёрная тень пронеслась над их головами. Мальки в ужасе брызнули вниз.

Я вынырнул и успел увидеть чёрное чудовище. Это была… ласточка! Она подхватывала упавших в воду мотыльков.

Вот натерпелись мальки страху!

Но рыбята, как и все ребята, не любят унывать. Унеслась ласточка — все сразу за дело. Кто нос в небо, хвостик вниз; кто листик сосёт, кто мотылька за крыло тянет.

Катят по небу серые волны.

Колышутся по дну широкие жёлтые ленты-блики.

Между волн перекатываются шарики воздуха, а между жёлтых лент покачиваются мальки. Блестящие, как капельки солнца.

Светло и весело под водой!

Голубой рак

Всем известно, что рак красный. Даже говорят: «Красный как рак!» Но красным рак становится только в кипятке. Живой рак бурого цвета. Это тоже всем известно.

Но вот известно ли кому, что среди обыкновенных раков встречаются голубые?

Однажды летом я поймал такого в Грязной речке. Все у него как у бурого рака: клешни, глаза на стебельках, раковая шейка. А цвет — голубой!

Панцири обыкновенных раков всегда под цвет тёмного дна, а этот голубой, как весеннее небо. А что, если и его в кипяток, каким тогда станет? Неплохо бы сварить. Ракоеды говорят, что в те месяцы, в которых нет буквы «р» — летом, — раки особенно вкусны!

И всё-таки я голубого рака не сварил, пожалел. Выбросил обратно в речку. Ведь, может, это всем ракам рак. Может, от него вся порода рачья переменится. Может, не будут они, как водяные крысы, прятаться по тёмным норам, не станут пятиться задом. Может, поднимутся с тёмного дна к подводному небу и заживут среди ярких и красивых рыб. И может, нашу Грязную речку все назовут тогда: речка Голубых Раков!

Так что вот: не все раки бурые.

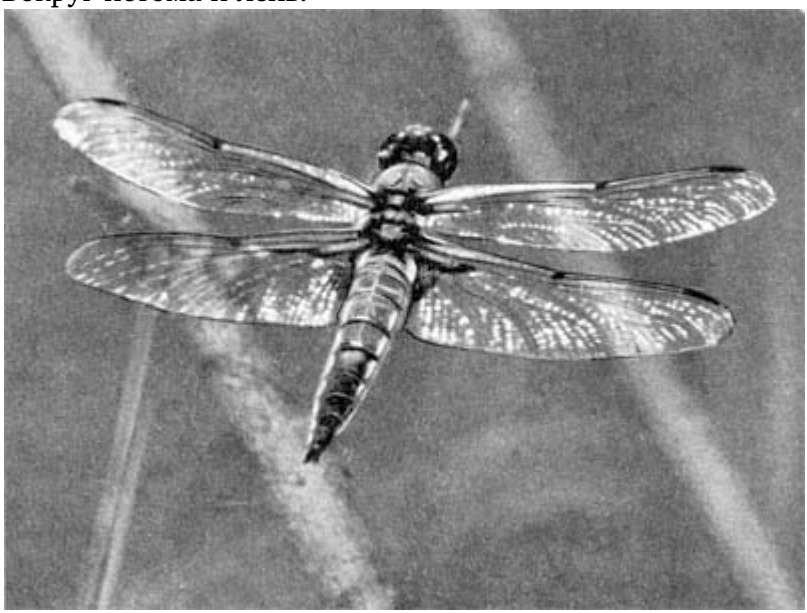
Бывают и голубые.

Да будет и вам это известно!

Подводный закат

Охотникам знаком тихий и мирный предзакатный час в лесу. Покой и тишина. Сизая дымка заволакивает кусты. А вершины высоких берёз похожи на золотые купола. И на самом высоком сучке нежится на закатном солнышке сорока, похожая снизу на белую спичку с чёрной головкой.

Вокруг истома и лень.



Есть такой час и под водой. Когда утихнет ветер и улягутся волны, подводное небо начинает розоветь. В воде удивительная игра света: голубые лучи стрелами пронизывают толщу воды. Они такие чёткие и прямые, что, кажется, тронь их — и они зазвенят!

Не спеша всё становится оранжевым, а дно темнеет и опускается в глубину.

Весёлые подводные рощицы тоже становятся оранжевыми, будто их покрыла золотая пыль или осел на них золотой иней.

Из сумрачных тёмных зарослей на солнечные подводные опушки выползают подремать и понежиться серо-зелёные щуки. Они похожи на пятнистых ящеров с жёлтыми ногами-коротышками. Они неподвижны, как затонувшие ослизлые палки.

Над жёлтыми рощицами проносятся быстрые стайки серебристых плотвиц. Красные глаза их посверкивают, как искры. Пронесутся и растают в сизой водяной дымке. Плывёт водяная черепаха, покачиваясь с боку на бок.

А на растопыренную корягу, как на затонувший лосиный рог, лениво выползает усатый ночной рак.

По дну, по водорослям, по корягам, по рыбам струится тонкая розовая солнечная рябь. Тишина и покой. Мирный подводный вечер. Ленивый закатный час.

Раки

Мы привыкли, что все события на земле сопровождает шум. А вот под водой все события беззвучны: там всё — как в немом кино.

Плыву и вижу; высунулись из-под коряги две небесно-голубые рачьи клешни. Я вижу, и окуни их видят. Золотые искорки вспыхнули в их круглых глазах, затрепетали красные плавнички, зашевелились пухлые белые губы. Два окуня опустились вниз и — раз! — вытащили из-под коряги линючего голубого рака. Два! — и рак без клешней, как перо синей птицы, покачиваясь, опустился на дно. А окуни, с голубыми клешнями во рту, скрылись в траве.

Плыву вдоль обрывистого берега, изрытого норами. Это рачий небоскрёб. Во всех «окошках» любопытные рачьи глаза. Вот уж у кого глаза от любопытства на лоб лезут! Шевелятся глаза, шевелятся клешни, шевелятся усы — как трава на ветру. Раки смотрят на меня и, кажется, шепчутся. Разгадать бы, — о чём шепчутся раки?

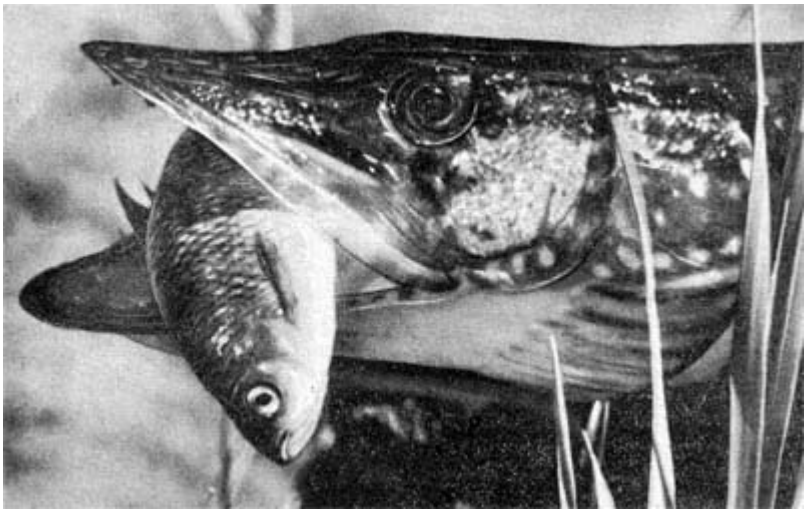
Может, раки шепчутся о плотвичках-гимнастках? Есть в озере такие плотвички. Плывут, как ни в чём не бывало, носик вперёд, хвостик назад, да вдруг — хоп! — и повиснут вниз головой. Потом опять — хоп! — и встанут на хвостик. Постоят — кто на голове, кто на хвосте — и дальше плывут: носик вперёд, хвостик назад. Чаще всего занимаются этим молодые плотвички: балуются, наверное.

А раз напал на плотвиц окунь. Плотвицы как искры стрельнули вверх, вбок и вниз: спасайся, как можешь! Одна с разгону даже на бережок выпрыгнула. Окунь замер у берега, как собака на стойке: глаза горят и плавнички трепещут.

Плотвица на песке согнулась дугой, подскочила, плюхнулась в воду и… попала к окуню в рот!

Всё видят из нор своих раки, все подводные события происходят у них на глазах. Может, об этом они и шепчутся? Колышутся длинные усы, трётся клешня о клешню, шевелятся глаза на стебельках; о многом бы они рассказали!

Но озеро не спешит открывать свои тайны.



Коллега

Вылез из воды и на рубашке своей увидел ужа. Он был ещё сырой: тоже только что из озера. Пригрелся на солнышке да на тёплой рубахе: продрог в воде-то небось, как и я.

Уж не ядовитая гадюка, церемониться с ним нечего. Я схватил ужа за хвост и легонько тряхнул. Попугать хотел. А у него изо рта как посыплются… головастики!

Живые, черные, хвостиками виляют. Так и юлят на песке.

Я скорее ужа к воде: трясу над водой. Булькают головастики в воду и, как ни в чём не бывало, расплываются по сторонам!

Вытряс я из ужа всех головастиков и самого забросил в озеро. Как-никак мой коллега — тоже подводный охотник!

Умирающее озеро

Мох колыхался под ногами, как пружинный матрас. Видно было, как подо мхом кругами расплывались волны. Покачивались кривые и хилые сосенки, странно шевелились кочки с багульником.

Когда-то тут было озеро. Оно и сейчас тут, только сверху застелено моховым ковром. В ковре тут и там дыры — «окна». Вода в этих окнах чёрным стеклом. Подойти к окнам почти невозможно: моховая сплавина прогибается под ногами и тонет.

Я лёг на живот, растопырил широко руки и ноги — распластался как мог, — и пополз. Дополз до окна, надел на лицо маску, вдохнул через трубку свежего воздуха и, как тюлень в полынью, соскользнул в окно вниз головой. День сразу померк, и наступила ночь. Я опускался в глубину, и яркое окно надо мной становилось всё уже и уже.

Вот и дно — холодное и вязкое, как кисель. Я по пояс утонул в нём, а под ногами всё ещё была какая-то жидкая каша.

Высоко над головой — чёрный мохнатый моховой потолок с голубыми дырками. В каждую дыру врывается свет и голубой колонной упирается в дно. И кажется, что вся эта мохнатая чёрная крыша держится на голубых колоннах…

На одном вдохе под водой долго не просидишь. Я рванулся вверх и высунулся в соседнее оконце. Это было даже не оконце, а скорее форточка: только-только протиснуть плечи и голову. Я протиснулся в неё снизу, и лягушки, сидевшие вокруг форточки, в ужасе запрыгали в разные стороны.

И мне было жутко торчать в моховой дыре, свесив ноги в тёмную глубину. И хотелось скорее выбраться на сплавину к свету и солнцу. Но уж очень был заманчив этот мир под ногами. Чёрный подводный мир на голубых прозрачных столбах и колоннах.

Я отдышался, поглубже вдохнул и, оттолкнувшись руками, ушёл вниз. И снова меня обволокла темнота. И снова тут и там голубели призрачные колонны. Какие-то лохмотья пучками, мочалок свисали с мохового потолка и волочились по голой спине. Я плыл к соседнему столбу света.

Будто луч прожектора бьёт сверху вниз. И в синем свете, как снежные хлопья вокруг фонаря, порхают блестящие рыбки. Подплываю к голубому лучу и тяну вперёд руку; кажется, что его можно потрогать, погладить, а если постучать по нему, то он зазвенит.

Но рука легко проваливается в луч и сразу же вся синеет. И

по телу побежали мурашки. Это рыбёшки набросились на меня, как комары, и стали щипать и щекотать кожу мягкими холодными губами. Они щекотали мне бока, руки и ноги, но мне было совсем не смешно: ведь делали-то они это от голода.

Озеро умирало. Раньше моховой потолок не закрывал небо, солнечный свет лился на дно каскадами. Зеленели водоросли, бурлила жизнь, и рыбы были сыты и веселы.

Сейчас только узкие лучики пробивались сквозь потолок. В их тусклом свете шевелились на дне хилые водоросельки, похожие на картофельные ростки, проросшие в погребе. Озеро умирало, и вместе с ним должны были умереть и рыбы.

Я плыл, а рыбёшки тянулись за мной и всё щипали тело холодными жадными губами.

Говорят, что в торфяных озёрах бывает двойное дно. Будто бы в верхнем торфяном дне есть дыры, через которые можно проникнуть ещё глубже, в самый «подвал» озера. И только там уж настоящее дно.

Вот бы заглянуть и туда!

Я скольжу над самым дном, вглядываюсь в каждую впадину, в каждую тень, но чёрных дыр на дне нет.

Может, и к лучшему: лезть в них совсем неохота. Тянет к свету, тянет наверх.

К самому лицу подплывают две рыбы и смотрят в упор золотыми, по-рыбьи спокойными глазами. Толстые губы их тихо шевелятся: то ли они что-то прожёвывают, то ли о чём-то шепчут. Уж они-то всё знают про свой чёрный мир на синих столбах. Знают и про двойное дно. А может, они просто просят о помощи?

Ведь скоро толстые световые колонны, которые ещё подпирают их тёмный мирок, превратятся в тонкие лучики. И жизнь озера повиснет на этих голубых волосках. И, может быть, я последний, кто всё это видит.

Потом сплавина сомкнётся и всё будет кончено. И только пружинная зыбкость мохового ковра под ногами случайного путника, да странные поклоны искривлённых сосенок, да непонятное вздрагивание и покачивание моховых кочек напомнят о похороненном здесь озере.

Лесные пословицы и поговорки

Комару чужая кровь на пользу.

Хорь знает, как кур душить.

Похож мухомор на божью коровку, да пятнышки не те.

У медведя врагов мало.

Когда ужу хорошо, — лягушкам плохо.

Дрова в лес не возят.

Жалобы зайца лису не разжалобят.

Колюшка одна, да колючек девять.

Лета ждёт тот, кому зимой холодно.

У каждого дерева свои короеды.

* * *

— Насиделись мы с тобой, Лесовичок, под *Шапкою-Невидимкой*, насмотрелись в лесу всякой всячины.

— Уж насмотрелись так насмотрелись!

— И под водой побывали даже.

— Ну, в воду-то ты меня заманил. Сам бы я туда ни ногой. Что мне, Лесовику, под водой-то делать?

— Не век же тебе всё в лесу да в лесу! И горы посмотреть надо бы, и пустыни. Да и леса на земле разные. Слыхал про леса розовые?

— Рассказывай.

— И расскажу! Сидел я под ШАПКОЙ в горах, пустынях и в лесах необыкновенных. На всякое насмотрелся…

Лес розово-серебристый

Для нас, северян, привычны леса зелёные. Тёмно-зелёные — хвойные и светло-зелёные — лиственные. А этот южный лес был розово-серебристый, ни на что привычное не похожий.

Седые раскидистые деревья кажутся заиндевелыми, покрытыми пушистым инеем. Под ними — нежно-розовые кусты. Они похожи на копны розоватого пуха. Кажется, дунь — и всё улетит!

А какая опушка у этого леса! Понизу розовая полоса, над ней полоса седая. И над всем этим розово-сизым яркое синее небо.

Седые деревья — это деревья джиды. Или, как их ещё называют, деревья серебристого лоха. Они похожи на нашу плакучую иву: ветви обвисли густыми прядями, листья длинные, узкие, серебристые. На ветках жёлтенькие цветочки. Их очень много, но они крошечные, почти незаметные. Зато запах их слышен издали. Запах у них особый: если хоть раз вдохнул, никогда уже не забудешь. Вспомнишь серебряный лес — и сразу ощутишь этот запах.

Кусты, похожие на копны розоватого пуха, — это кусты тамариска. Розовые от стволиков до кончиков веток. Сравнивайте с чем хотите: с розовым инеем, с розовым пухом, с розовой пеной из розовых пузырьков. Пчёлы гудят в нагретых ветвях, варят розовое варенье.

У невиданного леса и название неслыханное — тугай. Ни бор, ни тайга, ни дубрава, ни роща, а таинственное — тугай.

Тугай пропитался красками юга. Яркие бабочки, яркие птицы и травы. На солнечные тропинки из тенистых зарослей по утрам выходят фазаны. Перо их багрово вспыхивает и переливается. Это живые жар-птицы. Когда они взлетают, кажется — вспыхивает фейерверк!

На серых сухих сучках любят сидеть щурки. Птички совершенно тропического облика и окраски. Лазоревые грудки, жёлтые горлышки, золотистые спинки: И красные — как рубины! — глаза. Когда они проносятся над кустами розовых тамарисков, в глазах рябит.

Голубые сизоворонки кричат резкими трескучими голосами. Овсянки, похожие на канареек, поют старательно, задирая клювики в небо. Порхают удоды, похожие на пёстрых огромных бабочек. И воробьи тут не обыкновенные, а испанские: очень яркие, очень пёстрые, страшно горластые.

Вечера в тугаях тихие, насторожённые. Вдруг отчаянно закричит фазан и захлопает быстрыми крыльями. Значит, лиса или дикий кот спугнули его с земли.

Услышишь сердитый звериный рёв. Рёв никого не путает: ревёт косуля. У этого безобиднейшего существа почему-то очень страшный голос.

Шелест тростников, дробный топот: на поляну выбежали кабаны.

Звонко и сильно свистит соловей.

Жёлтая луна показалась за корявыми, изогнутыми стволами. Ночь. Пахнет цветущей джидой. Незабываемый запах. Незабываемый уголок нашей земли.

Предсказатели

В гнезде у фазанки появились фазанята. Было десять яиц, стало десять цыплят. Пушистых, как одуванчики. И у каждого одуванчика клювик и ножки. Клювиками одуванчики начали что-то клевать, а на ножках бегать.

Скоро отросли у фазанят крылышки, начали они порхать и стали «поршками». По вечерам они вспархивали вслед за фазанкой на дерево — повыше от лисьих зубов. Так и сидели всю ночь на сучке рядком — как бусы с хвостиками. Я каждый вечер подтаивался к этим живым бусам, чтобы только посмотреть на них.

Но однажды вижу, фазанята уселись рядком на сучке, а фазанка ещё внизу. Волнуется, квохчет — зовёт фазанят вниз.

— Внизу же лисы! — испугался я.

Но фазанята послушно спорхнули вниз. Фазанка сразу увела их в колючие кусты. И только они там притихли, как заметались по небу жёлтые зарницы, загремел гром и тяжёлые капли-картечины ударили по листьям. Вот бы досталось фазанятам, если бы фазанка вовремя не увела их в кусты! А в кустах им сейчас тепло и сухо. Да и лисы не страшны — они тоже от ливня попрятались.

Фазанка с поршками сухие, а я прибежал домой мокрый. Но зато теперь уж знал: если с вечера фазаны на сучке бусами — сухая и тихая будет ночь. А если в кустах — быть дождю и ветру!

Пыльные зайцы

Пробились сквозь тугай белые, запудренные пылью дорожки. Все они тенями разрисованы и следами расписаны.

Тут вот удод-кривоножка насеменил, длинным носом дырок наковырял.

Там фазан пробежал — настрочил свой куриный след.

Вот чёткие сердечки от копыт пугливой косули.

Зайчик-толайчик наставил восклицательных знаков. А вот он и сам навстречу катит.

Меня увидел, рванулся назад, а пыль с него — столбом! По дороге помчался, а со спины пыль — волной. От лап до ушей в пыли — ну и неряха!

Каждое утро встречал я таких пыльных зайцев. Встречу и удивляюсь: где это он так извозился? Хоть на сучок его вешай и палкой пыль выколачивай!

Оказалось, что зайцы — прямо как курицы — «порхаются» в пыли.

Как-то иду и вижу: заяц в пыли валяется и ногами длинными дрыгает. На одном боку поёрзал, на второй перевалился. На

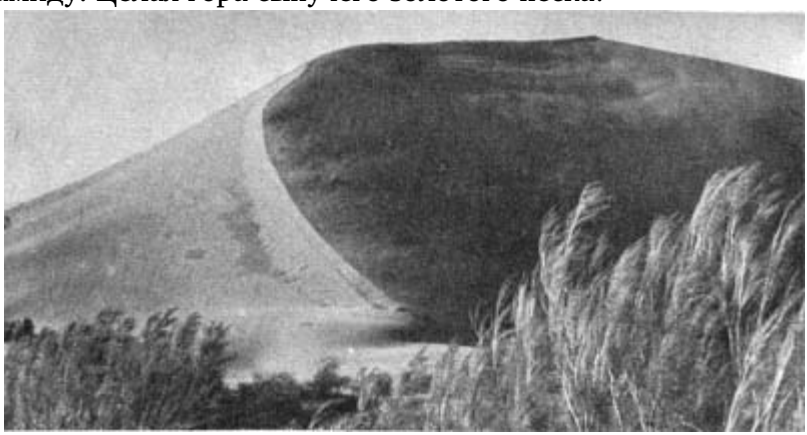
втором поёрзал — спиной о дорогу чесаться стал. Накатался, наёрзался, надрыгался — да как встряхнётся. Пыль клубами пошла, будто гриб-пыхтун лопнул! По дороге помчал — словно, смерчик пыльевой завихрился.

Каждое утро из сырых тугаев выходят на сухие дорожки зайцы.

Ложатся мокрыми животами на тёплую пыль. А шкурка линяет, начинает чесаться. Вот заяц и дрыгается. И до того выкатается в пыли, что даже лисицы, глядя на него, плюются.

Поющий бархан

Мы молча вглядывались в горизонт. Солнце пекло, как сквозь увеличительное стекло. От резкого блеска слезились глаза. Сухие и колючие, как песок, пустынные мухи-слезоедки, вечно изнывающие от жажды, лезли в лицо и жадно пили наши слёзы и пот. Мы щурили и щурили глаза: слишком много неба и света было вокруг. На самом краешке горизонта — таинственный поющий бархан, похожий издали на огромную египетскую пирамиду. Целая гора сыпучего золотого песка!



Два ветра, сшибаясь у лиловых гор, навеяли за тысячи лет этот жёлтый бархан. Вершина его, как вулкан, курится в синее небо. А у подножия, похожие на сизые облака, гнутся по ветру кусты белого саксаула.

Поднимаемся медленно, шаг за шагом, по острому песчаному гребню. И кажется, что идём мы по узкому коньку крыши: вправо и влево скат. С шорохом ползёт из-под ног песок, ветер целыми пригоршнями швыряет его в глаза.

Больше всего сейчас хочется пить. В радужных пятнах перед глазами блестят стеклянные фляги, полные кристальной воды. Сизые грани их запотели от холода и выскальзывают из шершавых ладоней. Стынут на горлышке горячие губы, и ледяная вода вливается в тело.

Но только ветер засвистывает в ушах да на зубах поскрипывает песок. И жёлтые космы песчаной позёмки, как растопыренные пальцы огромных ладоней, полируют, гладят и трут скаты горы, кидают к вершине тучи песка, и вершина курится, как вулкан. И вдруг гора охнула и задрожала! Где-то внутри неё зародился гул; он рвётся наружу, он приближается и растёт. Вот он вырвался и навис над равниной, глухой, тревожный и непонятный!

Мы прыгаем с гребня на скат и катимся вниз. Под ногами взбухают жёлтые песчаные волны. Справа и слева несутся лавины песка. Гора гудит и трясётся. Всем телом чувствуем эту яростную дрожь: гора бьётся, как в лихорадке.

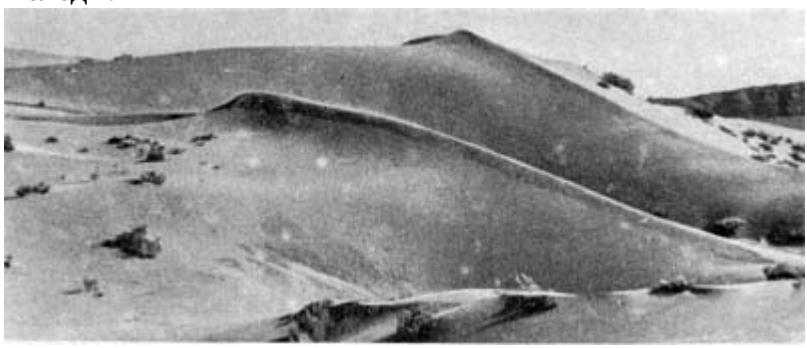
Несётся ревущий песок, гудит и трясётся гора. Поющий бархан поёт. Мы катимся вниз обалдевшие и оглушённые.

И вдруг тишина. Гора умолкла так же внезапно, как и запела. Поднимаемся на ноги и вытряхиваем песок из волос и ушей, пригоршнями выгребаем его из карманов и «выливаем» из ботинок и сумок. Мы очень довольны. Нам здорово повезло: мы слышали голос духов горы..

Совсем недавно ещё рёв горы вызывал суеверный страх. Сейчас уже все понимают, что это не «голос пустыни» и это не «духи горы». Но загадка поющего песка не разгадана до конца до сих пор.

Снова идём по пустыне, топчем ногами свою же тень. По пустыне струится знойное марево. Прямые стволики саксаула извиваются в нём, будто отражённые в неспокойной воде. Далёкие впадины под горами наливаются светлой водой. А голубые вершины гор вдруг отрываются от хребтов и повисают в воздухе, как облака. Всё ослепительно и неверно.

Снова солнце режет глаза. А юркие струйки песка засыпают наши следы.



Сам карусель

Средь золотых тростников у озерка красная осоковая поляна. Осоку ночью ожёг мороз, и она стала красной. Иду на зорьке по колено в красной траве, вслушиваюсь и всматриваюсь. Слышу — звякнула под ногой льдинка, вижу — из-под сапога выстрелили веером белые стрелки-трещинки.

И вдруг взрыв — хвостатая рубиновая ракета! Сзади вторая — кричащая, сверкающая, стремительная! Фазаны!

Я крутнулся, повёл за фазаном ружьё и уж было догнал стволами его дрожащий на лету хвост, — фазан исчез за ветлой.

Взрыв слева — круть влево! Но вижу только стволы ружья и не вижу фазана. Взрыв справа — кручусь вправо, вижу фазана, но не вижу ружья. Взрыв — в глазах двоится: два фазана, четыре ствола!

И пошло: взрыв сзади, спереди, слева, справа, рядом, дальше, ближе! Кручусь, кручусь ошалело — карусель да и только.

Ружья больше не вижу. Вижу только сверкающих птиц, перо которых вобрало в себя весь блеск солнца и все жаркие краски юга. Вижу их синие рогатые головки, отчаянно косящие глаза, бешено бьющие крылья, роскошные длинные хвосты, вибрирующие от ветра.

Дюжина жар-птиц на пылающей полянке!

Голова кругом!

Заячьи носогрейки

Морозище, даже зайцы продрогли. Может, даже уши себе отморозили. Не помогли ни тёплые заячьи шубки, ни шустрые заячьи ноги. И вот залегли зайцы в бурьян, призадумались, закурили заячьи носогрейки. Тут и там над бурьянами светятся трепетные дымки. Против солнца так и попыхивают.

Это зайцы свои носогрейки раскуривают. Где дымок — там и заяц. Лапки под себя поджал, уши на спину уложил, из носа колечки пускает. Думает.

Пустыня

Пустыня — это жёлтое и голубое.

Голубое вверху — небо. А жёлтое вокруг — впереди, позади, справа и слева. Сколько видит глаз и ещё дальше, за горизонтом. Земля, опалённая солнцем.

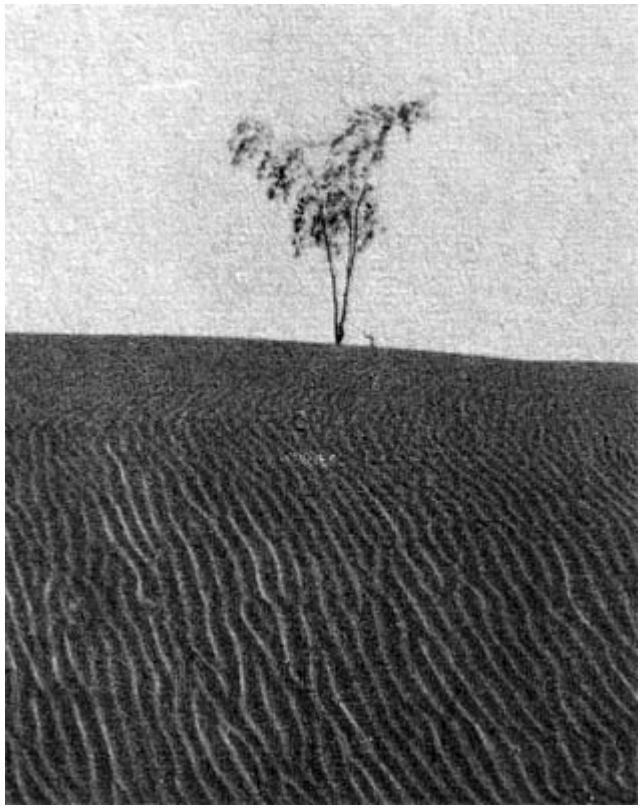
Окаменевшая звенящая глина, растрескавшаяся, как паркет, — это такыры. Топкие хлюпи-болота, засыпанные белой солью, — солончаки. Сугробы песка, разрисованного ветровой рябью, — барханы. И жара.

Скалы, почерневшие от загара. Камни, лопнувшие от жары. Раскалённый песок, который жжёт сквозь подошвы.

В пустыне всё непривычно и непонятно.

Реки, которые никуда не впадают. Проливные дожди, которые высыхают, не долетая до земли. Деревья, под которыми нету тени. Родники, вода которых не утоляет, а разжигает жажду. Даже хорошей погодой тут называют не солнечную и сухую, а пасмурную и дождливую. Даже зонт защищает тут не от дождя, а от солнца.

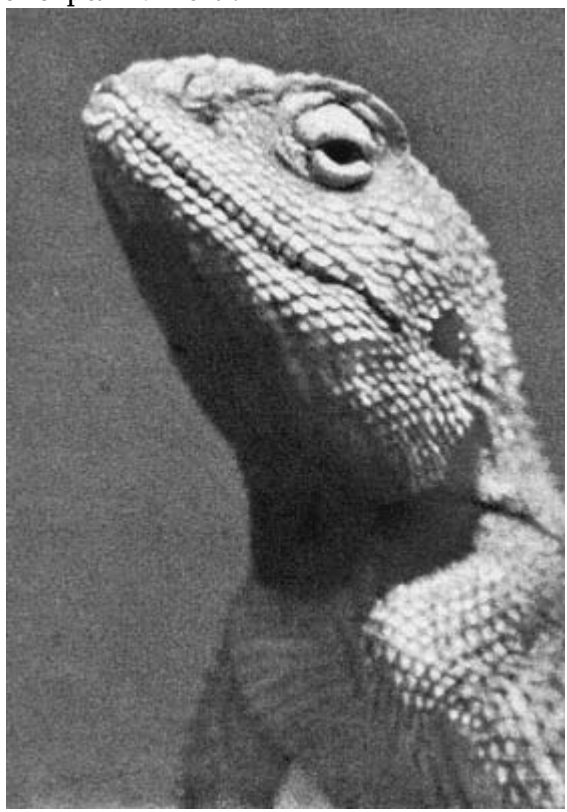
Идёшь, и тень твоя испуганно путается в ногах. Будто топчешь большую чёрную птицу. И шустрые струйки песка засыпают позади твой след…



Синяя борода

Он сидел на груде почерневших от пустынного загара камней. Сидел неподвижно, поджав кривые ножки и опершись на тонкие ручки.

Сидел и смотрел на меня.



За всю мою жизнь никто не смотрел на меня с таким презрением, как этот чешуйчатый уродец с пятнистыми губами! Мне даже не по себе стало — и я шагнул вправо. Уродец не пошевелился. Я шагнул влево — даже и не моргнул. Я зашёл сзади — он не повернулся. Я опять подошёл спереди. Уродец всё так же презрительно смотрел вперёд. Теперь уже мимо меня. Прямо перед собой. На весь мир.

Громоздились на небе горы из облаков. Блестели на горизонте миражи-озёра. Над землёй пронеслись стремительные птицы саджи. По земле, как видения, промчались джейраны.

Мои глаза разбегались. Он же смотрел в одну точку. Он был невозмутим. Он смотрел вдаль. Он презирал суету.

И вдруг весь он преобразился. Быстро приподнялся на лапках. Хвост закрутился спиралью. Сверкнули глаза под отёкшими

веками. На горле отвисла чешуйчатая борода. Большая синяя борода клином.

Наконец-то в этом мире нашлось что-то, достойное его внимания! Даже белое брюхо его посинело, так он разволновался.

Я старательно смотрел по сторонам. Облака растаяли в небе. Потухли миражи-озёра. Давно унеслись саджи. И ускакали джейраны. Зато появилась… муха! Метнулась агама к мухе и проглотила, выгибая шею. Белым языком облизала пятнистые губы.

И снова живот у неё стал белым. И синяя борода исчезла. Опять равнодушие и презрение — к земле, к небу, к солнцу. Но только не к мухам.

Пустыня ночью

На горячие барханы опустилась прохладная ночь. Чёрная земля и небо цвета призрачной глубины океана. И тишина такая, какая бывает, наверное, только на океанском дне.

Но вдруг крик громкий, тоскливый и жутковатый слышится совсем рядом. Голос унылый, протяжный, какой-то пустынный. Он так и манит к себе.

Беру в руки фонарь и шагаю на крик. Крик опять летит над чёрной пустыней, но уже чуть подальше. Я иду и иду, а голос, не удаляясь и не приближаясь, звучит впереди. И всё манит и манит В ночную пустыню, подальше от дорог, от костра, от людей.

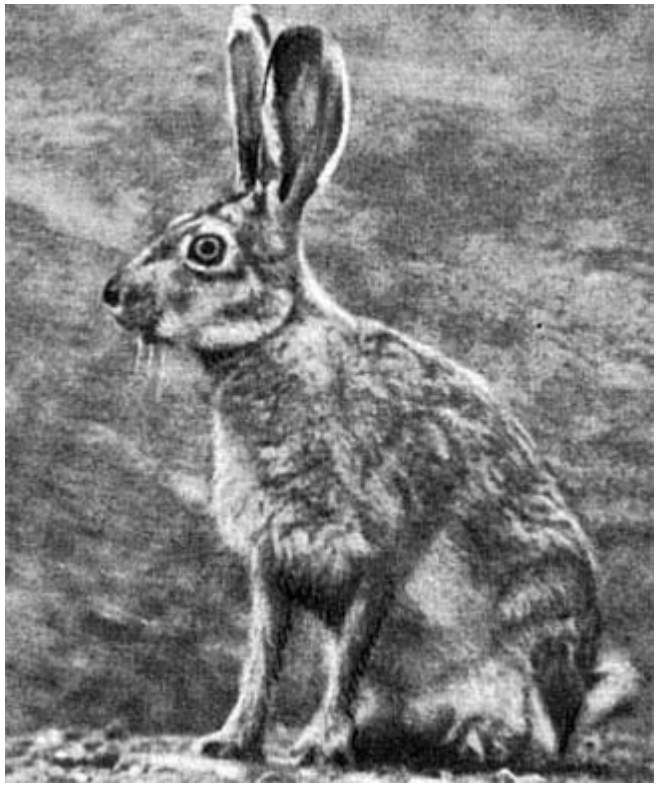
Я один среди ночи и тишины. Под ногами похрустывает щебень. А таинственный голос всё зовёт и зовёт. Это авдотка — странный пустынный кулик с большими золотыми глазами. За такие глаза называют его глазуном. Весь день он лежит неподвижно, сливаясь с песком и сорняками. И только два глаза, как два янтаря, поблёскивают на песке. За привычку лежать называют авдотку ещё и лежнем.

А спустится ночь — авдотка просыпается, начинает бегать, летать и кричать. И голос её, таинственный и унылый, тревожит пустынную ночь.

Небо в россыпи ярких звёзд. Я включаю фонарь — звёзды и на земле!

Вот зелёные изумруды, — это глаза паука тарантула. Не пожалела природа на тарантула глаз! Спереди два — как фары, под ними четыре — подфарники, ещё сверху два — надфарники.

А вот звёзды красные, как рубины. Это глаза ящерицы геккона. Стоит он на тоненьких ножках и виляет хвостиком, как собачка. Чешуйки на нём крупные, как на рыбке. А хвостик покачивается и что-то шепчет-шепчет, — это чешуйки хвоста трутся друг о друга. Геккончик испуганно смотрит и удивлённо протирает глаза свои красные языком!



Под кустом два тускло-розовых глаза. Там заяц-песчаник лежит. Вот глаза приподнялись и покатили, подскакивая, как по ступенькам.

Как два летучих светляка плывут над кустами глаза голубые.

Голубые с зелёным огнём. Это идут джейраны.

А вот неверные, разноцветные: то красноватые, то вдруг зелёные. Там хищный барханный кот. Посветил глазами, поиграл красками и вдруг погасил их, как выключил. Значит, пригнулся и неслышно уполз.

Я тоже выключаю фонарь, и сразу же гаснут земные звёзды. Зато звёзды над головой становятся ярче. Щебень сухо похрустывает под ногой. Авдотка всё зовёт и зовёт, а я всё иду и иду…

Хитрый удод

Для того у удода и нос длинный, чтобы его во все совать. Нос не сунешь — с носом и останешься! В щелях-то жуки, и пауки, и личинки прячутся.

Зато и достаётся бедному носу: то ударит его, то защемит, то набок свернёт. Земля жёсткая, камни крепкие, щели узкие. До того за день удод нос наломает — глаза б не глядели на щели и трещины.

А глаза глядят — на то они и глаза! Вот опять норка у камня. И паутинка у входа блестит. Значит, паук в глубине засел. А пауки очень вкусные. Ничего не поделаешь, надо нос в щель совать.

Ткнул удод для начала носом в мягкую паутину — а паук как выскочит! Вот он — и доставать из щели не нужно. Подумал паук, наверное, что это кузнечик запутался щели в его паутине, сеть его стал трясти. Выскочил паук закусить, да сам на закуску попал! Защемил его удод клювом, словно пинцетиком.

С тех пор удод приспособился.

Увидит паутинку у норки — нос напрасно в щель не суёт.

Подёргает за паутинку слегка, выманит глупого паука — и проглотит.

Ни тебе забот, ни труда. И нос цел-невредим. Даже и не зачешется.

Саксауловый лес

Во всяких лесах бывал: в сосновых, еловых, берёзовых. В лиственных, хвойных, смешанных. Но впервые вхожу в лес пустыни — саксауловый.

Деревца похожи на раскидистые кусты. Стволы Жёлто-пятнистые, как старые кости. Иные кручены- перекручены, словно окаменевшие удавы.

Под каждым деревом голое глинистое пятно в норках-дырках.

Между деревьями реденькая травка — осочка.

Для глаза всё непривычно.

Лес не зелёный, а какой-то оливково-серый.

Тень под деревьями полупрозрачная, ненадёжная.

Да и как же ей быть надёжной, если на саксаулах никогда не бывает… листьев! Вместо листьев зелёные веточки. Лес без шороха листьев…

Я вслушиваюсь в звуки леса. Саксаулы шумят как наши сосны: ветер в них глухо шипит. Но прохлады от ветра нет: под саксаулами жарче, чем на барханах.

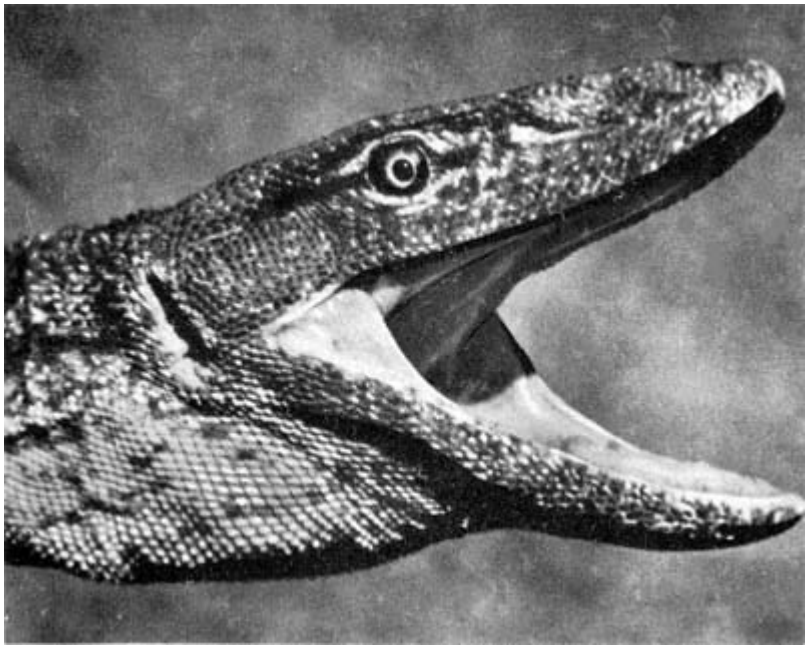
С сухим треском перелетают с дерева на дерево саранчуки — большие, как птицы. Прицепятся цапучими лапками и долго возятся в оливковых веточках, похожих на свисающие хвощи.

Знакомый голосок — синица поёт!

Синица-то синица, да не наша желтогрудая, а пустынная — серая.

Знакомый стукоток — дятел стучит!

Дятел-то дятел, да тоже не наш пёстрый, а белокрылый — пустынный.



Знакомый топоток — заяц поскакал! Тоже не русак, не беляк, а заяц-песчаник.

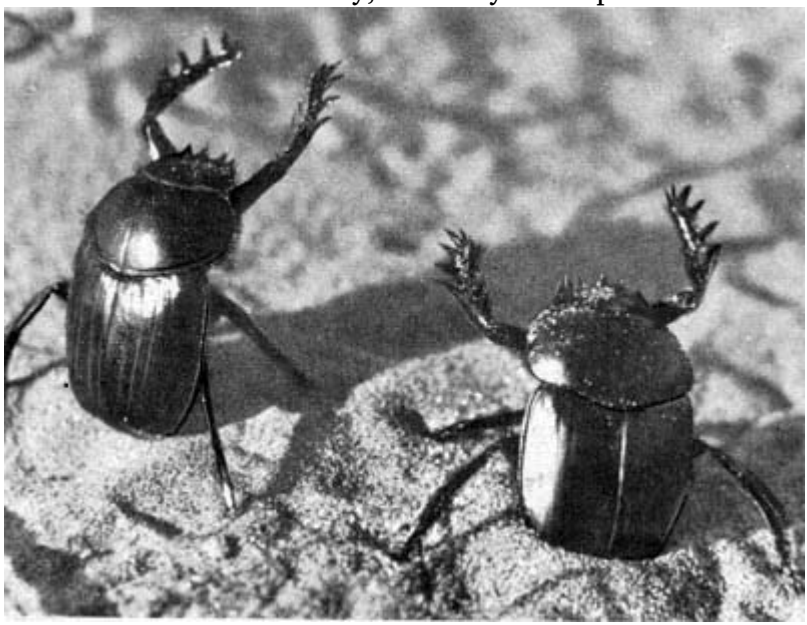
Змея тут живёт — эфа, дикий кот — каракал, ящерица — варан.

Незнакомый лес, незнакомые птицы, незнакомые звери.

Я сижу на странном извивающемся стволе саксаула. Странно шумит на ветру странный лес. Лес без прохлады, без тени, без листьев.

Нахальные жильцы

Только поставили палатку, а в ней уже непрошеные жильцы.



Днём залетела большущая серая саранча. Её схватили, хотели выкинуть, а она шипами на задних лапах порезала пальцы до крови.

Вечером пришёл палочник. Насекомое странное, необычное, неуклюжее — похожее на карандаш с паучьими ножками. Отложил этот шагающий карандаш жёлтые яички на спальный мешок и невозмутимо пошагал к выходу, покачиваясь, как на рессорах.

В видоискателе фотоаппарата поселился крохотный паучок и уже сплёл паутинку.

А на объектив какой-то насекомыш прилепил кругленькие яички.

На рубахе, которая сохла, появилось два белых шелковистых кокона. Под консервной банкой собрались маленькие — с муравья — богомолы.

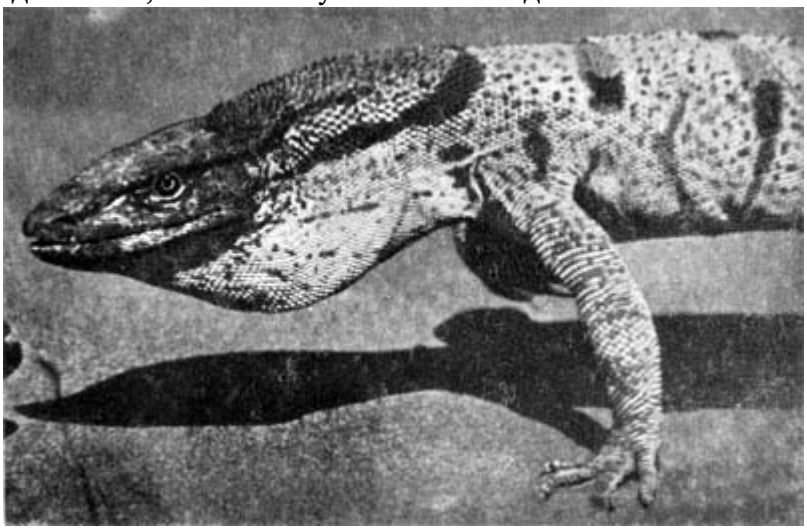
Ночью, трепеща крылышками, бегала по палатке мохнатая ночная бабочка. Утром под надувной подушкой нашли большую волосатую гусеницу.

В ведёрко резиновое заползла фаланга, а под стельку кеда — клешнятый скорпион.

Бойкие наши жильцы без спроса обживают палатку. Того и гляди, хозяев из неё выживут!

Варан собирает дань

След варана тянется через барханы от одного городка песчанок к другому. Песчаный крокодил собирает дань. Стоит ему появиться и сунуть морду в крайнюю нору, как под землёй начинается переполох. Топот, возня: тревога, тревога! Песчанки выскакивают из одних нор и шарахаются в другие. Пыль взлетает, как от маленьких взрывов. А где-то под землёй уже хозяйничает варан, продирается сквозь лабиринты узких ходов, наводя ужас и панику. Достаётся тут и хозяевам и жильцам. Песчанка замешкалась — очень хорошо, удавчик заспался — тоже не плохо! Фаланга, скорпион, песчаный таракан — вполне съедобно, молодая агама, геккон — лучшего и не надо!



Но сегодня варану не повезло. Все тупики облазил, а нашёл только компанию бабочек, спрятавшихся от жары. Бабочки так бабочки, хотя, конечно, пища это легковесная, суховатая, да и в горле от неё першит.

Высунул голову из норы, облизался, зевнул во всю зубастую щучью пасть и не спеша, вразвалку пошагал дальше.

Потянулся вараний след через барханы к новому городку.

Смерть черепахи

Черепаха сквозь сон почувствовала сладостное тепло, очнулась и, тупо двигая онемевшими после зимней спячки ногами, выползла из норы. Выползла и долго лежала у входа, медленно моргая то одним, то другим глазом. Двадцатую весну встречает она в пустыне, но никак не может привыкнуть к ослепительному свету весеннего солнца.

Панцирь черепахи весь в ссадинах, трещинах и царапинах. Вряд ли она помнила все невзгоды своей долгой жизни. Может быть, вот эта царапина от зубов корсака. А вот эта трещина, скорее всего, от удара о камень.

Как-то орёл подхватил её, поднял высоко в воздух, но не сумел удержать, уронил. Она грохнулась прямо на камни, и надёжный панцирь её треснул.

А сколько ещё на нём разных отметин!

Черепаха дремала на солнце, странно моргая то правым, то левым глазом.

Тело просило еды. Вот уже 200 дней, как черепаха ничего не пила и не ела.

Со всей быстротой, на какую только была способна, черепаха тронулась в путь. Черепашья скорость — 12 метров в минуту. Это не так-то и мало. Через полчаса она была уже далеко от своей норы. Черепаха знала — не напрасно прожила двадцать вёсен! — что первую траву надо искать в низине. Но перед низиной тянулась глинистая гряда. Вот удивились бы те, кто привык считать черепах безнадёжно неуклюжими существами! Черепаха ловко и смело — не зря панцирь её весь был в рубцах! —

карабкалась по круче, цепляясь лапами за выступы и углубления.

За кручей был крутой спуск; черепаха съехала по нему на своём костяном животе, втянув от страха под панцирь лапы и голову. Видели вы брюшные щитки черепах? Они отшлифованы, начищены до блеска песком и камнями. Как подошвы походных ботинок самых что ни на есть заядлых путешественников.

Теперь осталось переползти такыр: за ним и трава — зелёная, сочная, солоноватая, вкусная.

На такыре скопилось немного воды. Вода разжижила глину, превратив её в серый кисель. Черепаха не стала его обползать: трава виднелась так близко! Она смело скользнула в кисель, но вдруг почувствовала, что прилипла. Черепаха задёргалась и заворочалась, выдираясь из вязкой жижи. Но силы после зимовки были слабы.

Жижа облепила панцирь, а лапам не во что было упереться.

Долго ворочалась в грязи черепаха. Лапы слабели, а жижа становилась всё гуще и вязче.

Солнце, то самое солнце, которое только что вернуло её к жизни, теперь её убивало. Оно накаляло панцирь, оно превращало жижу в твёрдый, как камень, асфальт. Ещё заживо оно вмуровало, вцементировало черепаху в глину такыра и, задержав, убило.

Вязкая смерть не оставила на панцире ни ссадинки, ни царапинки. Черепаха темнела на светлом такыре, как муха на листе липкой бумаги.

А совсем рядом, до обидного рядом был твёрдый берег и зеленели травинки, сочные, вкусные и солёные.

Песочное одеяльце

Летом круглоголовка под песочным одеяльцем спит. Вы под ватным, пуховым или суконным, а она — под песочным. Как только зайдёт солнце и потянет прохладой — круглоголовка ложится животом на песок и начинает дрожать. Дрожит, трясётся и… тонет в песке! Вот уже тельце утонуло и хвост, и тотчас начинает трястись-вибрировать голова и тоже тонет в песке. Только что вот тут ящерица была, а сейчас голый песок, ровное песчаное одеяльце. Вечерний ветерок дунет — последние складочки заровняет. Спит круглоголовка спокойно в тепле до утра.

Черепашья скала

Чёрная скала-останец торчит посреди голой равнины. Показали мне её пастухи. И сказали, что там — кладбище черепах.

И верно: вокруг скалы разбитые панцири. Прямо свалка битой посуды: битые «глиняные» миски, тарелки, тазики, полоскательницы.

Сапоги с костяным стуком перекатывают черепки, каблуки с хрустом их давят. Большие старые панцири, похожие на засохшие ананасы.

Пастухи говорили, что старые черепахи со всей равнины сползаются сюда умирать. Вот уже много-много лет. Древнее кладбище черепах.

Скала тягуче и тоскливо гудит. Волны горячего ветра накатываются на одинокий утёс и, разбившись, поскуливают и свистят. Почему бы черепахам и в самом деле не сползаться умирать в это пустынное и унылое место.

И мне представляются древние черепашьи старики и старухи: больные, слабые, немощные. Дряблые складки на серой шее, слезящиеся глаза с набрякшими веками. Тусклые панцири их в шрамах и трещинах.

Тупо переставляя слоновьи ноги, черепахи медленно подползают к скале и, уткнувшись в чёрные камни, лежат неподвижно.

Угрюмо гудит скала, ветер завивает песчаные смерчики над тяжёлыми панцирями.

Дальше пути нет, И нет желания двигаться.

Но почему все черепашьи панцири разбиты и покорёжены? Не могли же черепахи сами себя покалечить! Тут какая-то тайна: что-то не похоже, чтобы черепахи умирали своей смертью.

Перебирая битые панцири, внимательно смотрю по сторонам. Разгадка должна быть где-то рядом! Разгадка свалилась… с неба!

Чуть-чуть мне не на голову. Что-то глухо хрястнуло о скалу сверху, что-то запрыгало по камням вниз и шлёпнулось на песок. Черепаха! Большая, старая, с расколотым, как орех, щитком.

Задираю голову — так и есть! — над скалой плывут два орла. Как два самолёта-бомбардировщика. Вот задний орёл кренится на крыло, закладывает широкий вираж — словно заходит на цель — и вдруг пикирует на скалу. Выходя из пике, он распахивает широченные, как два одеяла, крыла, бросает «бомбу» и взмывает в вышину.

«Бомба» стукается о камни и катится вниз. Ещё одна

черепаха!

Так вот оно что!

Отбомбившиеся орлы не спешат улетать. Они рассаживаются на камни поодаль и ждут. Ждут, когда я уйду и отдам им их добычу.

Черепаха — крепкий орешек даже для орлиных клювищей и когтей.

Вот они и кидают их с вышины на камни — раскалывают орешки.

Потому-то у этой скалы — одной-единственной на всю равнину! — и образовалось кладбище черепах.

Сенокос

У песчанок начался сенокос. Старые песчанки далеко отбегают от нор и стригут зубами траву. Настригут, натолкают в рот целый пучок-снопок — и тащат его к норе.

Тут и там в зелёной осочке мелькают светлые зверьки. Кто стоит столбиком, кто скачет к норе. В зубах пучки, снопики, букеты. Одна притащила пышный букет красных маков. У другой в зубах букет жёлтых ромашек.

Пучки, снопики и букеты раскладывают у нор на горячий песок — сушиться. Но из нор тут же высовываются маленькие песчаночки, садятся поудобнее на задние лапки и передними начинают быстро-быстро заталкивать в рот зелёные травинки. А самые шустрые даже встречают стариков с пучками и объедают травинки прямо у тех изо рта.

Сенокос в полном разгаре. Старые косят и носят. Молодые опробывают. Солнце траву сушит.

Пугливый сверчок

Ночью поёт в пустыне сверчок. Так поёт — даже спать неохота! Как колокольчик звенит. Лежишь на спине и слушаешь, слушаешь.

Сколько глаз видит — всё звёзды и звёзды, сколько слышит ухо — всё сверчковые колокольчики. И тут и там. И у самого горизонта, А может, это и не сверчки, может, это звёзды ночные звенят?

Может, и звёзды: ни разу я сверчков не видал! Услышать их просто, а разглядеть — невозможно. И не потому, что ночью, а потому, что удивительно они чутки и пугливы. Как ни осторожничай — всё равно услышат и замолчат: Я сердился, ругался, смеялся — но ничего поделать не мог. Подбираешься чуть дыша — слышат. Заслоняешься кустом тамариска — видят. Стоишь, не дышишь, не падает от тебя даже лунная тень — а сверчок не пошевелится и не пикнет. Уж такая вокруг тишина, что слышишь, как твоё сердце стучит.

Сердце стучит. А может, сверчок слышит сердце?

Так и не удалось мне увидеть певца. Знаю о нём понаслышке. Всё могу: прятаться, тихо ходить, подолгу не шевелиться. Но сердце остановить не умею и поделать с ним ничего не могу: чем ближе тайна — тем громче стучит. А сверчок чуткий, наверное, слышит. И сразу же перестаёт петь.

Хомяк работает головой

Повезло хомяку — наткнулся на гнездо дрофы-красотки. Лежат прямо на земле два большущих яйца — ну словно два бочонка с мёдом. Забирай и пируй!

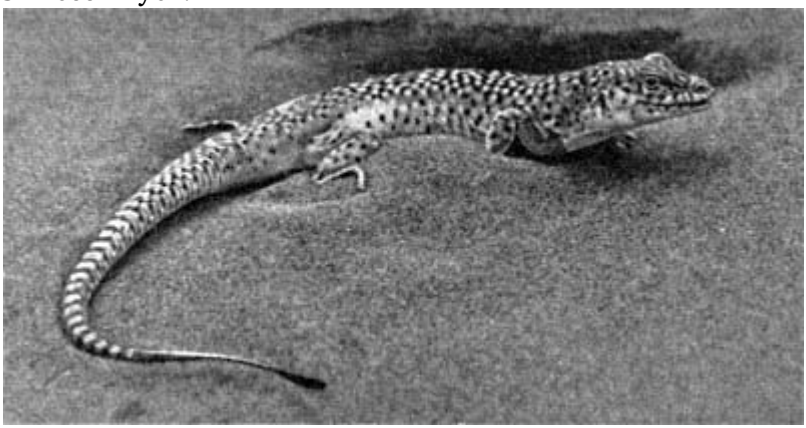
Только вот лапками никак яйцо не обхватить — выскальзывает. И за щёку такое не затолкать — ещё и рот раздерёшь. А бросить, конечно, нельзя, — жалко.

Возился хомяк, возился, ёрзал, сопел, пыхтел — ничего не получается. Тогда упёрся в яйцо лбом — и покатил его к себе в нору! Раз дело не по зубам, не по лапам — головой надо работать!

Ящуркин нос

Красавица сетчатая ящурка — золотая в чёрную крапинку! — всюду суёт свой нос. Носом своим даже сквозь землю чует. Вот ползёт не спеша и всё время тычется в песок носом. Ползёт, тычется и вдруг начинает копать. Зароется по самые плечи и… вытащит из песка полосатую, как зебра, чёрно-белую гусеницу! Тряхнёт её хорошенько, проглотит, оближется — и опять ползёт и вынюхивает. Прямо как охотничья собака!

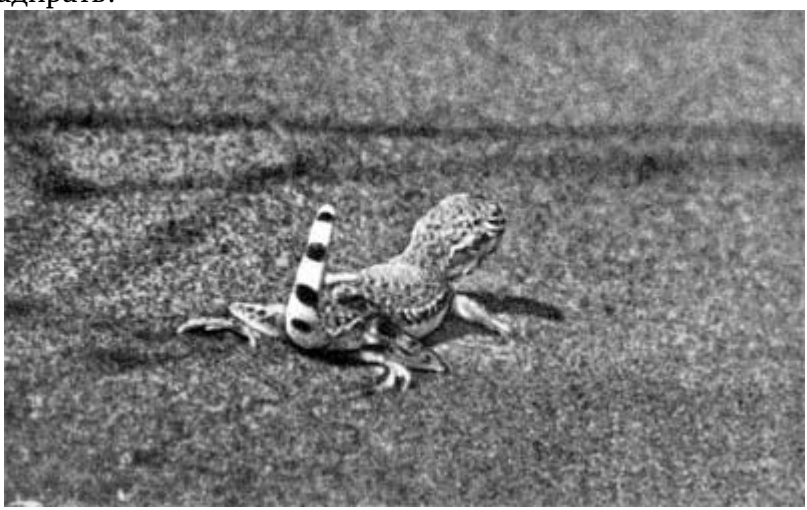
Ни разу не видел, чтобы она напрасно копала. Вот это нос — сквозь песок чует!



Хвост торчком

Песчаная круглоголовка. Всю жизнь на песке живёт и сама словно из песка слеплена. Чешуйки как песчинки, и цвета песчаного, от хвоста и до носа. В общем, и шапка-невидимка на ней, и курточка-невидимка, и штаны-невидимки. А чтоб совсем с глаз исчезнуть, так ловко распластывается, что и тень свою под живот прячет. И никакой злыдень бы её никогда не заметил, если бы не любила она… задирать хвост!

То, и дело задирает хвост всем напоказ. А хвост у неё заметный, полосатый, как рейка, как дорожный шлагбаум — всем в глаза так и бросается, А чего бы уж проще: поджать хвост и жить спокойненько. Но ей это не нравится. Что это за жизнь, если хвост не задирать?



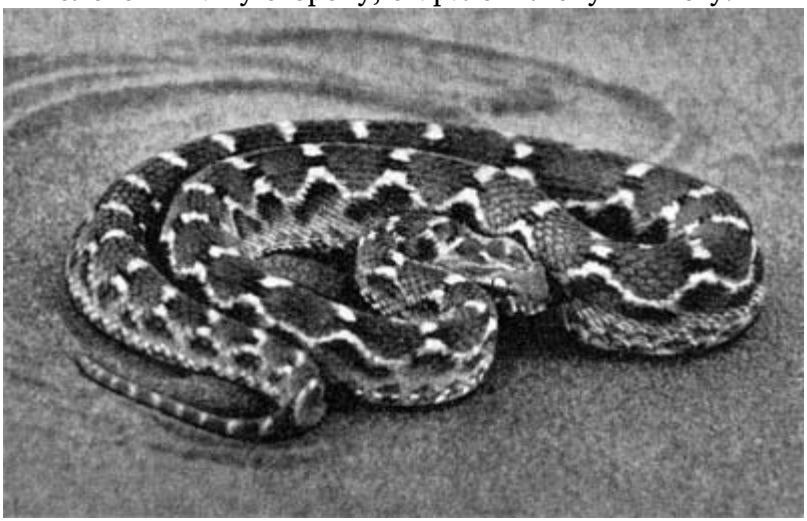
Не задерёшь, — так никто тебя на песке и не увидит. Не только враги, но и друзья. А с кем тогда играть-веселиться? С кем по барханам гоняться наперегонки? Не-ет, пусть хвост торчком! Была не была! Где наша не пропадала!

Поджаренная злость

Раз услыхал я в песках странное шуршание и потрескивание. Вот так на раскалённой сковороде сало шкварчит. Но не торопитесь в гости на угощение.

Это стрекочет ночная змея эфа. Она слышит шаги и предупреждает: проходи мимо! А замешкался — «сало на сковородке» зашкварчит громче и злее. «Эфа поджаривает злость», — говорят ловцы змей.

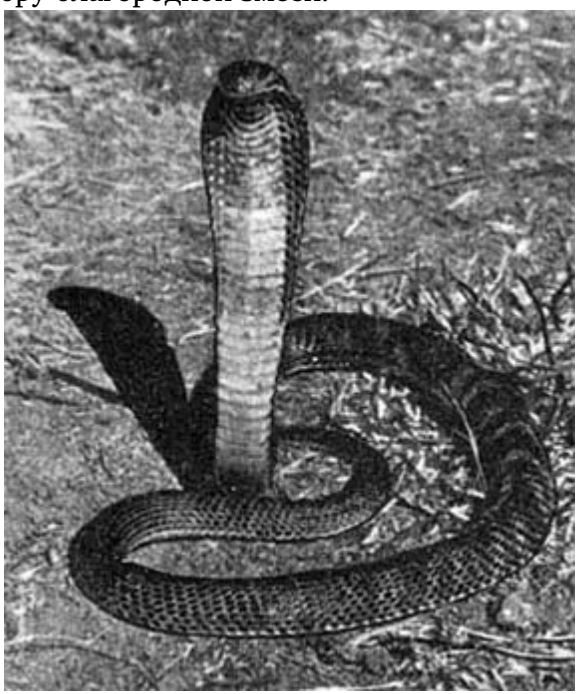
И когда злость у неё поджарится и накалится, станет эфа тыкать головой в вашу сторону, стараясь клюнуть в ногу.



Змея, которая стоит

Кобра не укусит исподтишка. Если идёшь и не видишь её, она сама о себе предупредит: вскинет чёрную голову над землёй — «встанет на хвост», как говорят змееловы. Засверкает круглыми птичьим глазками, развернёт чешуйчатый капюшон, зашипит и зафыркает, как сердитая кошка, «Видишь, — я ззdесь! Лучшше ужж ухходи!».

За такое своевременное предупреждение ловцы змей называют кобру благородной змеёй.



Крикливый хвост

От страха у сцинкового пучеглазого геккончика хвост начинает стрекотать, словно кузнечик: «Тр-р-ревога! Удир-р-рай!»

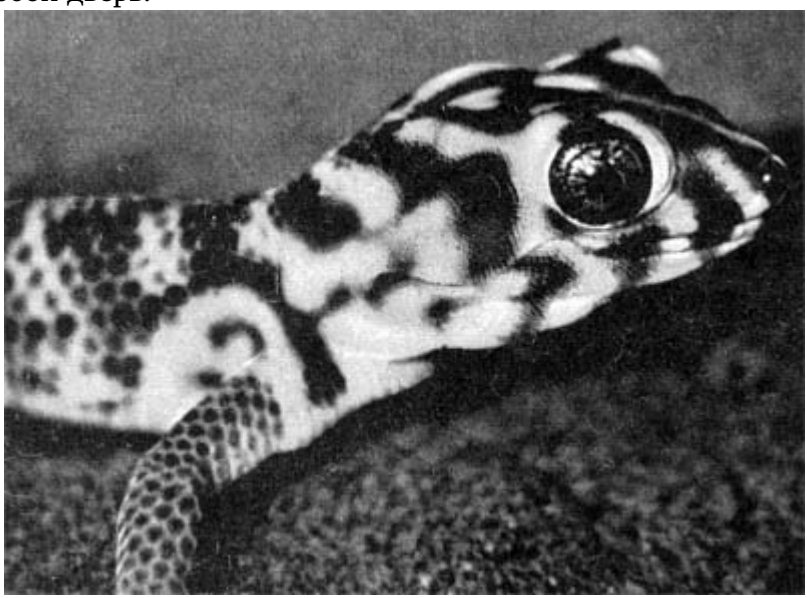
Услышав отчаянные крики хвоста, все гекконы-соседи разбегаются кто куда. И если крикуна тут грубо схватить — хвост у него отвалится, Геккончик от страха потеряет «голос», лишится «дара речи».

«Голос» у него, оказывается, ломается.

Но и отломленный хвостик будет вертеться, кататься по песку и вопить во все чешуйки:

«Т-р-р-ревога! Уди-р-р-рай!»

И пока вы будете в изумлении на него глазеть, его бесхвостый онемевший хозяин кинется втихомолку в свою норку и захлопнет за собой дверь.

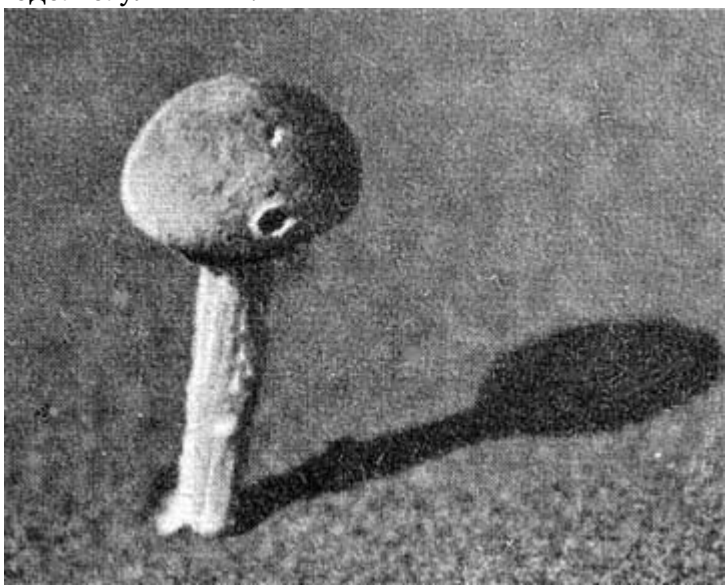


Зимний гриб

— Зима, а на окне мотылёк! Новый год, а за окном дождь грибной: весёлый, искристый, частый!

Песок на барханах сырой и плотный. Саксаул мокрый и блестящий. А под саксаулом на песке — грибы! Самые настоящие: свеженькие, молоденькие, чистенькие. Ножки, шляпки — всё как положено. Даже запах грибной.

А где-то сейчас глухая зима. Вьюга, метелица, гололёд. А у нас в пустыне дождик грибной. Грибы новогодние, свеженькие. Грибы подсаксаульнички.

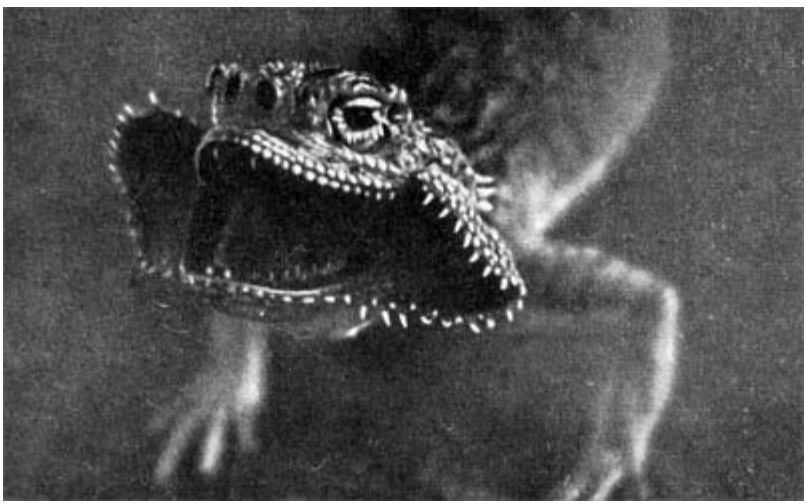


Рот с ушами

На гребне бархана, вытянувшись на кривых ножках, стоит головастая ящерица. Хвост скручен кренделем, как у дворняжки. Вот она увидала меня и завиляла хвостом по-собачьи.

Я подумал, что она мне обрадовалась, но она стала сердито хвост скручивать и раскручивать.

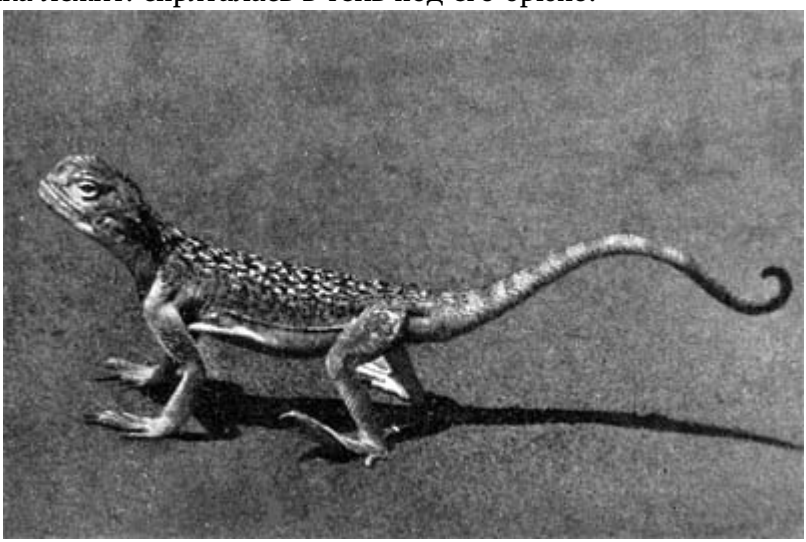
Но я не испугался, и тогда она вдруг прыгнула мне навстречу, фыркнула и так разинула рот — вот сейчас зальётся сердитым собачьим лаем и тявканьем!



Ну и рот — не до ушей, а… с ушами! В углах красной пасти растопыренные красные уши! Я так и попятился: рот с ушами — кому жутко не станет!.

Жара

Самое желанное в жару — тень. Песчанки от жары под землю спрятались, в норы. В норку песчанки спряталась и каменка-плясунья. А сыч спрятался в тени саманной развалины. Дикие голуби залетели в колодец: расселись на обкладке из сюзена — песчаной акации над водой. Стрела-змея вползла на куст — растянулась на ветерке. Один верблюд на самом припёке стоит. Некуда ему, такому здоровому, спрятаться. А в ногах у верблюда собака лежит: спряталась в тень под его брюхо.



«Проклинающая солнце»

В самое злое пекло, когда все прячутся кто куда, агама вползает на вершину сухого куста и задирает голову в небо. Из-под тяжёлых чешуйчатых век недобро поблёскивают глаза: она смотрит прямо на огненное солнце.

«Беспощадный огонь, ты губишь в пустыне жизнь. Ты сжигаешь зелёный росток и обращаешь в прах цветы. От кустов и деревьев ты оставляешь одни скелеты. Последние капли воды ты превращаешь в пар. Коробится и стонет земля. Окриком отчаяния раскалываются камни».

Так думают про агаму туркмены — жители жаркой пустыни. И потому называют её — *проклинающая солнце.*

Плата за страх

С весны ящерицы от врагов своими хвостами откупаются, платят им хвостовую дань. Чем дальше в лето, тем больше ящериц без хвостов. Конечно, лучше хвоста лишиться, чем головы. Но и хвост жалко, свой всё-таки! Растишь, растишь. И вид без хвоста не молодецкий. Так, бесхвостая ящерица.

А хищники не унимаются. Сыч в норе запас из ящеричных хвостов собрал, разложил хвосты, как сосиски. Сорокопут хвосты на колючки понанизал — висят, как сардельки. У всех птиц сейчас птенцы в гнёздах, все есть просят. Едоков всё больше и больше, и потому ящериц с хвостами всё меньше и меньше. Полное ящерицам разорение!

Рубаху съел

Хороша у геккона кожа-рубаха — вся в золотых и медных чешуйках-пуговицах! И штаны с белыми рюшечками и оборочками. Но срок приходит всему: выцветает рубаха, пачкаются штаны, Даже геккону носить стыдно. Надо костюм менять.

Для геккона костюм сменить просто: спрятаться в норку подальше от любопытных глаз и стянуть лапками старую одежонку. Переодевается геккон, старается изо всех силёнок, по-настоящему из кожи вон лезет. Вылезет, а под старой одёжкой готова новая — блестит и переливается. И на штанах опять белые рюшечки и оборочки.

Сброшенную рубаху, понятно, ни в штопку, ни в чистку не сдашь. Но и так бросить жалко. Всё же своя рубаха, та, что всего ближе к телу была. И вот берёт её геккон в лапки, складывает поплотней, да и в рот! Съест рубаху — ещё и оближется. Не пропадать же такому добру!

Телеграфный лес

Тянутся через пустыню телеграфные линии. Если взять да и сдвинуть все столбы вместе — получится густой телеграфный лес. Чем телеграфный столб не дерево? Чем перекладины на нём не сучки? Чем провода не ветки?

Коршуны, пустельги, сизоворонки, щурки, сорокопуты приспособили столбы под наблюдательные вышки. С высоты им всё вокруг хорошо видно.

Пустынные вороны, пустельги, коршуны строят на столбах гнёзда. Столб — «дерево» высокое и надёжное, это вам не хилая песчаная акация или разлапистый саксаул.

Дятлы пустыни превратили столбы в свои барабаны: лихие барабаны получились из звонких столбов.

В жару в тени столбов, в тени стволов, прячутся от солнца жаворонки, каменки.

А удоды, пустельги и сорокопуты прячутся в тени изоляторов — словно в тени ветвей.

На закате все птицы телеграфного леса любят на проводах посидеть: отдохнуть, перышки перебрать, жаркое солнце

проводить за барханы.

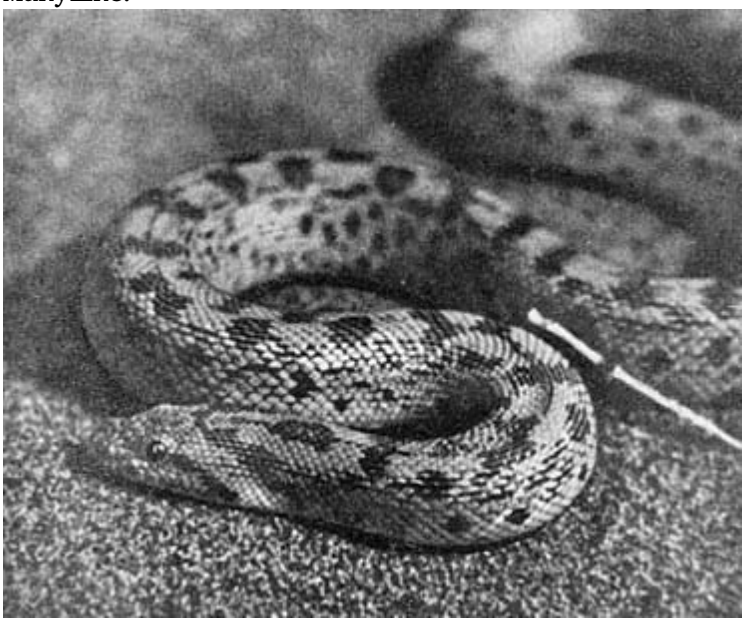
Есть у этого столбового леса и свой лесной шум. Весной ветер поскуливает в проводах, летом щурки звонят клювами — оббивают о провода жёстких саранчуков, осенью позванивает о провода град.

Глаза на песке

Сыпучий песок — песчинка к песчинке.

Но две песчинки особо лежат, они чуть покрупней других — как два пшённых зёрнышка. Страшная под ними таится опасность.

Не крупинки лежат на песке, а глаза песчаного удава! Сам он зарылся, а наружу одни глаза выставил, благо они у него на самой макушке.



Близорукая ящерица, ничего не замечая, беспечно разлеглась у самых удавьих глаз. Плохо бы это для неё кончилось, но тут остроглазая пичуга заметила «зёрнышки» и потянулась к ним.

И дрогнул песок, метнулась гибкая шея змеи, вонзились зубы, тугое тело, как упругий резиновый шланг, обвилось вокруг добычи.

Тревожные барабаны

Тревога! Тревога! В норках песчанок стучат тревожные барабаны: «Тум-тум-тум! Тум-тум-тум!» В поселении замечен враг: то ли варан проковылял, то ли удав заполз, то ли пёстрая перевязка рыскает в подземных ходах. «Тум-тум-тум! Тум-тум-тум!» Тревога! Тревога!

Песчанки мечутся по своим коридорам, быстро барабанят о землю задними лапками. Гремят сигнальные барабаны.

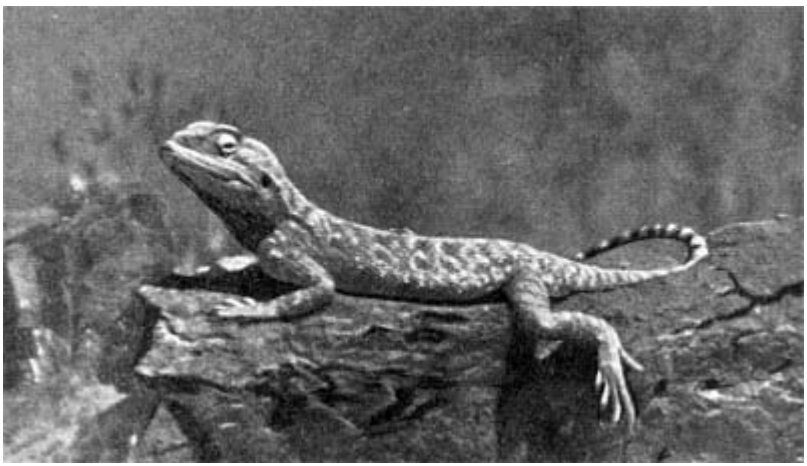
Лунная струйка

Лунная ночь — свои же следы на песке видны. Тянутся позади, как чёрное многоточие. Даже от тощих стебельков чёткие чёрные тени. А уж струйчатые барханы словно киты-полосатики брюхом вверх! И везде по песку искорки, искорки: грани песчинок горят. Из чёрного куста на посверкивающий песок словно лунная струйка вытекла: лениво течёт, извивается, переливается. Это ночной удав на охоту выполз: ползёт и под луной светится…

Прогревание животов

Все позавтракали, пообедали и поужинали — теперь животы греют. Всяк свой живот греет по-своему. Ящурка животом на горячий песок и лапки в сторону. Лежит, дремлет. Чуть песок под нею остынет — дальше переползёт.

Агама вскарабкалась на куст и выставила живот на закатное солнышко. Такырная круглоголовка греет живот горячим камнем, как грелкой! Только не грелку на живот, а живот на грелку. А удавчик зарылся в песок с головой. Принимает горячую песочную ванну. Прогревает сразу и живот, и бока, и спину. Подогревает свой аппетит.



Сквозь землю

Среди серой полынки жёлтый песчаный круг. Весь он в дырочках, словно ломоть сыра. У каждой дырочки песчанки столбиком, как цирковые собачки. Стоят и перекликаются: «Би-биб! Би-биб!» Издали выглядят они вполне симпатично. Но вблизи похожи на крыс.

Вообще, чем ближе их узнаёшь, тем подальше хочется отойти. Говорят, что переносят всякие болезни. Говорят, что губят кусты. С корнем выедают траву, обнажая голый песок.

Кони и овцы ломают ноги, проваливаясь в норы песчанок. И очень уж их много: у каждой норки так и торчат.

«Да чтоб вы сквозь землю все провалились!» — крикнул я и топнул ногой. И песчанки мигом все… провалились! Не сквозь землю, конечно, а в свои норки. Только хвосты из норок мелькнули да взлетели фонтанчики пыли. А забавные они всё же зверьки!

Розовый мираж

До самого горизонта розовая равнина: необъятная, как море. Розовое море в белоснежных берегах. Конечно же, это мираж!

Щурясь от нестерпимого блеска, мы из-под ладоней смотрим на чудо. Море дышит жаром. Мы цедим воздух сквозь зубы, как кипяток.

Дует раскалённый ветер, но розовую гладь не морщат волны. Блики солнца не вспыхивают в розовой воде. Даже небо не отражается: наоборот, кажется, что розовая гладь отражается в небе. Всё растворилось в розовом сиянии. И только по белым берегам, посвистывая и извиваясь, несутся смерчи-вихри, словно белые привидения. Конечно же, это мираж! Всё впереди неверно, загадочно и непонятно. Дали дрожат, плывут и струятся. Колышется жаркая розовая мгла. Кисельное море, молочные берега…

Сказочные птицы проплывают над головой. Они похожи на длинные палки с крыльями посредине. Белые палки с красными крыльями, как будто бы палки летят и горят!

Это летят розовые фламинго: вытянуты вперёд длинные шеи, вытянуты назад длинные ноги, вспыхивают посредине красные крылья. Кто бы мог думать, что яркий розовый цвет их перьев может быть и защитным! Везде на чужбине — на фоне зелёных тростников, на фоне синего неба — фламинго заметны издали. И только тут, на их родине, становится понятным их розовый цвет.

С тихим гоготом пролетают розовые птицы над головой и сразу же растворяются в розовом мареве. Голоса их несутся со всех сторон, но розовых птиц не видно над розовым морем.

Я шагаю с берега в воду, но вдруг нога упирается во что-то твёрдое и хрустящее! Сапог продавливает розовую корочку, как наст, как тонкий ледок. А из проломов на розовую чистую гладь выплёскивается чёрная жижа.

Нет, впереди не мираж. Впереди равнина, покрытая розовой коркой соли. Видно, совсем недавно тут было солёное озеро. Оно и сейчас ещё сохранилось где-то за горизонтом; туда и летят на гнездовье фламинго. Но мелководье иссушила жара, корка соли покрыла дно. Под коркой чёрный вонючий ил. Я ломаю нежную корку, а чёрная жижа под ней чавкает, булькает и сопит. Ноги вязнут всё глубже и глубже. Хлюпь засасывает, разевая чёрный рот с солёными розовыми губами. Обманчив этот розовый свет. Чёрная трясина подстерегает неосторожного путника.

Я снова на берегу, засыпанном белой солью. Розовая равнина расплывается в розовой мгле. От нестерпимого блеска ломит глаза. Губы сухие и солёные. Гогот розовых птиц-невидимок несётся со всех сторон. С шипеньем, вытянув длинные белые шеи, ползают смерчи-вихри. И соляная позёмка струится у ног.

На жёлтой тропе

В пустыне снег бывает редко и ещё реже бывает грязь. Поэтому-то и «белая» и «чёрная» тропа там короткая. Зато нет конца-краю тропе «жёлтой» — песчаной.

Барханы — как распахнутые жёлтые страницы: сверху донизу они разлинованы ветровым свеем в косую линейку.

Пиши кто хочешь, что хочешь и чем хочешь!

Пишут звери, птицы, змеи и ящерицы. Пишут ногами, крыльями, животом, даже хвостом и носом. Пишут о себе, о доме, о еде, о врагах и друзьях. Каждый своим почерком, каждый на свой лад. Но всегда только правду, одну голую правду.

Все барханы исписаны и разрисованы.

Каждый день ветер начисто стирает написанное.

Каждую ночь всё пишется заново.

Пишут огромные верблюды и дикие ослы — куланы. Пишут крохотные жуки, пауки, мухи.

Все пишут — успевай только читать.

Арчевник

Выше горного леса, но пониже горных лугов пятнистый арчевник. Арча бывает стелющейся, похожая издали на плоские зелёные кочки. И древовидная, похожая на корявые деревца саксаула. А вблизи арча очень похожа на наш можжевельник, только она не колючая.

Арчовая заросль — место особое. Тут травы свои, свои цветы. И свои обитатели. Самый заметный из них толстоголовый арчовый дубонос. Он сидит на вершине арчи и басом покрикивает: «Че-га-га! Че-га-га!» Или возится в самой арчовой густели: видно только, как шевелятся зелёные веточки, да слышно, как похрустывают арчовые косточки. Клювищем дубонос шутя их раскалывает. А они такие крепкие, что человеку их и не раскусить.

Самый красивый арчовый житель — соловей-красношейка. Горлышко у него словно в алых блестящих чешуйках. Глаз не оторвать от стройной птички на фоне далёкой снежной горы.

Красива и крошечная расписная синичка. Расписана синичка на славу: переливается фиолетовым, синеватым, зелёным. А как хороши красноспинные и седоголовые горихвостки, корольковые вьюрки и арчовые чечевицы!

Заходят в арчовники длинномордые кабаны, лежат в тени кустов чуткие косули, шныряют ловкие горностаи. На камнях стоят рыжие сонные сурки.

И запахи в арчовом лесу не такие, как на лугах и в лесу.

Сушёные камни

Вышел на поляну медведь. На поляне лежат серые камни. Может, тысячу лет лежат. Но вот пришёл медведь и принялся за них. Поддел лапищей, перевернул — сразу стал камень двухцветным. То была одна сухая верхушка видна, а теперь и сырое тёмное донышко. Понюхал медведь двухцветный камень — и дальше. Второй камень перевернул донышком кверху. Потом третий. Четвёртый.

Всю поляну обошёл, все камни перевернул. Все камни — мокрым донышком к солнцу.

А солнце печёт. Задымили мокрые камни, парок от них пошёл. Сохнут.

Смотрю я на медведя и ничего не пойму. Для чего он камни, как грибы, на солнце сушит? Зачем это ему сухие камни?

Спросить бы, да боязно. Медведи — они подслеповаты. Ещё не разглядит, кто его спрашивает. Придавит сослепу.

Молчу и смотрю. И вижу: подошёл медведь к последнему, самому большому камню. Сгрёб его, навалился и тоже перевернул. А сам скорей носом в лунку.

Ну вот, и спрашивать не надо. И так всё понятно. Не камни зверь сушит, а поживу под камнями ищет! Жуков, слизняков,

мышей.

Дымят камни. Чавкает медведь.

Не лёгкая у него пожива! Сколько камней перевернул — одного мышонка добыл. А сколько же нужно перевернуть, чтобы брюхо набить? Нет, ни одному камню в лесу не пролежать тысячу лет без движения!

Чавкает мишка и прямо на меня косолапит. Может, и я ему камнем показался? Ну, подожди, сейчас я с тобой по-своему поговорю! Чихнул я, кашлянул, свистнул, обушком по дереву застучал. Охнул мишка и пошёл кусты ломать!

Остались на поляне я да сушёные камни.

Горы

На горы, как и на море, можно смотреть и смотреть. Они были всегда и всегда будут. Трогая камни, ты трогаешь Вечность.

Внизу лиственные леса, похожие на зелёный каракуль. Над ними леса тёмные, хвойные — словно вздыбленная грива зверя. Ещё выше — горные степи, пёстрые альпийские луга. Над лугами вознеслись гранёные скалы. А на самом верху, выше скал и облаков, вечные сияющие снега!

Всё в горах необычно. Земля, вставшая на дыбы. Облака и птицы пролетают глубоко под ногами, а реки и водопады шумят высоко над головой. Бывает, внизу хлещет дождь, а наверху светит солнце. Внизу жаркое лето, наверху морозная зима. И от зимы до лета рукой подать.

В горах можно по-настоящему витать в облаках. И под радугу можно пройти, как под арку. И можно подняться так высоко, что синее небо ляжет тебе на плечи. И до звёзд покажется ближе, чем до огней в глубоких долинах.

Сурки загорают

Из-под холодных каменных глыб сурки вылезают на солнышко. Садятся на толстые задики и осматриваются. Этакие рыжие копёнки сена, толстые и неподвижные. И каждый, если против утреннего солнца смотреть, с искрящимся золотым ободком. Потом, оглядев все лужайки и камни, принюхавшись ко всем струйкам ветра, ложатся они животами на тёплые камни. Врастяжку лежат, как коврики плюшевые. Зевают, жмурятся, загорают. Внизу потоки шумят, как ветер. Сверху по снеговым языкам оползают камни. Чёрный дрозд в ёлках свистит печально и громко. Сладко дремлют сурки на ветерке. Радуются солнцу после зимы.

Горное озеро

По пути я остановился у озера. Ко мне на дымок забрёл пастух. В чёрной мохнатой бурке, в чёрной мохнатой папахе он стоял, опершись на посох-ярлыгу, и молча смотрел на меня. У него был вид мудреца. И чёрные глаза, строгие и диковатые, как у козла.

— Что ты видишь такими белыми глазами? — удивлённо спросил он. И в самом деле: на багровом от солнца и ветра лице глаза мои казались вылинявшими и белыми. И черноглазому пастуху не верилось, что такими глазами можно что-то увидеть. Мы напились чаю и расстались друзьями. Он ушёл к своему стаду, а я, сев на камень, стал смотреть на озеро своими белыми глазами.

Озеро было как зеркало. Тысячи раз сравнивали тихую воду с зеркалом, а лучшего сравнения не придумаешь. Горы упали белыми вершинами вниз. Чайка летит над водой, а кажется, летят две, брюшком к брюшку. Села чайка на воду и стала смотреть сама на себя. Заплыла чайка на отражённое белое облачко и стала вдруг чёрной! Потом вплыла в чёрную тень горы и снова

забелела, как перышко. А за перышком тянется сияющая солнечная царапинка.

У кромки стоит куличок на непомерно длинных отражённых ногах. И тоже всматривается в себя, касаясь кончиком клюва отражения своего носа.

Утром на озере курчавился полосами туман. Розовыми полосами, похожими на облака «кошачьи хвосты». И в розовом тумане хохотали белые чайки. Потом туман сдвинулся, и на воде засверкали быстрые солнечные чешуйки. И мелкая рябь у берегов стала складываться из фиолетовых, голубых и зелёных пластинок, как из мозаики.

В полдень на озеро смотреть невозможно, оно доверху насыпано солнечной сверкающей чешуёй! Всё дробится, полыхает, сверкает и Переливается. Белым глазам и то больно!

Ласточки несутся над самой водой и черкают воду грудками. А им навстречу из сутолоки полыхающих волн выскакивают чёрные стройные рыбки и щиплют их за брюшко. И волны у дернового берега аплодируют им в мокрые ладоши.

Вечером за горами вдруг вспыхнул и долго горел розоватый свет. А потом из этого розового вышла радуга во всё небо. А закат был багровый и мрачный. Клубился над водой багряный туман, и чёрные чайки метались над ним, как над пожаром. И заря за горами горела как зарево.

Добрым словом я помянул чёрного пастуха — надоумил меня присмотреться! И озеро стало теперь для меня, как добрый знакомый. А то мы бежим всё, торопимся на вершину, и ничего по пути не замечаем. Скорее вперёд, скорее наверх! И приходим к цели измотанные, пустые, высунувши язык…

Медведи кидают камни

Еле держусь на крутом склоне, зацепив локтем кривую берёзку. Снег стаял, склон как зализанный: пряди рыжей травы прилипли к потной земле. Глубоко подо мной синие «щели» — узкие лесные ущельица. Из «щелей» столбами дыма поднимается туман. По гребням гор — зелёные леса. А сквозь зелень крон виден белый снег. Чудной сейчас лес! Под ногами снег, а над головой зелёные листья!

Надо мной нависли скалы. Только что туда убежали медведи: медведица и большой, наверное, прошлогодний медвежонок. Там, где я еле карабкался на четвереньках, судорожно цепляясь руками за пучки гнилой травы, медведи пробежали хоть и тяжёлым, но ровным галопом.

В узкой промоине медведица прыгнула вверх на карниз со снежным языком и сорвалась, содрав когтями снежный язык. Медведица прыгнула опять, зацепилась за карниз, блеснула шкурой — и нет её.

Как ящерица, прижимаясь к земле всем телом, еле дополз я до этого карниза. И вот сижу, перевожу дух.

И вдруг через мою голову с шипением и посвистыванием перелетает каменная глыба! Глыба ударилась ниже о склон, пропахала глубокую борозду и запрыгала вниз.

«Камни вверху подмыло, — подумал я. — Надо уходить».

Но уходить было не просто. Когда я повис, вцепившись пальцами в траву и болтая ногами, через меня перескочил второй

камень. Он ударился в скалу и разлетелся на куски.

Хватаясь за что попало, взрывая каблуками землю, я скатился по склону на широкий уступ и наконец-то встал на ноги. Высоко на гребне горы, прямо надо мной, шевелились две медвежьих башки. Они смотрели на меня… Нет, не вода камни подмыла! И не случайно сорвались они из-под медвежьих лап.

Я выстрелил вверх. Головы сразу исчезли. Долго ещё сползал я вниз по скату, но камни через мою голову больше не прыгали. Мне было не по себе. Неужели медведи сознательно сталкивали на меня камни? Неужели они понимали, что так можно напугать преследователя? Трудно поверить этому. А ведь похоже, очень похоже…

Бородач

Я высматривал его целый день. Ниже в горах видишь его не часто. Ищешь глазами силуэт, плывущий над зубчатым гребнем скал. Увидишь и сразу узнаешь: узкие соколиные крылья, хвост похожий на ромб. Хоть он и гриф, но в полёте не похож на грифа. У грифов крылья как два широких полотенца с махрами на концах. И хвост развёрнут веером. А бородач как лёгкий стремительный сокол. И только рост у него грифовый: крылья в разлёте почти что три метра!

Сегодня мне не везло, ни один бородач на глаза не попадался — ни в небе, ни на скале. А ведь должен где-то быть.

Я совсем ослабел. Ноги как ватные, дыхание хриплое. Я опустился на склон и впал в какое-то забытьё. Камни давили под рёбра, пахло сухой, обдутой ветром землёй. И казалось, что земля эта качается, как на волнах. Приступ горной болезни подобрался и начал ломать. Очнулся я от нарастающего шипения и свиста, С таким шумом ползают по сухим склонам, завиваясь воронкой, пыльные смерчики. Я поднял голову. Прямо на меня, скользя, летел бородач. В огромных крыльях, как в проводах осенью, тоскливо и уныло засвистывал ветер. И глаз с красным ободком сверкал холодно и пронзительно. Бородач покачивал тяжёлым клювом, и пучок чёрной бородки дрожал на ветру. С шипеньем и

свистом, как ураган, пронёсся он надо мной, и волосы на голове зашевелились от ветра. Бородач повернул носатую голову, и красный глаз его смотрел теперь на меня из-под крыла через плечо. Бородач ещё надеялся, что я не пошевелюсь, что я не живой. Но я встал на колени и погрозил ему кулаком.

Гриф сразу потерял ко мне интерес, отвернулся и, как самолёт на подъёме, вдруг пошёл ввысь. И прямо на глазах стал уменьшаться: вот ростом с ворона, вот с пустельгу, а вот и с ласточку. И исчез. Мои глаза, ослеплённые сиянием неба и солнца, не видели уже ничего. Но он с ослепительной высоты, наверное, глядел на меня. Только живой я был не нужен ему.

Джейраньи зеркальца

Джейраны издали кажутся белыми. Словно несётся в степи стайка солнечных зайчиков. Это взблескивает атласное пятнышко на задних ногах — джейраньи «зеркальца». Они такие яркие, такие атласные, такие белые, что хоть глаза жмурь. По этому блеску джейраны и находят друг друга в пустынной безбрежности.

Лягут джейраны — зеркальца под себя спрячут. Побегут — выставляют напоказ: за мной, друзья, — вот он я! Джейраны бегут — словно птицы летят. Лишь на миг ударяют о землю копытцами и снова взлетают на воздух. Так скачет по воде ловко брошенный плоский камешек: только вместо водяных кругов-блинчиков завиваются из-под джейраньих копыт смерчики пыли.

Птичьей вереницей мчатся джейраны. В рожках-лирах ветер поёт. Чёрные хвостики торчат дыбом, И каждый задний смотрится в «зеркальце» бегущего впереди.

Наблюдательная горка

У сипов чутьё на смерть. Диву даёшься, как они о ней узнают. Убьют охотники козла, спустятся в долину за лошадью, а когда вернутся — над козлом сипы сидят. Уходили — ни одного не было, а вернулись — целая стая. А от козла одни рожки да ножки.

Лошадь сорвётся с обрыва или пастухи требуху выбросят — сипы уже кружат. На поминки явились.

Ни одна трагедия не обойдётся без сипов. Узнают они о ней сразу. Словно им сообщают по телефону. В пустом чистом небе вдруг появляется точка. Точка растёт, приближается, уже видны крылья, блестит белый пуховый воротник вокруг голой шеи. За первым сипом тянет второй, за ним третий. В иных горах можно всё лето прожить и не увидеть ни одного сипа. Но если пастухи выбросят овцу околевшую — они явятся сразу невесть откуда. Рассядутся по скалам, как сгорбленные старухи. И станут высматривать: не подвох ли тут, не спрятался ли охотник с ружьём?

Сперва думали, что у сипов особое, какое-то сверхъестественное чутьё. Но оказалось, что чутья у них нет совсем.

Тогда решили, что у них зоркие, как телескопы, глаза. Глаза у сипов и в самом деле зоркие необыкновенно, но и в телескоп ведь не увидишь за скалами или хребтами! А сипы видят.

Мне кажется, я разгадал тайну сипов. Всё просто, пожалуй: они переняли приёмы пожарников. Вернее, пожарники следят по способу сипов. В разных местах города у них поставлены высокие каланчи. Дежурный наблюдает: не покажется ли где подозрительный дым? И если покажется, быстро определяет место, и пожарная машина мчится на пожар.

То же почти и у сипов. Только ещё лучше.

Как у пожарников, у них есть свои каланчи, наблюдательные вышки. Это высокие скалы, острые горы, с которых далеко видно во все стороны. На наблюдательных горках сидят сипы. Они как дежурные. Их маленькие, вроде бы подслеповатые глаза, всё замечают. Стадо туров цепочкой, осыпая копытами камни, карабкается по карнизу скалы. Может, сорвётся кто? Старый седой козёл-безоар сегодня не спускался на водопой. Может, он больше и не поднимется? Может, пора?

Идут в горы охотники. Во-он они, как два мураша на ладони. Что бы ни делали — всё на глазах у сипов! А там арба скрипит к скотомогильнику. Пора!

Между наблюдательными постами кружат в воздухе патрули. Их снизу почти и не видно. А они видят всё.

Увидев поживу, патрульный крутит над ней разведывательные круги. И если он не ошибся, если всё спокойно вокруг, патрульный, поджав крылья и свесив тяжёлые лапы, сжатые в кулаки, падает с неба на землю. Его падение как тревожный гонг на каланче! Падающего видит патрульный-сосед — сипы друг за другом следят ещё зорче, чем за землёй! Накренившись на крыло, он закладывает разворот и плывёт к месту происшествия. За вторым тянется третий: не напрасно ведь второй перестал кружить и потянул куда-то за гребень!

Плывущих в одну сторону патрульных сипов замечают дежурные с наблюдательной горы-каланчи. Они разом перестают дремать, чиститься. Все настораживаются и вытягивают шеи. Патрульные что-то нашли!

Сгорбившись и волоча крылья, бегут они к краю скалы и прыгают в пропасть. Подхваченные ветром, как мохнатые рыжие одеяла, взмывают ввысь и тянут вслед за патрульными. Они не чуют и не видят добычу. Но они знают, что она есть. Вот за теми хребтами и скалами, пока ещё за десятки километров от них.

По всем горам наблюдательные сиповы вышки. А над горами плавают сиповые патрули. Сипы следят друг за другом и терпеливо ждут. Ждут чужой смерти.

Огородники

— Посмотри-ка в бинокль, — говорит пастух. — Вот удивишься!

Я смотрю на зелёный склон. На нём стадо рогатых туров. Все они делом заняты: копытят копытами землю. Бьют передней ногой, как огородной тяпкой — так комки во все стороны и летят! По всему склону рыжие земляные комки вскопанной земли.

— Огороды копают! — смеётся пастух. — Картошку будут сажать!

Туры копытами землю дробят. То и дело носом тычутся — будто и в самом деле лунки делают под картошку.

— Картошка что! — говорит пастух. — У них похитрей дело: соль добывают! Всю зиму пресное ели, а теперь солонцуются. Теперь траву едят, как картошку, с солью.

Чесальная горка

Зачем я, чудак, поднимаюсь по снежнику, выбирая окованными ботинками ступеньки в снегу? Если тут соскользнёшь, то во-он только там остановишься! И не поднимешься..

Но не я один чудак — вот ещё следы чудаков. Не следы даже, а какие-то борозды-волокуши! То ли по-пластунски ползли вверх по снегу, то ли сверху шары снеговые скатывали. А может, и на спине вниз сползали, раз уж чудаки…

Ох уж эти загадки! Сам еле на круче стоишь, о себе в самый раз подумать, а тут ещё разгадки ищи!

Но «разгадка» в этот раз сама вылезла на животе из-за скалы. Горный козёл! Животом на снегу, передние копыта вперёд, задние вытянуты назад и ползёт вниз потихоньку. С горки катается. И даже бородой трясёт от удовольствия.

Ну был бы ещё глупый козлёнок безрогий, а то ведь рога как у беса и седина в бороду! Что-то тут, наверное, не так. Не от игривости же он катается. Вот и ещё загадка!

Но с меня хватит: если я ещё с минуточку на этакой крутизне проторчу, то, того и гляди, сам загадаю загадку: борозда — и голова-ноги! Нет уж, спасибо, сами разгадывайте, почему туры по снегу на животах ползают? Если вам интересно…

А потому ползают, что животы у них… чешутся. А чешутся потому, что мошки, слепни и комары их накусали. Летом от них и

в высоких горах нет спасения. Спину хоть рогами почесать можно, бока — о камень. А живот только о жёсткий снег: лёг и поехал!

Конь-великан

Вчера на зелёные горы упал белый град.

Стало как зимой. Да не совсем. И бело, и холодно, а знаешь, что это не серьёзно. Из-под белого везде проглядывает зелёное. И пробиваются, пробиваются летние запахи разных трав.

К утру травы победили. Мутные струи талого града побежали по скатам гор.

Одна струя помчалась по узенькой тропинке, смывая с неё старые следы людей и зверей.

Смыла следы — и стала покрывать тропинку мутной земляной жижей.

Но пришёл конец и потокам. Из-за притихших гор поднялось солнце.

Всё вокруг обновилось: зелень стала свежей и тропинки — нехоженые.

Днём началась жара. Камни от жары стали лиловые и золотые.

Отяжелели, поникли к земле колоски. Смотрю на них против солнца и вижу: взлетит из трав птица — и под крыльями у нее взметнется золотое облачко цветочной пыльцы. Летит птица над травами — и каждый удар крыльев рождает золотистый пылевой смерчик.

Тропинка затянулась корочкой. Потом корочка растрескалась от жары, на ней переплелись лиловые трещинки до самого камня.

Мой конь шагает по звонкой тропинке — и каждый шаг его копыт выбивает в корочке лунку. Шаг — лунка, шаг — лунка. Четыре копыта — четыре лунки. Вся тропинка позади нас в лунках.

Вечером я возвращаюсь по этой тропинке с горы.

Из каждой лунки взлетает птичка: в каждой лунке — птичья пылевая купалка. Птенцы купаются, набрасывая на себя крылышками пыль.

Все птицы горного склона собрались порхаться в лунках. Вся тропинка для них стала пляжем.

Мой конь, наверно, казался птицам сказочным конём-великаном, от каждого шага которого рождается озерко.

Тетёрка

Кавказская тетёрка всем схожа с нашей, обыкновенной. Может, поменьше только.

И повадка у неё простая: увидит охотника, — улетит; услышит, — убежит или затаится.

Но однажды встретил я тетёрку, которая не улетела от меня, не убежала и не затаилась.

Сидел я на склоне у ручья. Плещет, скачет с камня на камень вода и у кустов рододендрона обрывается водопадиком.

Из этих кустов и вышла тетёрка. А за ней шесть — в полматки — цыплят.

Хотел я притаиться, да неловко шевельнулся: из-под ноги поскакали камешки.

Семь головок, как семь цветочных бутонов, поднялись из травы. И замерли.

Шесть несмышлёнышей ждут сигнала матери.

Вот тетёрка взмахнула крыльями.

«Сейчас улетит», — подумал я. Но она не улетела. Только кинулась в сторону. «Сейчас убежит!» Но она наткнулась на камень — и не убежала.

Шесть глупых цыплят ждали.

Тогда я нарочно зашуршал ногой.

Тетёрка — грозная, взъерошенная — бросилась прямо на меня.

Я шуршал ногой, а тетёрка бежала ко мне, спотыкаясь и падая.

Она кинулась мне прямо в руки и, схваченная, закричала, забилась, теряя перья.

Это послужило сигналом.

Шесть цыплят разом взлетели — и спланировали под кручу.

Я был поражён безрассудной самоотверженностью птицы. Зачем кидаться в руки врага, когда можно убежать, улететь, спрятаться?

Но, прижав ладонями тугие, сильные крылья, я вдруг заметил: тетёрка была слепа. Вместо живых птичьих глаз были две пустые впадины с запёкшейся кровью.

Всё было ясно.

Пёстрый желтоглазый ястреб налетел, скогтил, поволок. Проколол глаза, да не сумел удержать и убить — вырвалась.

Тетёрка и слепая водила выводок. На ощупь клевала траву и почки. Шесть несмышлёнышей по-прежнему ждали от неё сигналов. Но теперь она не могла взлететь и увлечь за собой

выводок. Не могла убежать и спрятаться с выводком в чаще. Куда бежать, куда лететь, когда кругом ночь?

…А враги крадутся. Слышны шорохи в кустах, в траве. Скачут из-под чьих-то ног камешки.

И тетёрка, защищая детей, бросалась прямо на шум. Это всё, что она могла теперь сделать.

Слабый враг испугался бы и убежал. Сейчас враг оказался сильней. И она забилась, закричала. Тетеревята были спасены.

Я держал в руках слепую тетёрку и не знал, что с ней делать?

Под ладонью быстро-быстро билось птичье сердце, такое маленькое, но такое смелое!

Горная утка

Ярко-рыжая птица сидит на зелёном склоне. Никогда я такой в горах не встречал. Я навёл бинокль и тихонько присвистнул: на горном склоне сидела утка! Большая рыжая утка! А кругом громоздились горы, скалы протыкали облака, и не только озера или речки, лужи поблизости не было.

Потом я встречал рыжую утку даже на заоблачных скалах. Там, где жили орлы, где плавали грифы и кричали клушицы. Странно было видеть утку, идущую вразвалку по узкому каменному карнизу.

Рыжая утка огарь не только встречается в скалах, но и устраивает там своё гнездо. И маленькие пуховые утята, когда выклюнутся из яйца, прыгают со скалы, растопыря парашютиками перепончатые лапки и мохнатые культяпочки крыльев. Как они о камни не разбиваются — даже и вообразить невозможно! По скалам, по осыпям каменным, через каменные ущелья ведёт утка утят к далёкому озерку. И только тут эти отчаянные скалолазатели вновь становятся водоплавающими, как им и положено быть.

Трясучки

В тёмной нише скалы висят… сухие груши! Висят на потолке, как на ветках грушевого дерева. Старые, сморщенные, обёрнутые в сухие блёклые листья. Уж не сушит ли груши себе про запас какой-то неведомый житель скал?

Не веря глазам, я протянул руку, чтобы пощупать их и на свету рассмотреть хорошенько, но сразу руку отдёрнул: груши, как по команде, задрожали. Задёргались и затряслись; задрожали от страха. Груши дёргаются и трясутся, я стою и вздрагиваю. Груши меня боятся, а я боюсь груш.

Но когда глаза мои к темноте попривыкли, я разглядел, что на потолке не груши висят, а… летучие мыши! И не в сухие листья они обёрнуты, а в свои кожистые крылья.

Страх мой сразу прошёл: ну чего тут такого, что мыши дрожат? Мыши не груши. Но всё-таки удивительно: дрожат они, а страшно другим! Их дрожь других в страх вгоняет!

Потом я узнал, что этих летучих мышей, похожих на высохших груш, жители гор называют — трясучками. Очень метко. Таких по-другому и не назовёшь!?

Синяя птица

Её так и называют — синяя птица. Древняя родина её — Индия. Но теперь она живёт и у нас — в ущельях Тянь-Шаня.

Я долго искал встречи с ней. И вот сегодня у меня радость. Ну разве не радость своими глазами увидеть живое существо, которое никогда раньше не видел?!

У самой реки я втиснулся между огромных холодных камней. Тяжёлый водяной гул глушит всё. Я вижу, как падают в реку камни, но всплесков не слышу. Я вижу, как широко разевают клювики горные овсянки и чечевицы, но песен их не слышу. Я сам кричу для пробы — и не слышу сам себя!

В свирепом грохоте воды и вой ветра, и рёв бури, и громыхания грома.

Но вдруг звук особый, острый как нож, легко и шутя разрезал этот грохот и гул! Ни крик, ни рёв, ни вой не смогли бы одолеть грохот реки: свист, похожий на визг, перекрыл всё.

В этом неистовом гуле он слышен так же легко, как песня зяблика в тихое утро.

Это она — синяя птица. Тёмно-синяя — её видно издали. Она поёт, и песню её не заглушить. Она сидит на камне посредине реки. Как два зелёных крыла вздымаются у камня две упругих струи воды. Над ней водяная пыль, и в пыли переливается радуга. И сама она в блёстках воды, как в жемчуге. Поклонилась и веером развернула хвост: хвост вспыхнул синим огнём.

Спина моя затекла, под боком острые камни, по ногам, втиснутым в щель, ползают противные чёрные слизни. Я оглох от грохота и вымок от брызг. Но я не свожу с неё глаз: доведётся ли когда-нибудь ещё встретить синюю птицу…

Лесные тайнички

Лес густой, зелёный и полон шорохов, писков, песен.

Но вот вошёл в него охотник — и мигом всё спряталось и насторожилось. Как волна от брошенного в воду камня, покатилась от дерева к дереву тревога. Все за кусток, за сучок — и молчок. Теперь хочешь увидеть — сам стань невидим; хочешь услышать — стань неслышим; хочешь понять — замри.

Я это знаю. Знаю, что из всех лесных тайничков следят за мной быстрые глаза, влажные носы ловят бегущие от меня струйки ветра. Много кругом зверьков и птиц. А попробуй найди!

Я пришёл сюда повидать сплюшку — крохотную, со скворца, сову. Целые ночи она, как заведённая, кричит своё: «Сплю! Сплю! Сплю! Сплю!» — будто лесные часы тикают: «Тик! Тик!.. Тик!..»

К рассвету встанут лесные часы: сплюшка смолкает и прячется. Да так ловко прячется, будто её никогда в лесу и не было.

Голос-то сплюшки — ночные часы — кто не слышал! А вот какая она на вид? Я знал её только по картинке. И так мне захотелось увидеть её живьём, что я целый день пробродил по лесу, каждое дерево, каждую ветку осматривал, в каждый куст заглядывал. Устал. Проголодался. Но так и не нашёл её.

Сел на старый пень. Молчу, сижу.

И вот, глядь — змейка! Серая. Плоская головка на тонкой шее, как почка на стебельке. Выползла откуда ни возьмись, смотрит мне в глаза, будто чего ждёт от меня.

Змейка — она пролаза, должна всё знать. Я ей и говорю, как в сказке:

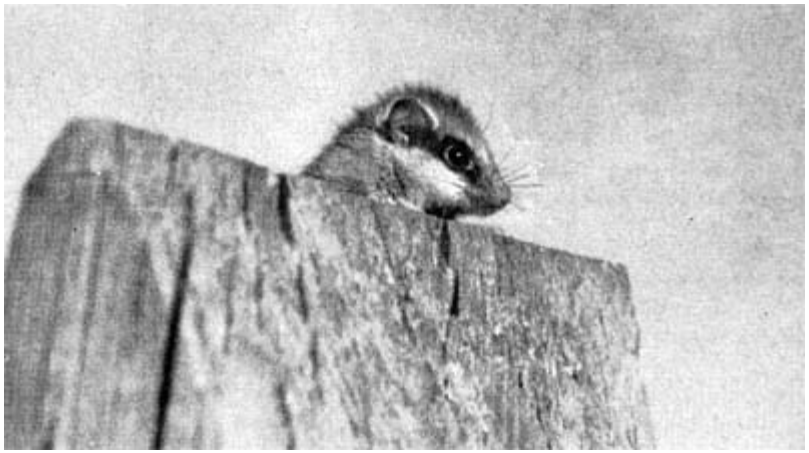
— Змейка, змейка, поведай мне, где спряталась сплюшка — лесные часы?

Змейка подразнила меня язычком да юрк в траву!

И вдруг, как в сказке, открылись передо мной лесные тайнички.

Длинно-длинно прошуршала в траве змейка, показалась ещё раз у другого пня и вильнула под его обомшелые корни. Нырнула, а из-под них вывернулась большая зелёная ящерица с синей головой, точно кто-то вытолкнул её оттуда. Прошуршала по сухому листу — и шмыг в чью-то норку!

В норке другой тайничок. Хозяйкой там тупоморденькая мышка полёвка.



Испугалась она синеголовой ящерицы, выскочила из отнорка — из темноты на свет, — заметалась-заметалась — и шасть под лежачую колодину!

Поднялся под колодиной писк, возня.

Там тоже оказался тайничок. Целый день спали в нём два зверька сони-полчки.

Выскочили из-под колодины сони-полчки, ошалели от страха. Хвосты ершом. Взвинтились по стволу. Поцокали — да вдруг опять им страшно стало, — ещё выше по стволу винтом кинулись.

А выше в стволе — дупло.

Сони-полчки хотели юркнуть в него, да сшиблись у входа лбами. Пискнули от боли, кинулись опять обе сразу — да так вместе и провалились в дупло.

А оттуда — фык! — маленький дупляной чёртик! Ушки на макушке, что рожки. Глаза круглые, жёлтые. Сел на сучок спиной ко мне, а голову так завернул, что смотрит на меня в упор.

Конечно, не чёртик это, а сплюшка — ночные часы!

Я моргнуть не успел, он — раз! — и в листву.

И там завозилось, запищало: тоже, значит, кто-то таится.

Так от дупла к дуплу, от норки к норке, от колоды к колоде, от куста к кусту, от щели к щели шарахается со страха лесная мелюзга, открывая мне свои ухоронки — тайнички.

От дерева к дереву, от куста к кусту, как волна от камня, катится по лесу тревога. И все прячутся: скок-скок за кусток, на сучок — и молчок.

Хочешь увидеть — стань невидим. Хочешь услышать — стань неслышим. Хочешь узнать — затаись.

Жужжало

Темно в ущелье, клыки скал чуть видны на чёрном небе. На одном клыке дрожит звёздочка — как далёкий свет маяка.

Всё расплылось во мраке. Но вот раскрылись ночные цветы, забелели из темноты. Белизна их особая,' цветы словно светятся. Светятся и благоухают. Струи пряных запахов текут от цветов. А для кого?

Сажусь на камень и жду. Призрачные тихие ночные минуты. Ничего не видно: одни неясные пятна на темноте. Ничего не слышно, кроме стука своего же сердца. И ничего не происходит. Но одно уже то, что вдруг произойдёт, заставляет всматриваться и вслушиваться. И ждать.

Время тянется не спеша. Сколько позади таких вот ночей!

Сырых и холодных, сухих и жарких. И время тянулось еле-еле. И тоже ничего не происходило. Но никогда — никогда! — не было скучно!

Вот лёгкий шорох и лопот. Быстро включаю фонарь. На камне трепещет мохнатая ночная бабочка. Она похожа на крошечную сову. И как у совы, на плоском щетинистом личике горят и сверкают глаза! Этакий гномик ночной.

Гаснет фонарь, и гаснут глаза.

И опять долго-долго ничего не происходит. Звёздочка сползла со скалы, парит уже в небе, дрожит и переливается там, как росинка. И начинает двоиться. Дрёма одолевает меня. И тут-то словно вентилятор включили! Вдруг зажужжало, ветерком по лицу мазнуло, и живая тень нависла над белым цветком. Дождался цветок того, для кого струил аромат и светился!

В узеньком лучике света от фонаря висит крохотный вертолёт. Ночная бабочка, большущая и глазастая, с крылышками, слившимися в серебристое облачко, сверкающими, как два пропеллера, повисла в воздухе над цветком и длинным хоботком, словно через соломинку, сосёт сладкий цветочный коктейль. Бражник бражничает на цветах. И разгульно гудит.

Ну вот и произошло. Не ахти какое событие: маленькая тайна ночи.

Соловьи и туман

Туман затопил ущелье. Сыро, холодно, всё набухло водой. Сейчас в лес войти всё равно, что в воду нырнуть.

Сижу я в палатке и жду погоды. Туман над головой, как рыхлый, сырой потолок: и капает-то с него, и сочится. Хочется ткнуть в туман, как в мокрый матрац палкой, да страшно, что проткнёшь и тебя обольёт.

А под самым туманом свистят соловьи. Словно туман на соловьиных песнях повис. Одного соловья даже вижу: мокрый и рядом с мокрым листом сидит. Глаза закатил, крылышки чуть приспустил, а от свиста весь дёргается. Как свистнет, как свистнет — капли с листьев так и сыплются, как горошины!

Туман потихоньку поднимается вверх. И соловьиные песни с ним поднимаются. Всё выше и выше. И кажется, что это не сам он вверх поднимается, а что песни его соловьиные поднимают, в гору толкают, чтоб поскорее выпихнуть за хребет.

Вверх от ненастья

Тяжёлая муть затопила предгорья. И горы, если сверху смотреть, стали как острова среди неспокойного серого моря: одни вершины торчат. И только в просвет или зазор у горного склона тускло видна в глубине земля. И видно, что там, внизу, затяжное ненастье и сыплет нудный осенний дождь. А над тучами, над островами вершин ясное солнце и небо чистое и прозрачное.

Орлы и грифы спасаются от подоблачного ненастья. Тут и там поднимаются они из просветов в тучах, выныривая, как из прорубей и, поднявшись над морем туч, плывут величаво и медленно к солнечным скалам.

Ну как не позавидовать им? Они всегда могут подняться из ненастья к солнцу!

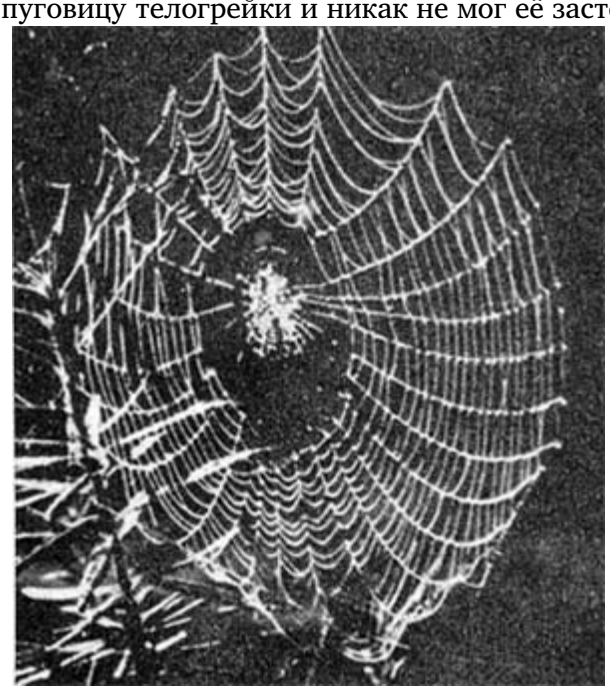
Стоит лишь распахнуть крылья.

Стоит и молчит

Светает. В лесу ещё темно, но тропу уже видно. Поднимаюсь в гору, смотрю под ноги. Ветви нависли над тропой; не глядя, отвожу их рукой от лица. Паутина липнет на щёки. Лес просыпается. Заквакал зелёный дятел. Ночной козодой на поляне промурлыкал и похлопал крыльями в последний раз. И словно движутся мимо меня туманные и ещё чуть видимые стволы дубов, буков и кусты ежевики.

Прохожу мимо мохнатого пня. И прошёл. Совсем рядом прошёл, но тут внутри у меня что-то ёкнуло И щёки похолодели: пень-то вдруг шевельнулся и тихо фыркнул, словно чихнул! На обочине — рукой толкнуть! — стоял медведь. Стоял на задних лапах, а передние лапы на пузо свесил. Губы трубочкой, — того и гляди свистнет! Растерялся, что ли, — стоит как пень!

Медведь опомнился, мягко упал на четвереньки, вскинул мохнатым задом — и зашумел по кустам. А я ещё долго стоял, застёгивая пуговицу телогрейки и никак не мог её застегнуть.



По грибы

Мы, жители равнин, за грибами ходим, а вот горцы за грибами… ползают! Такая в горах везде крутизна, такие скаты-уклоны, что на двух ногах не пройдёшь. Только-только прокарабкаешься на четвереньках.

И в горах грибы подберёзовики растут под берёзами. Только под горными берёзами: кручеными-перекрученными. И подосиновики — под осинками; только под горными, торчащими между камней.

Найдёшь гриб — срезай осторожно. Срежешь — держи крепче. Отпустишь — гриб, словно белка, сразу ускачет вниз!

Сядешь передохнуть — корзину просто так рядом не ставь, а зажми в ногах. А то и корзинка умчится вниз, как санки с горы. И шапку рядом с собой не клади — сейчас же покатится колесом под уклон.

И упаси тебя грибы рассыпать! Разбегутся, запрыгают — не догонишь и не поймаешь. Да и ловить осторожней надо, а то не только грибов — и костей собственных не соберёшь!

Опасно в горах по грибы ползать.

Медвежья яблоня

Поспели в лесу дикие яблоки. Те, что кислицей зовут: откусишь — и чуть не слёзы из глаз!

— Не торопись, — говорит пастух. — Найдём сладкую яблоню, медвежью!

Я подумал, что это сорт такой. А оказалось, что яблоня и в самом деле медвежья! Медведь её отыскал в лесу и пометил: на коре когтями зарубки задрал.

— Ну-кось, пробуй! — пастух говорит.

А мне неохота. Зелёное оно, мелкое, на вид даже хуже других. От одного его цвета уже оскомина на зубах.

— Да ты пробуй, пробуй! — пастух пристаёт.

Я откусил и не верю — сладкое! Даже очень съедобное. Не медовое, конечно, и не сахарное-наливное, но для кислицы-дичка просто приятное.

Сидим под медвежьей меченой яблоней и едим медвежьи сладкие яблоки.

— Медведь, он такой… — говорит пастух. — С других яблонь зря и не пробуй, ищи сразу меченую.

— А хозяин не заругается, что мы без спроса с тобой? — смеюсь я.

— А кто его знает? — отвечает серьёзно пастух.. — Он, наверное, давно из кустов за нами следит!

— Так, может, лучше уйдём?

— Ещё чего! Пусть сам уходит, другую сладкую ищет. Ему всё равно делать-то нечего.

Сидим, едим сладкие яблоки. Пока хозяина нет…

А кабанам, которые тоже на медвежьи яблочки падки, он поблажки такой не даёт! Правда, у кабанов совсем совести нет. По-свински себя ведут. Медведь старается, ворочается на яблоне, отрясает ветки, а кабаны внизу собирают падалицу. Рявкнет на них, а они снова. Тогда возмущённый медведь, повизгивая и подвывая, мешком падает вниз, прямо на бесстыжие кабаньи рыла. Ну, тут уж их сдует как ветром!

У костра

Пламя костра — сухое и жаркое. Над костром, как на ветру, качается ветка бука. Взошла луна — ив глухом буковом; лесу стало ещё мрачнее и глуше. Как в чёрной воде. И только там, где лунный свет пробил лесную крону, легли на стволы и землю яркие жёлтые пятна. Тревожно как-то. Из чёрного леса с жёлтыми лунными пятнами — шорохи и тихий хруст. Чуть притушил костёр еловой лапой: хвоинки запищали и красными зигзагами запрыгали вверх.

Лёг к костру спиной. Неудобно… Повернулся лицом — ещё хуже. Переполз на другое место — опять что-то не так: не то сучок под боком, не то в головах низко. И вдруг понял: дело не в сучке и не в изголовье. Дело в сердце — щекотно, перебои и одышка. Это знакомо. Это предчувствие. Кто-то притаился вблизи! Потянулся тихонечко к карабину, оттянул курок и быстро вскочил на ноги. Костёр слепит. А за костром — чернота и жёлтые пятна…

Пригнувшись, кинулся в темноту — как в воду нырнул. Упал и затаился за большим валуном, затянутым мхом.

Странно выглядит ночью костёр со стороны. Красное плашмя беззвучно мечется то разгораясь, то затухая. Ветви над огнём кланяются, кланяются. А серые стволы деревьев, как ноги слонов, переступают вокруг огня, словно пританцовывают.

Ощущение, что тут кто-то есть, не проходит. Это даже не ощущение, а уверенность; я знаю, что этот «кто-то» ещё покажет себя. И он показал.

Сутулая и сгорбленная фигура встала между мной и костром. Будто облачко наплыло на костёр и затмило его. Медведь! Бесшумно, словно это и в самом деле лишь облачко тумана, а не матёрый зверина, медведь ещё раз обошёл вокруг костра, — и опять чёрная туша его затмила огонь. Но вдруг он быстро повернулся ко мне — видно, учуял! Чуть слышно охнул и мгновенно исчез.

Я побоялся стрелять. Почему? Да разве всё объяснишь, когда вокруг чёрный лес, жёлтые лунные пятна и сутулая фигура, плывущая по красному пламени как туман!

Я не думаю, что медведь пытался напасть. Просто его распирало от любопытства: что это за жар-птица с красными крыльями и почему вокруг неё пляшут деревья?

Железный лес

Растёт в горах Талыша железное дерево. Не одно дерево, а целый железный лес. Странный это лес. Стволы деревьев больше похожи на каменные столбы, изборождённые временем, размытые ливнями, выветренные вихрями. Какие-то корявые пещерные сталактиты и сталагмиты. Твердокаменные, несокрушимые — гудят под обухом. Сучья у них пятнистые, как спины удавов, раскорячены и перекручены. Ветру их не согнуть, не качнуть даже — как из железа отлиты. Упёршись, сучки прикипают друг к другу, врастают в стволы, сплетаются в железное кружево. Не поросль, а решётка железная. И листья на них жёсткие, как из зелёной жести.

Сумрачно и голо под пологом железного леса. Блики солнца на тёмной земле лежат разноцветными овалами и кругами. Словно выложена земля жёлтой, лиловой, голубой мозаикой кафельных плиток.

В железном лесу всегда тихо. Даже стука дятлов не слышно: боятся, наверное, дятлы нос о сучки погнуть! Ещё бы: сучки не всякий топор возьмёт. Они даже в воде тонут, как камни.

Лес хмурый и сумрачный. Железный.

В ущелье боздагов

Охотника-натуралиста влекут к себе узкие каменистые ущелья боздагов — выжженных солнцем хребтов. В них вечно что-то сыплется, шуршит, откуда-то падают камешки. Может, так, само по себе. Может, ящерицы. Может, заяц пробежал или выводок кекликов взлетел — красивых горных куропаток. А может, и горный козёл скакнул — желанная добыча охотнику.

На рассвете ущелья — как синие трещины на красном хребте. К полудню трещины наливаются белой мглой, а камни в них становятся от жары золотыми. Под навалом золотых камней — чёрные тени. Душно в этих раскалённых ущельях. Нечем дышать. Медленно подвигаешься вперёд. Ущелье то и дело круто виляет. Подходя к повороту, взводишь курки: ещё шаг — и может быть неожиданная встреча.

…Стремительно удирают лупоглазые маленькие ящерицы-гекконч ики. Толстые, серые, как щебень, агамы — большие шершавые ящерицы с треугольными головами и обрюзглыми щеками — с трудом лезут в тесные щели в камнях; их жёсткая чешуя скрипит о камень, как наждак.

Ещё поворот — и за ним звонкий, будто железка ударяет о камень, крик птички скального поползня. Тревога на всё ущелье!

Осторожно выглядываю из-за скалы.

Вижу: внизу кеклик вскочил на камень, вытянул шейку, на цыпочках тянется — так ему хочется узнать, почему крик. А выше выглянула из-за выступа козлиная голова с высоченными ребристыми рогами.

Оба — и козёл и кеклик — не оторвут глаз от поползня, что в тревоге мечется по скале и кричит, кричит!.. Им непременно надо узнать, о какой страшной опасности предупреждает маленькая птичка всех жителей ущелья. Поскорее надо узнать… Они смотрят на поползня и не замечают меня.

Выбирай любую добычу: птицу или зверя. Но время терпит. Прежде чем прогремит в ущелье выстрел *охотника*, должен сделать здесь свои наблюдения *натуралист.*

Мои глаза скользнули по золотым камням скалы и увидели то, что скрывалось за выступом от глаз козла и кеклика: на совершенно отвесной каменной стене — гнездо поползня. Будто кто взял и прикрепил к стене узкогорлый глиняный кувшин.

А внизу ползёт к гнезду, сокращая и вытягивая своё мутно-пятнистое кошачье тело, цепляясь им за выступы камня, гюрза — змея толщиной в мою руку, чей яд способен убить лошадь или верблюда.

Юлой кружится вокруг неё поползень — то вниз головой, то вверх — и кричит, и кричит, и крик его повторяет каждый камень; и кажется, камни кричат от страха. Но и стоголосый крик их не спасёт птенчиков от ядовитой гадины.

Стена отвесная, а гюрза ползёт.

Опирается на хвост, поднимает голову и шарит ею, шарит по камню. Нащупает уступ — и перельёт на него своё тело, как

ртуть.

Вот гюрза у самого кувшина — совсем рядом с тёплой птичьей спаленкой, где давно проснулись встревоженные криком желторотые поползнята.

Стенки кувшина гладкие. Неужели влезет по ним гюрза?

Опёршись хвостом о шероховатый выступ скалы, змея нацелилась на горлышко кувшина. Потянулась, потянулась к нему.

Вот треть, вот половина, вот две трети змеиного тела поднялись в воздух.

Поползень зашёлся криком.

Гюрза качнулась к горлышку, но не достала до него и, сдерживая равновесие, изогнула своё тело вопросительным знаком.

Сейчас пододвинется немножко — и заползёт в гнездо. Чёрт с ним, с козлом!

Не могу же я допустить, чтобы эта гадина у меня на глазах проглотила беспомощных птенчиков! Я вскинул ружьё.

Но тут случилось чудо: маленький поползень, вспорхнув, ударил гюрзу в затылок клювиком, лапками, всем своим маленьким птичьим тельцем.

И слабый удар грозен, если нанесён вовремя.

Не сдержав равновесия, змея сорвалась со скалы.

Извивающееся тело её замелькало в воздухе и тяжело шлёпнулось о камни на дне ущелья.

Поползень юркнул в гнездо. Увидел, что все птенцы его живы-здоровы.

Сейчас же опять выглянул из горлышка кувшина, но, заметив бьющуюся внизу гюрзу, испугался и спрятался снова.

Здесь моего выстрела не понадобилось, и, значит, желанная добыча ждёт меня.

Поднял глаза, но ни рогатой головы козла, ни любопытного кеклика уже не увидел.

Ладно, не жалко!

В путь, в путь!

Впереди ещё поворот, за ним — ещё… За каждым поворотом — новые встречи. Охотнику — добыча, натуралисту — наблюдение.

Украшатель

Невольно в скалах ищу глазами гнездо скального поползня. Это самое интересное птичье гнездо… Похоже оно на глиняный кувшин, пришлёпнутый донышком к стенке. Слеплено основательно и добротно. Ещё и украшено!

У каждого поползня свой вкус и мера. Один почти совсем не украшает свой дом, — так воткнёт в глину одно или два перышка. Зато другой перестарается и наляпает неумеренно. Видел раз гнездо, в которое было вмазано сразу два голубиных крыла!

Бывают поползни прирождённые художники-декораторы.

Запомнилось мне одно гнездо: оно блестело и переливалось.

Ещё бы: в глину вокруг гнезда были вмазаны разноцветные камешки! Тут и там торчали яркие перышки. Пестрели щитки и надкрылья жуков: красные, чёрные, синие, зелёные!

Янтарями горели кусочки смолы. Даже цветочные лепестки были пришлёпнуты к глине! Гнездо, украшенное мозаикой! Хоть на выставку, хоть в музей!

Но я гнездо оставил хозяину. Вряд ли кого это гнездо порадует больше, чем его самого!

Красный каньон

Щебнистая пустыня вокруг, похожая на гигантский, позеленевший от времени медный щит. Медь — это щебень, побуревший от солнца. Зелень на меди — жидкая щетинка сизой полыни. А тёмные пятна, похожие на озёра, — это тени от облаков. На краю пустыни горы — как старые медные купола, с позеленевшими от полыни боками. Между пустыней и горами треснула и разверзлась земля, открыв взору глубокий красный каньон. Смотришь вниз — кружится голова. Глубоко-глубоко, по самому дну, плавные извивы ручья, В нём давно уже нет воды; сухое дно, как дорога, засыпано гравием и песком.

Идём по сухому дну, и щебень скрипит под ногами. По сторонам — красные стены. А над ними — высоко, высоко! — узкая лента неба. Неба, раскалённого добела.

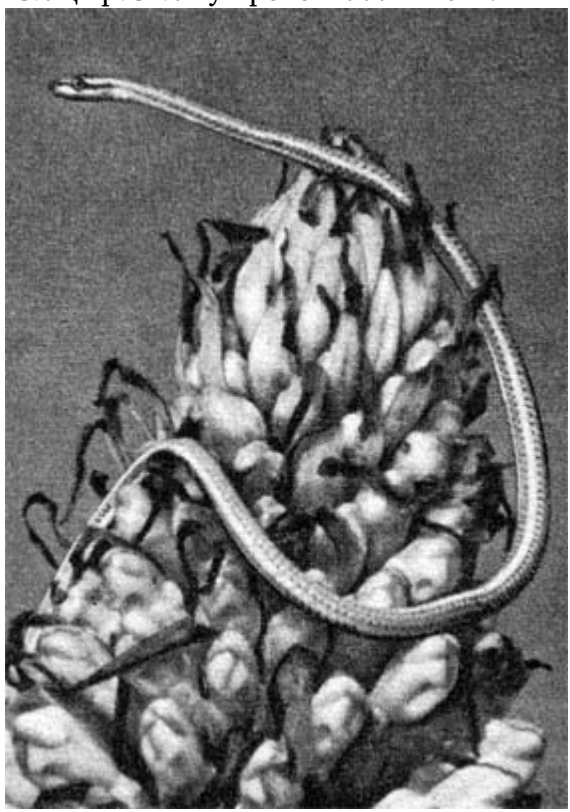
Ущелье до краёв налито зноем. От красных стен пышет жаром. То тут, то там что-то сыплется и шуршит. Это лопаются от солнца камни и трескаются глыбы глины. И тишина от этих шорохов какая-то пугливая и неспокойная. Всё время кажется, что кто-то крадётся или ползёт…

Никак не отделаться от ощущения, что ты не просто в каньоне, сотворенном природой, а в покинутом городе древних. Вот крепостная стена: видны ниши-бойницы. Вот просто стены домов: окна, двери, ступени. Замки с готическими пирамидками, башенками, шпилями. Защитные рвы и валы. Вода и ветер творят тут нерукотворно… Слепая природа создаёт красоту… для глаз.

Невидимый кто-то следит за тобой. Упрямо уставился в спину. Кто-то выглядывает из бойниц и окошек. Кто-то прячется за выступами и в развалинах, а может, это блики солнца играют? Кто-то шепчется в нишах и гротах — или это ветер шумит? И не хочется говорить громко, и всё время хочется обернуться…

В тени кустика притаилась стрела-змея. Она дразнит язычком

и ласково покачивает изящной головкой с большими и круглыми глазами птицы. Страшные истории рассказывают про эту змею. Будто прыгает она и пронзает человека насквозь. Змея и впрямь на стрелу похожа: тонка и стройна, движения её стремительны и грациозны. Но опасна она только для маленьких ящериц. Сухо трещат цикады; жара от этого кажется ещё страшней. Разморённый заяц вразвалку проковылял в тень.



Вечером над каньоном засвистывал ветер. Косматые тучи, сверкая и громыхая, выползли из-за горы. Видно было, как жаждет земля воды: остыть, пропитаться, омыться!

Хлынул дождик и… куда-то исчез! Не долетев до земли, он испарился в горячем ветре! Это был «сухой дождь», который бывает только в пустыне.

Зато какая радуга опустилась в каньон! Какие вдруг осветила она в нём купола, пагоды, колокольни и минареты! Как зловеще зачернели провалы, пещеры и гроты! Какие выступили колонны, резные фигуры и силуэты! Багровые занавеси из камня повисли между колонн.

Но туча надвинулась на горизонт, потухло солнце, и радуга, и сказочный город утонули в темноте.

Лесные пословицы и поговорки

Кто боится медведя, тот боится и его следов.
Быки бодались, а пострадали слепни.
Тысяча светляков — ещё не солнце.
Ловка белка, да и то срывается.
Схватили енота за воровство — лисе легче.
Вьюнок без кола высоко не поднимется.
Где вода мутная, там цапли жирные.
Глубже река — крупнее рыба.
От прямого дерева — прямая тень.
Заяц не трус, но себя бережёт.
Из чистого родника — чистая вода.
Лес не школа, а всех учит.

notes

Примечания

1

Урёма — кустарник, растущий вдоль рек.